

А.А. МИРОНОС

**УЧЕННЫЕ
КОМИТЕТЫ
И СОВЕТЫ**

**МИНИСТЕРСТВ
И ВЕДОМСТВ**

РОССИИ В XIX ВЕКЕ:

**ЗАДАЧИ,
СТРУКТУРА,
ЭВОЛЮЦИЯ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

А.А. Миронос

**УЧЕННЫЕ КОМИТЕТЫ
И СОВЕТЫ МИНИСТЕРСТВ
И ВЕДОМСТВ В XIX ВЕКЕ:
ЗАДАЧИ, СТРУКТУРА, ЭВОЛЮЦИЯ**

Монография

Издательство Нижегородского госуниверситета
Нижегород
2000

УДК 342.518
ББК Х.401.122.21+421
М 64

Рецензент:

зав. информационно-аналитическим центром
“Архив науки и техники” ИИЕТ РАН
канд. ист. наук С.С. Илизаров

М 64 Миронос А. А.
УЧЕННЫЕ КОМИТЕТЫ И СОВЕТЫ МИНИСТЕРСТВ И ВЕДОМСТВ
В XIX веке: Задачи, структура, эволюция: Монография. Н. Новгород:
Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2000. – 255 с.

В предлагаемой читателю монографии рассматривается процесс становления и развития в рамках XIX в. ученых комитетов и советов, существовавших в структуре центральных административных органов и призванных выполнять функции научного обеспечения государственного управления. Автор анализирует предпосылки и тенденции развития этих подразделений, их роль в реализации правительственной политики.

Книга адресована специалистам в области российской истории XIX в., истории науки, а так же всем читателям, интересующимся данной проблематикой.

М 0503020200 – 625
М187(03) – 2000
ISBN 5-85746-603-2

ББК Х.401.122.21+421

© Миронос А.А., 2000

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития общества и его политических институтов широкое использование данных науки в практике государственного управления является обыденным явлением. Для реализации этих задач существует сложная и разветвленная система государственных и общественных структур, обеспечивающих взаимодействие науки и власти на различных уровнях, поддержание постоянного диалога между ними. Как и все исторические явления, взаимодействие власти и науки имеет свою историческую ретроспективу, реконструкция которой имеет не только академический интерес, но и позволяет увидеть тенденции и противоречия этого процесса, оценить имеющийся исторический опыт.

Предлагаемая читателю работа продолжает и дополняет вышедшую ранее монографию автора, посвященную истории ведомственных научных подразделений в первой половине XIX в.¹ Обстоятельства распорядились таким образом, что к моменту, когда первая книга, наконец, поступила в печать, ряд положений и выводов уже требовали своей корректировки или уточнения. Продолжая работать над проблемой, автор счел целесообразным не изменять существовавшего текста, являющегося определенным этапом в осмыслении темы. Новый материал позволил существенно расширить хронологические рамки и рассмотреть проблему становления системы научного обслуживания государственного управления в России уже не только в рамках дореформенных десятилетий XIX в., но и в рамках всего XIX столетия. Появилась возможность проследить последовательную эволюцию системы ведомственных ученых подразделений, в результате которой к началу века XX возникла разветвленная система ведомственных научных подразделений. Необходимость выявить основные моменты, связанные с развитием министерских ученых учреждений, в том числе и в 1800-1850-е гг., позволяет автору по-новому осветить ряд сюжетов, изложенных в первой монографии, и сделать необходимые корректировки уже в рамках настоящей работы.

Власть всегда стремилась и стремится использовать науку для своего упрочения, решения конкретных задач, казущихся ей важными и необ-

ходимыми, наконец, для обоснования и придания веса собственным решениям. Исторические корни подобного взаимодействия уходят далеко в глубь веков, к периоду формирования государственной власти как социального института, и к возникновению зачатков научного знания. И в эпоху античности, и в средние века власть брала на вооружение достижения в области техники, технологии, способов исчисления – все, что могло быть использовано в практических целях. Однако в рамках этого поступательного процесса, как и любого другого, можно выделить качественный этап, когда явление приобретает систематический характер, конкретные формы, становится реальным фактом и фактором социальной практики.

Своеобразной гранью, как в содержательном плане, так и в хронологии развития, становится появление непосредственно в структуре органов государственной власти специальных подразделений, образованных для решения научных задач. Появление подобных учреждений, во-первых, знаменательно тем, что таким образом обозначается не спорадическая, а постоянная потребность государства в помощи науки. Ее объемы оказываются таковыми, что требуют создания специальной структуры, обслуживающей эти государственные нужды. Во-вторых, привлечение представителей научного мира к делам государственного управления, даже на стадии предварительной проработки решений, но не на случайной, а на законодательно обусловленной основе, неизбежно ведет к изменению социального и ролевого положения последних.

В российской истории со всей очевидностью этим этапом стало XIX столетие, в течение которого была сформирована и активно развивалась специальная система вспомогательных (в рамках правительственного аппарата) подразделений, призванных осуществлять научное обеспечение государственного управления. Их организационное устройство, методы работы, спектр решавшихся задач раскрывают многие тенденции и особенности отношений власти и науки, процесса институционализации науки в рамках российского общества.

Прогрессивно настроенная часть правящей элиты, инициировавшая создание министерских ученых подразделений, научные кадры, привлекавшиеся к работе в их составе, стремились к совершенствованию государственного управления, производительных сил страны на основе науки, ее возможностей. Не случайно, что с деятельностью либеральной бюрократии, так и имена выдающихся деятелей русской науки XIX в. Эти устремления были созвучны общему духу эпохи, когда видимые успехи

естествознания во все большей степени стали определять прогресс всех сфер жизни. Таким образом, XIX столетие является особым периодом, в рамках которого шел поиск способов и форм использования прикладных возможностей науки в интересах государственного управления, многие из которых получили свое дальнейшее развитие в современную эпоху.

Каким виделось современникам значение этих учреждений? Один из ярких представителей либеральной бюрократии XIX в., ученый, публицист А.П. Заблоцкий-Десятовский оставил весьма интересное определение роли и места ученых министерских установлений, которое можно рассматривать как своего рода “программу-максимум” их деятельности. Приведем этот текст, поскольку он, в отличие от сухих формулировок нормативных документов, передает, как представляется, суть замысла, пафос веры в возможности научного знания, двигавшей создателями и деятелями ученых комитетов и советов:

“Установления, подобные Ученому комитету², суть живое звено между наукою в общем смысле и ее приложениями в мире хозяйственном, учебном и административном; такие установления должны вести, так сказать, аванпостную службу на рубеже администрации: с одной стороны, следить за всеми подвижными явлениями преуспевающей науки, с другой – следить за столь же подвижными явлениями быта, освещать возникающие здесь вопросы светом положительного знания, и, наоборот, из сопряжения ежедневных событий извлекать задачи для решения науки, указывать те перерывы, которые существуют между наукой и жизнью ...”³.

С позиций исторического знания представляется интересным и важным поиск ответа на вопрос: в какой мере удалось реализовать подобную программу? В рамках настоящего исследования автор ставил перед собой задачу проследить процесс создания и эволюции ученых комитетов и советов министерств – специальных правительственных подразделений, ответственных за научное обеспечение государственного управления, выявить их роль и место в системе центральных административных органов, спектр деятельности, связи с государственными и общественными научными учреждениями.

Данная постановка вопроса неизбежно требует обращения как к истории государственных учреждений, так и к истории науки, которые традиционно являлись самостоятельными направлениями исторических исследований. Ни историки государственных учреждений, ни специалисты в области истории науки не уделяли ей до настоящего времени

должного внимания. Историография вопроса, таким образом, представлена лишь отдельными работами, затрагивающими интересующую нас проблему в ряду других тем.

История отдельных ученых учреждений министерств и ведомств нашла свое отражение в рамках целого ряда работ дореволюционной историографии, ставивших целью создать историческое описание центральных государственных учреждений. В рамках исторических описаний министерств давалась, как правило, и краткая информация по истории ученых подразделений. История некоторых ученых комитетов и советов: Медицинского совета Министерства внутренних дел, Ученого комитета Министерства народного просвещения стали предметом и самостоятельного изложения⁴.

Подробный анализ этой категории трудов неоднократно давался в исторической литературе⁵. Их ценным качеством является включение большого объема фактологического материала, извлеченного из ведомственных архивов, нередко — публикация в виде приложений комплексов источников⁶. Однако ведомственная точка зрения авторов, являющаяся своеобразной методологической позицией, ставила неизбежный предел степени обобщения и анализа материала. Как исторические исследования, данные работы рассматривают историю министерств и их подразделений как саморазвитие конкретной отрасли государственного управления. Таким образом, разрозненная и далеко неполная информация об ученых министерских подразделениях в дореволюционных публикациях носит характер “штучных” описаний и не дает представление о системе и ее эволюции в целом.

В советский период и в 90-е гг. интересующие нас вопросы затрагивались в контексте исследований истории российской науки в XIX в. Краткий обзор ученых комитетов министерств и ведомств, как одной из форм организации науки, дан в коллективных “Очерках истории организации науки в Ленинграде. 1703-1977.” (Л., 1980). Столь же беглая характеристика ученых комитетов дана в учебном пособии А.Д. Степанского, где освещаются основные этапы развития и типы научных учреждений и организаций в России XVIII-начала XX в.⁷

Важным этапом в изучении истории организации науки в России стали монографии Г.Е. Павловой и Е.В. Соболевой, посвященные исследованию данной проблемы в первой половине XIX в. и в пореформенное время, соответственно⁸. В этих работах ученым комитетам и советам министерств посвящены самостоятельные параграфы. В данных работах впервые сделана попытка выявить характерные черты органи-

зационного устройства, спектр направлений деятельности ученых комитетов как одной из составляющих организации науки в России XIX в. Однако поставленные авторами исследовательские задачи обусловили лишь самый общий анализ их места и роли в структуре органов государственного управления.

Немало ценных сведений, касающихся истории отдельных министерских подразделений, содержится в работах по истории конкретных отраслей науки и техники, в научных биографиях выдающихся деятелей науки, связанных в своей деятельности с учеными подразделениями министерств, а также в литературе, посвященной истории научных учреждений и организаций: Академии наук, учебным заведениям, научным обществам в XIX в.⁹ Некоторые данные об ученых министерских подразделениях содержатся в исследованиях, посвященных вопросам технического оснащения армии и флота, издательской деятельности отдельных ведомств, с которой ученые подразделения имели непосредственную связь¹⁰.

Вместе с тем, накопление массива конкретных фактов, раскрывающих отдельные аспекты деятельности ученых министерских подразделений, не только не снимают, но делают еще более актуальной задачу систематизации и комплексной оценки этих сведений. В исторической литературе не получили аргументированного разрешения вопросы, касающиеся роли и места ученых министерских подразделений в системе государственного управления, содержания их деятельности и эволюции организационных форм на протяжении XIX в. Разброс в суждениях, высказывавшихся по перечисленным вопросам, лишь подтверждает сделанный на основе историографического анализа вывод. Так, ученые комитеты определяются в литературе как “форма организации науки, учреждения, которые соединяли в себе исследовательские и управленческие функции”¹¹, и как “органы руководства и управления наукой” в ведомственных рамках¹². Существенно различается взгляд на финансирование и, как следствие, реальные возможности ученых комитетов: по мнению Е.В. Соболевой, бюджеты ученых комитетов были незначительными и составляли, как правило, около 1 тыс. рублей в год¹³; М.Ф. Хартанович указывает, что “успех деятельности ученых комитетов и советов при министерствах был обеспечен их ... полновесным финансированием, основательной издательской базой, что позволяло привлекать к работе видных отечественных ученых”¹⁴ и т.д.

В ходе исследования автором были привлечены разнообразные источники. В их составе выделяются:

1. Комплекс законодательных источников и нормативных материалов. Ученые комитеты, советы министерств и другие ведомственные ученые подразделения создавались, реорганизовывались, упразднялись в соответствии с высочайшим утверждением, т.е. все основные аспекты их деятельности регламентировались законами. Полные собрания законов Российской империи: Собрание 1-е, 2-е и 3-е (далее в тексте — ПСЗ-1, ПСЗ-2 и ПСЗ-3), Своды законов Российской империи (СЗ) являются чрезвычайно информативным комплексом источников, содержащим «Положения» о деятельности ученых подразделений, штаты и другие важные данные. К этой же группе относятся Своды военных (СВП) и морских (СМП) постановлений.

2. Объемный блок официальных изданий: отчеты о деятельности министерств и департаментов, ученых комитетов и советов, содержит разнообразную информацию о текущей работе ученых подразделений и ее итогах за определенный период. Важные данные удастся почерпнуть из списков служащих ведомств, каталогов министерских библиотек и т.п. изданий. Возможность полноценной работы с данной группой источников обеспечивается обстоятельной справочно-библиографической базой ведомственных изданий¹⁵, которая позволяет использовать их не только как непосредственный источник сведений, но и изучать на их основе ведомственную издательскую деятельность, в которой ученые министерские подразделения принимали непосредственное участие.

3. Научные и периодические издания, опубликованные учеными комитетами и советами. Являясь, с одной стороны, продуктом их деятельности, эти издания содержат немало сведений об ученых подразделениях. Кроме того, как массовый источник, эта группа материалов послужила для количественного анализа издательской деятельности ученых комитетов — издательской деятельности.

4. Мемуары: воспоминания, автобиографические записки и т.п. материалы, связанные с именами известных российских ученых, сотрудников правительственных учреждений, входивших в состав ученых комитетов, содержат в себе ценную информацию по комплексу вопросов, связанных с темой исследования.

5. Архивные данные из фондов ученых учреждений министерств и ведомств. В них нашла отражение повседневная работа комитетов и советов, данные о финансировании этих подразделений, проекты организации новых и реорганизации существующих учреждений, переписка с научными обществами, учебными заведениями и т.д.

В ходе исследования автор ставил перед собой локальные задачи, поэтому работа не претендует на всесторонний охват истории ведомственных научных подразделений. Последнее вряд ли возможно, поскольку многие аспекты этой большой и интересной темы вполне заслуживают самостоятельного изучения. В центре внимания настоящей монографии — особенности формирования и основные тенденции развития ученых комитетов и советов как системы научного обеспечения государственного управления России XIX в.

Автор приносит свою искреннюю благодарность М.С. Бастраковой, Н.А. Богородицкой, В.А. Китаеву, О.А. Колобову, А.В. Седову, Н.Ф. Филатову за внимание, проявленное к работе, ценные советы и рекомендации, высказанные в ходе обсуждения текста монографии и подготовки его к изданию.

¹ См.: Миронос А.А. Российская бюрократия и наука: Научные подразделения министерств и ведомств в первой половине XIX в. Н. Новгород, 2000.

² В данном конкретном случае имелся ввиду Ученый комитет МГИ.

³ Заблоцкий [-Десятовский] А.П. Речь к юбиляру // Юбилей Петра Ивановича Кеплена. 29.XII.1859 г. СПб., 1860. С.2.

⁴ Моисеев А.И. Медицинский совет Министерства внутренних дел. СПб., 1913; Георгиевский А.И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. № 10-12, 1902. № 4-5.

⁵ См.: Справочники по истории дореволюционной России / Ред. П.А. Зайончковский. М., 1978.

⁶ См. например: Исторические материалы, извлеченные из архива Министерства Государственных имуществ. Вып.1. СПб., 1891; Савельев А. Исторический очерк инженерного управления в России за время царствования императора Николая I. СПб., 1896 и др.

⁷ Степанский А.Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М., 1987.

⁸ Павлова Г.Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М., 1990; Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.

⁹ Гозулов А.И. Очерки истории отечественной статистики. М., 1972; Полшко Б.Г. Социально-экономическая статистика дореформенной России (1701-1861 гг.). Дисс. ... д.э.н. Л., 1963; Клеопов И.Л. Геологический комитет. История геологии в России. М., 1964; Мавродин В.В., Мавродин Вл.В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. Л., 1984; Мирский М.Б. Медицина в России XVI-XIX вв. М., 1996 и др.; Шафрановский И.И. Н.И. Кокшаров. М.-Л., 1964; Романовский С.И. А.П. Карпинский. Л., 1981; Мазинг Г.Ю. К.А. Шильдер. М., 1989; Мельникова О.Б. П.П. Семенов-Тянь-Шанский и российская статистика

// Вестник МГУ. Сер.8. История. 1988. №1. С.46-56; Черняк А.Я. Н.В.Калакуцкий. М., 1989; Радкевич Д.И. Д.И. Соколов М., 1969; Прудников В.Е. П.Л. Чебышев. Л., 1976; Яроцкий А.В. П.Л. Шиллинг. М., 1963 и др; Хартанович М.Ф. Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб., 1999; Соболева Е.В. Борьба за реорганизацию Петербургской академии наук в середине XIX в. Л., 1971; Смирнов В.Г. Деятельность Петербургской академии наук и Морского министерства в совместном исследовании Мирового океана. 1825-1895 гг. Дисс. ... к.и.н. СПб., 1998; Дубрава Т.С. Ленинградский горный институт. Л., 1957; Филиппов Н.Г. Научно-технические общества России (1866-1917 гг.). М., 1976; Орешкин В.В. Вольное экономическое общество в России. 1765-1917. М., 1963 и др.

¹⁰ Богданов Л.П. Русская армия в конце XVIII – первой четверти XIX вв. (организация, управление, комплектование, вооружение). Дисс. ... д.и.н. М., 1981; Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 гг. в России. М., 1952; Шитиков Е.А. Академия наук и кораблестроение в России // Очерки истории отечественного кораблестроения. М., 1990. С.6-26; Белогуров С.Б. История военной периодической печати в России (XIX – начало XX в.). Дисс. ... д.и.н. М., 1997; Лагутина Е.И. Журнал "Морской сборник" как источник по истории русского военно-морского флота (1848-1905 гг.). Дисс. ... к.и.н. М., 1982 и др.

¹¹ Павлова Г.Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. С.105-106.

¹² Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. С.14, 67-68.

¹³ Там же. С.72.

¹⁴ Хартанович М.Ф. Ученое сословие России. С.158.

¹⁵ Справочники по истории дореволюционной России / Ред. П.А. Зайончковский. М., 1978; Каталог: Русские официальные и ведомственные издания XIX – начала XX века. Т. 1-6. СПб., 1995-1999.

ГЛАВА I

УЧЕННЫЕ КОМИТЕТЫ И СОВЕТЫ МИНИСТЕРСТВ И ВЕДОМСТВ В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XIX В.

1.1. Предпосылки, условия и особенности формирования министерских ученых учреждений. Проблемы типологии и периодизации министерских вспомогательных ученых подразделений

Конкретизация объекта изучения применительно к поставленным исследовательским целям далеко не так проста и содержит немало внутренних проблем и противоречий. Беглый обзор задач и направлений деятельности правительственных учреждений в XIX в. наглядно показывает, что очень многие из них в том или ином виде решали научные задачи.

Руководство большинством научных и учебных учреждений, контроль над научными обществами осуществляло специальное ведомство: Министерство народного просвещения, в непосредственном подчинении которого находилась Петербургская академия наук и некоторые другие научные учреждения. Существование научных подразделений в структуре других ведомств, например, Императорской археологической комиссии в составе Министерства Императорского двора¹, можно рассматривать, скорее, как проявление патронажа, хотя и осуществляемого со вполне прозрачными целями. Наконец, можно привести немало количество примеров, когда некоторые функции, определяемые как научные, возлагались непосредственно на столы и департаменты министерств. Таким образом, четкое определение подразделений*, которые будут являться предметом изучения, необходимо.

* В своей первой работе, посвященной данному вопросу, автор использовал понятие "министерских научно-вспомогательных подразделений". В ходе обсуждения книги, автор принял высказанные возражения. Дискуссия послужила

Одним из первых исследователей, попытавшихся определить место и роль ученых министерских подразделений, была Е.В. Соболева. Она рассматривает специальные подразделения министерств и ведомств – ученые и технические комитеты – как “органы по руководству наукой ... в масштабе соответствующей отрасли”, отмечая, что они выполняли и некоторые исследовательские функции². Е.В. Соболева строит свою систематизацию, главным образом, на основе терминологических, т.е. формальных признаков. Однако, как мы увидим в ходе последующего анализа, обозначение того или иного органа как ученого комитета далеко не всегда предопределяло постановку перед ним научных задач и функций.

Следует отметить, что адекватному определению самого понятия “ученый комитет” препятствует несовпадение семантики термина “ученый” в языке начала XIX в., когда возникает данное понятие, и в современном русском языке. В лексике начала XIX столетия отсутствовало прилагательное “научный”³. Процесс становления науки как социального института в структуре российского общества, не завершившийся еще в первой половине XIX в., не сформировал и соответствующей терминологии, обозначающей совокупность явлений, принадлежащих науке⁴ как специфической сфере деятельности. Использовался термин “ученый”, который имел ряд значений. Главными из них были: “соединенный со знанием”, “просвещенный учением”⁵. Таким образом, в языке первой половины XIX в. “ученый комитет” в буквальном смысле это не обязательно научное подразделение, но либо учреждение, включающее в свой состав “ученых людей”⁶, либо учреждение, деятельность которого соединена со знанием, или служит целям распространения знания.

Итак, в число “ученых” попадали различные учреждения. Некоторые из них выполняли информационные, научно-консультативные, исследовательские и другие виды работ, которые были связаны с научным обслуживанием государственной, в первую очередь административной, деятельности. Существовал также целый ряд научных учреждений, финансируемых государством, но не вовлеченных непосредственно, на постоянной основе в решение задач научного обеспечения управленческой деятельности. Предметом нашего исследования будут именно те подразделения, основной задачей которых являлась функция научного обслуживания системы административного управления.

поводом для дальнейших терминологических изысканий, результаты которых излагаются в тексте данной главы.

К концу XIX столетия за данными учреждениями закрепилось наименование “учено-административных”⁷. Однако его использование в рамках современной терминологии вряд ли удобно. Ниже мы подробно охарактеризуем набор задач и функций ученых министерских подразделений. При всех имевшихся различиях, один принцип объединял все эти учреждения: они не имели никакой самостоятельной административной власти, выполняя в структуре органов управления сугубо вспомогательные (обслуживающие) функции. Таким образом, термин “административный” обозначает в данном случае лишь принадлежность к структуре административных органов. Вследствие приведенных выше аргументов обозначение исследуемых учреждений как “вспомогательных ученых министерских (ведомственных) подразделений” представляется автору наиболее отвечающим содержанию.

Конкретизация предмета исследования предполагает выделение из достаточно широкого спектра форм подобных учреждений ведущих организационных форм. Ими в XIX в., без сомнения, являлись ученые комитеты и советы – коллегиальные структуры, обратившие на себя внимание всех исследователей, так или иначе затрагивавших тему науки и государственного управления в России XIX столетия⁸. Итак, главное внимание в нашем исследовании мы уделим именно им.

Для исторического исследования отношений науки и государственной власти методологически важно, что ни тот, ни другой социальный институт не может рассматриваться как нечто неизменное. Власть и система государственного управления, как одно из ее воплощений, наука и формы ее организации эволюционировали, создавая на каждом конкретном этапе свои способы взаимодействия.

Само по себе выполнение прикладных работ, решение конкретных задач для обеспечения управленческой деятельности или иных потребностей государства с опорой на достигнутые средневековым знанием данные осуществлялось в России еще в допетровскую эпоху. Общеизвестны факты привлечения на русскую службу иностранных специалистов еще в XV в., создание в системе приказов и дворцового управления XVI-XVII вв. производств, основанных на передовых по тем временам технологиях, географические и геологические изыскания, выполнявшиеся под эгидой правительства. Однако нельзя забывать о тех качественных отличиях, которые разделяли науку Нового времени и предшествующие ей формы средневекового знания, каковыми они оставались в своей основе в России вплоть до начала XVIII в. Именно наука Нового времени, с характерной для нее прагматической установкой как в отно-

шении природы, так и результатов своих собственных изысканий⁹, поставила задачу переустройства мира, управления государствами на основе научного знания. Комплекс этих идей был наиболее отчетливо сформулирован Ф. Бэконом¹⁰. Именно здесь находится исходный пункт, теоретическая установка, лежащая в основе идей и представлений о “государственной науке”, науке, не только обслуживающей нужды государственной власти, но и во многом определяющей ее цели и задачи¹¹.

В условиях российской действительности различия между средневековой традицией и наукой Нового времени усугублялись тем обстоятельством, что появление в России новой европейской науки с присущей ей светскостью, опорой на принципы рациональности и опытную, эмпирическую базу было последствием реформ, иными словами, принесения извне с последующей адаптацией на российской почве. Результатом этого шага, сделанного Петром I, явился разрыв с предшествующей средневековой традицией и, в значительной степени, знаниями, накопленными в допетровской Руси, а также превращение науки и ее главного (и на начальном этапе единственного) учреждения — Академии в “некий иностранный анклав посреди России”¹². Лишь во второй половине XVIII в. отчетливо обозначаются процессы реальной интеграции науки в национальную культуру, конкретизация предмета ее исследования на российской почве¹³.

Именно со второй половины XVIII столетия отчетливо просматриваются тенденции к систематическому привлечению сил науки для решения конкретных государственных задач путем создания непосредственно в рамках коллегий соответствующих групп, включавших в свой состав представителей ученого сословия. Однако и в эпоху просвещенного абсолютизма, когда ценности науки провозглашались как государственный приоритет, реальных, устойчивых линий взаимодействия власти и науки выработать не удалось¹⁴. Причины подобного положения дел коренились как в объективных характеристиках крепостнической экономики, серьезно сдерживавшей техническое и технологическое развитие всех отраслей хозяйства, так и в незрелости субъективных предпосылок: не только значительная часть всего общества, но и правящая элита не достигли необходимого образовательного и культурного уровня.

Наука, научные учреждения, ученое сословие продолжали оставаться в положении маргинальной прослойки, статус которой в иерархической структуре общества был неопределенным и зыбким. Как известно,

академические и преподавательские должности были введены в систему рангов государственной службы лишь в 1803 г. Вместе с тем, в России XVIII в. “в силу особенностей социально-политического и культурного развития ... в основу всей системы организации научных исследований и образования был положен государственный принцип”¹⁵. Иными словами, имело место практически полное огосударствление сферы образовательной и научной деятельности, что потенциально создавало идеальные условия для привлечения ученых к решению государственных задач. Это кажущееся противоречие на самом деле подтверждает тот факт, что процесс адаптации, “укоренения” европейского научного знания в России XVIII столетия не был завершен. Для трансформации потенциальной возможности в реальную масштабную практику было необходимо вызревание всего комплекса предпосылок.

Таковой этапной гранью, обозначившей начало нового уровня взаимодействия власти и науки, стало первое десятилетие XIX в. Для понимания последующих судеб науки, ее взаимоотношений с “власть придержащими” особенно важным оказывается анализ комплекса проблем, с которым вышла Россия из Екатерининской эпохи, и суммы представлений и установок, которыми руководствовалась новая российская элита, сформировавшаяся уже в период и под воздействием века Просвещения.

Первое десятилетие XIX в. является особым периодом в истории взаимодействия науки и государственного управления, что заставляет рассмотреть его детально. По меньшей мере, два события, значение которых трудно переоценить для последующего развития России, произошли в 1801-1811 гг.

Во-первых, это создание системы народного образования, которое явилось огромным шагом в развитии просвещения в России. Знание, наука на практике становятся и условием, и инструментом развития общества и государства.

Во-вторых, это рождение министерской системы центрального государственного управления. Причем, этапное значение имело не столько создание самих властных структур, столь же далеких от идеала, как все создаваемое, сколько комплекс либеральных идей законности и эффективности государственного управления, попыткой воплощения которых они являлись.

Для нашего исследования первоочередным обстоятельством является тот факт, что именно в этот период в ходе министерских реформ, коренным образом изменивших центральное административное управле-

ние, происходит выделение подразделений, осуществлявших научное обслуживание властных органов в качестве самостоятельных структурных составляющих правительственного аппарата.

Появление того или иного института в историческом пространстве имеет свою логику, предпосылки и последствия. С точки зрения предпосылок, первое десятилетие XIX в. с очевидной ясностью обозначило начало нового периода существования науки в российском обществе. Начинается период широкомасштабного синтеза, "встраивания" европейского научного знания в состав основных социальных институтов общества: образования, государственного управления, а также промышленности и экономики. В целом, объективные потребности развития России потребовали кардинального обновления, и силы, накопленные в предшествующем XVIII столетии, в век Просвещения, начинают находить практическое, "прикладное" воплощение.

С точки зрения последствий, первое десятилетие XIX в. в истории научных подразделений министерств и ведомств, как уже отмечалось, — период становления, поиска организационных форм, определения задач и функций. Возникнув, те или иные институты приобретают известную историческую инерцию, сохраняя, порой на длительное время, свои основные черты, формы и т.п. Таким образом, процесс и условия начального формирования ученых комитетов и советов чрезвычайно важен для понимания их последующего развития на всем протяжении XIX столетия.

Прошедшее со смерти Екатерины II пятилетие, как, впрочем, и итоги самого "блестящего царствования", наглядно выявили к моменту вступления на престол Александра Павловича не только сильные стороны преобразований, осуществленных в сфере государственного управления России, но и сопутствующие им проблемы.

В соответствии с положениями губернской реформы Екатерины II на местах были учреждены казенные палаты, которые взяли на себя все хозяйственное и финансовое управление, сосредоточенное ранее в коллегиях. Эти новации логично привели к упразднению с 1781 г. коллегий, кроме трех государственных (армия, флот, иностранные дела) и Коммерц-коллегии. Центральное государственное управление, таким образом, оказалось распыленным между департаментами Сената, генерал-прокурором и оставшимися коллегиальными органами. Проблема заключалась не только в том, что к концу XVIII в. отсутствовала стройная система центральных органов государственной власти, но и в огра-

ниченных возможностях губернского управления как такового. В известном смысле, был достигнут предел децентрализации управления.

К концу столетия наглядно проявилась неспособность губернских учреждений взять на себя реальное руководство целым рядом отраслей государственного хозяйства. В частности, передача на места в ведение казенных палат горного и лесного управления уже к девяностым годам XVIII в. показала свою несостоятельность, и в 1796 г. воссоздается Берг-коллегия с подведомственными ей структурами местного горного управления, а в 1798 г. управление казенными лесами сосредотачивается в Лесном департаменте Адмиралтейств-коллегии¹⁶.

Павел I восстановил и остальные, уничтоженные его матерью центральные органы управления государственным хозяйством: Соляную контору, Мануфактур-коллегию и прочие центральные правительственные структуры. Однако эти органы уже "не вписывались" в систему, поскольку требовали соответствующего перераспределения функций между центральными и губернскими учреждениями и, в известной степени, нового определения роли государства и частной инициативы. В итоге, возрожденные Павлом коллегии лишь маскировали свое бездействие производством канцелярских бумаг.

Александр Павлович еще при жизни Екатерины II и в недолгое правление отца более чем критично относился к существующим порядкам, о чем неоднократно писал своему воспитателю и наставнику Ф.Ц. Лагарпу и молодым друзьям В.П. Кочубею и А.А. Чарторыйскому¹⁷. Когда благодаря усилиям заговорщиков бразды правления перешли к Александру I, именно эти люди, а также П.А. Строганов, Н.Н. Новосильцев, стали его ближайшими советчиками и сотрудниками. Они разделяли мечты молодого императора дать России прочное политическое устройство.

Первые шаги по выработке проекта преобразований, осуществлявшиеся негласным комитетом, детально проанализированы М.М. Сафоновым, С.В. Мироненко и рядом других авторов, которым удалось реконструировать цели, ставившиеся его участниками, ход обсуждения, возникавшие альтернативы¹⁸.

Работы Негласного комитета затронули чрезвычайно широкий круг принципиальных вопросов Российской действительности от крепостного права до введения конституционных форм правления. Но достаточно быстро эти идеи показали "преждевременными" самим участникам обсуждения. В итоге, основные усилия сосредоточились на разработке проекта административных реформ, поскольку именно они, по мысли

П.А.Строганова, создавали условия для дальнейшего изменения политических основ самодержавной власти.

Итогом разработки плана А.Чарторыйского в Негласном комитете стал утвержденный 8 сентября 1802 г. Манифест "Об учреждении министерств"¹⁹.

Манифест определил создание восьми министерств, между которыми были распределены "части государственного управления": сухопутных сил, морских сил, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции и народного просвещения. Существовавшие органы центрального административного управления: коллегии, контро-ры и экспедиции подчинялись министрам в соответствии с определенными манифестом сферами ведения (ст. I-VII).

Министры, назначенные Александром, оказывались, таким образом, во главе конгломерата ведомств и учреждений, отходивших в их ведение. Видимо ощущая незавершенность созданной конструкции, разработчики законоположения сочли необходимым указать хотя бы общие направления и порядок дальнейшей работы по совершенствованию министерской структуры. В срок до трех месяцев министры должны были закончить формирование своих канцелярий — будущего ядра министерского управления и сосредоточиться на подготовке предложений с целью "отвратить какие-нибудь по вверенной ему части могущие встретиться неудобства" (ст. XVIII-XIX).

Практически во всех учрежденных министерствах начали действовать специальные совещательные органы — комиссии и комитеты — для выяснения первоочередных и перспективных мер по совершенствованию как структуры вверенных министерству "правительствующих мест", так и разработки подведомственных ему вопросов управления.

Характер и основные направления работы этих комитетов и комиссий, а также представлявшиеся ими через министров доклады на высочайшее утверждение дают возможность выявить ведущие подходы к реорганизации министерских подразделений в 1802-1809 гг.

Традиционно круг вопросов, становившихся предметом обсуждения в комиссиях для выработки законодательных предположений, включал в себя исторический экскурс и оценку состояния дел в том или ином ведомстве, как правило, от эпохи Петра I, затем — анализ современного опыта европейских стран и как итог — определение круга задач преобразуемого или создаваемого вновь министерского департамента, мер и способов их осуществления²⁰.

Общим местом в выводах комиссий и комитетов стала критика недостатков коллегиального устройства. Наполняясь конкретными ведомственными примерами, она подтверждала новыми фактами уже сделанный вывод: на смену коллегиальному идет бюрократическое (в терминологии тех лет) начало. Совещательные органы при этом не упраздняются, но начинают играть вспомогательную роль, дополняя обремененную властью и ответственностью исполнительскую вертикаль.

Значительный интерес к опыту европейских стран, который отчетливо проявился еще в работах Негласного комитета, получил дальнейшее развитие в ходе реформирования центральных административных учреждений. Попытка использовать лучший европейский опыт государственно-административного устройства, каковым в те годы представлялся опыт наполеоновской Франции, требовала качественно иного уровня доступности иностранной литературы соответствующего профиля. Правительство стремилось обеспечить решение этой задачи различными способами. По подсчетам А.А. Корнилова, в течение 1801-1805 гг. было выделено свыше 60 тыс. руб. субсидий на перевод и издание на русском языке политических, экономических, юридических и философских трактатов Смита, Монтескье, Мабли, Делольма и других авторов²¹. Уже в этот период в министерских канцеляриях и департаментах активно комплектуются ведомственные библиотеки, в штат вводятся чиновники, ответственные за подбор и реферирование иностранной литературы и периодики.

Характерно, что именно во Франции, которая во многом представлялась российским реформаторам начала XIX в. образцом государственного устройства, в конце XVIII и в первой половине XIX в. уровень государственного влияния на развитие науки был выше, чем в других европейских странах²². Вместе с тем, государственные формы организации науки во Франции — и это отмечается исследователями в качестве характерной особенности — нередко вырастали на базе частных любительских организаций²³. Российский опыт создания государственных научных учреждений, очевидно, не мог следовать этой модели ни в XVIII, ни в первой половине XIX в.

Как отмечалось выше, Манифест "Об учреждении министерств" лишь разделил сферы компетенции министров. Организация практической управленческой деятельности на новых основаниях требовала более детальной проработки как самого предмета ведения, так и "управленческого инструментария".

Предпринятые в рамках комитетов и комиссий изыскания наглядно показали, что помимо текущих, рутинно-канцелярских дел, требующих стандартно-бюрократического реагирования, выделяется круг вопросов, для решения которых необходимо использовать данные науки, привлекать соответствующим образом подготовленных специалистов. Только так можно было достичь эффективного развития армии, флота, отечественной промышленности, без которых роль и значение России как европейской державы обеспечены быть не могли.

Таким образом, вопросы преобразования системы государственного управления вплотную смыкались с не менее, если не более сложной и объемной задачей коренного изменения роли и значения науки и образования в обществе, придания им реального социального статуса. С точки зрения реформирования системы управления ее первоочередным, но частным аспектом было повышение образовательного уровня чиновничества. Естественно, в реальной исторической практике все эти задачи выступали в нерасчленном комплексе, составляя одну из острых проблем начала XIX столетия: «просвещение, общество, государственная власть». Не претендуя на полное раскрытие этой обширной темы, остановимся на тех ее аспектах, которые вплотную касаются интересующего нас вопроса.

Образовательный уровень российского чиновничества во второй половине XVIII в. и первой четверти XIX столетия, обстоятельно изученный С.М. Троицким и С.В. Мироненко, был весьма невысок: более трех четвертей из них приходили на службу, имея лишь домашнее образование. Среди правящей бюрократии (II-VI классы) в конце царствования Александра I только 20 – 25 % имели то или иное специальное образование²⁴, а именно это поколение составляло деятельную часть чиновничьего корпуса в 1800-1820 гг. Конечно, качество домашнего образования могло быть, и зачастую было, весьма высоким, особенно в состоятельных дворянских семьях. Однако государство в сложившейся обстановке фактически не могло влиять на уровень подготовки будущих сотрудников правительственного аппарата.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в жесткой чиновной структуре российского общества на рубеже XVIII-XIX вв. профессиональные деятели науки и образования, ученые и преподаватели, оказывались, в известном смысле, маргиналами. Их социальный статус, определенный частными и устаревшими законодательными положениями, не был вписан в эту структуру, хотя они и обладали рядом сословно-корпоративных привилегий, в том числе, закрепленных екатеринински-

ми законоположениями 1786 г.²⁵ Выпускники высшей школы еще в XVIII в. мобилизовывались правительством для решения задач, требовавших специальных знаний и соответствующей подготовки. Однако статус их оставался неопределенным, и службу им приходилось начинать на общих основаниях.

Символичным является обстоятельство, что уже 8 сентября 1802 г. – в день обнародования манифестов о начале преобразования органов центрального управления — учреждается «Комиссия об училищах», главной задачей которой становится выработка плана развития системы образования. Наука и образование отчетливо воспринимались наследниками века Просвещения, каковыми были ближайшие сотрудники Александра I и сам молодой самодержец, в качестве главных условий, «столь необходимых для благоденствия народов»²⁶. Просвещение и свобода выступают в тесной взаимной связи в разрабатывавшихся планах политического реформирования России.

Просвещение рассматривалось и как основа для создания эффективного государственного аппарата. В записке «Об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», подготовленной М.М. Сперанским в 1803 г. по поручению императора, одним из главных вопросов, без решения которых невозможно было – по мысли составителя – приступить к усовершенствованию системы государственного управления, был вопрос образования чиновничества. «Каким образом может быть обеспечено самое исполнение без просвещения и обилия в исполнителях?» — задавался вопросом Сперанский. И сам ответил на этот вопрос: «Просвещение, честь и деньги суть стихии, входящие главным образом в состав доброго управления; без них никакие учреждения, никакие законы не могут иметь силы»²⁷.

В «Комиссию об училищах», состоявшую под управлением министра Народного просвещения гр. П.В. Завадовского, были введены академики Н.Я. Озерцовский, Н.М. Фус. В качестве правителя дел в ее состав был включен В.Н. Каразин – один из наиболее образованных представителей дворянской элиты Александровского времени (В правление Павла I В.Н. Каразин пострадал именно за «любовь к просвещению». Он был арестован при попытке нелегально выехать за границу для обучения²⁸). Комиссии было поручено составление «полного плана для скорейшего и надежнейшего достижения своего назначения»²⁹. Его главной целью являлось образование «повсеместно просвещенных и благонравных граждан для всех родов службы и должностей общественных»³⁰.

К январю 1803 г. комиссия, к этому времени уже преобразованная в постоянный орган – Главное правление училищ, подготовила проект “Об устройстве училищ”, ставший планом реформы народного образования. Утвержденные Александром I “Предварительные правила народного просвещения” определили создание на территории империи шести учебных округов, в каждом из которых выстраивалась последовательная система образовательных учреждений: приходские и уездные училища, губернские училища или гимназии и университеты. Четырехуровневая система учебных заведений одновременно отвечала и сословной структуре общества “соответственно обязанностям и пользам каждого состояния”³¹.

Важным элементом реформы стало введение служебных привилегий для выпускников университетов, получающих ученые степени: степень кандидата давала право на вступление в службу с чином XII класса, степень магистра – IX класса, а степень доктора – VIII класса³².

Утвержденный в 1803 г. новый Регламент Академии Наук ввел в систему государственных чинов и академические должности: ординарные академики, экстраординарные академики и адъюнкты получали чины коллежских советников (VI класс), надворных советников (VII класс) и коллежских асессоров (VIII класс), соответственно³³.

В соответствии с “Предварительными правилами” по прошествии пяти лет с начала реформы, т.е. с 1808 г., “ни в какой губернии никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище”³⁴.

Следующим важным шагом в становлении системы высшего образования в России стало принятие в 1804 г. первого типового университетского устава. В его основу был положен, по верному наблюдению Г.Е. Павловой, принцип академической корпорации, роднивший его с Академическим регламентом³⁵.

Опираясь на изложенные выше факты, отметим, что принципы академической корпоративности в первом десятилетии XIX в. выступали в качестве универсальных при решении практически всех вопросов организации деятельности научных структур. Корпоративные свободы и демократическое устройство, таким образом, воспринимались не только самим научным сообществом, но и правительством в качестве их неотъемлемых свойств.

Университетский устав предусматривал создание при университетах современной научно-вспомогательной базы в виде типографий, лабора-

торий, кабинетов и т.д. Университеты должны были выступать, и на практике сделались, центрами, аккумулирующими научные силы. Этому способствовали институт почетных членов и членов-корреспондентов и, в особенности, право создавать научные общества³⁶. Уже в первое десятилетие XIX в. при Московском университете возникают “Общество испытателей природы”, “Общество любителей математики”, общества “любителей российской словесности” в Московском и Казанском университетах.

Несмотря на энергичные действия правительства, подкреплявшиеся в 1802-1805 гг. весьма существенными ассигнованиями (на каждый из шести существовавших университетов отпускалось 130 тыс. руб. в год³⁷ и в целом по народному образованию в первое пятилетие сумма доходила до 2 млн. 800 тыс. руб.), успехи в подготовке дворянской молодежи для чиновничьей службы оказались более чем скромными.

Законодательным подтверждением и одновременно развитием положения “Предварительных правил” об обязательности образовательного ценза для поступления на государственную службу стал принятый в 1809 г. по инициативе М.М. Сперанского, в то время уже государственного секретаря, указ “О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники”.

Как отмечалось выше, прошедшее с 1803 г. пятилетие, отпущенное планом реформы на постепенное внедрение образовательного ценза в практику гражданской службы, не принесло ожидавшихся результатов. “Предполагаемо было, что все свободные сословия, и особенно сословие дворянское, с поревнованием воспользуются открытием университетов, гимназий, училищ... но предположения сии, – вынуждено было констатировать правительство, – доселе не восприяли еще своего действия”³⁸. Лишь Дерптский и Виленский университеты не испытывали недостатка в желающих обучаться³⁹. Убеждение как метод пришлось заменить принуждением. И указ 6 августа 1809 г. ввел образовательный ценз в законодательном порядке: начиная с 8 класса (коллежского асессора) университетское образование становится обязательным условием при определении на службу.

Указ, как известно, вызвал глухое неодобрение дворянства и отнюдь не способствовал росту популярности государственного секретаря Сперанского. Однако он реально обозначил объективную потребность государственного аппарата в реформах образования, невозможность организации управленческой деятельности в новых условиях без кардиналь-

ного повышения образовательного уровня чиновников, в конечном счете, без применения в государственном управлении возможностей, предоставляемых наукой.

Таким образом, начавшееся реформирование органов центрального управления неизбежно должно было учитывать весьма скромный потенциал образованных кадров, находившийся в распоряжении правительства.

Итак, уже в 1802 – 1803 гг. в ходе реорганизации коллегий, определения функций и задач создававшихся департаментов и экспедиций, начинается выделение “частей управления” уже внутри министерств.

С одной стороны, выделялись части “хозяйственные”, “строительные”, “воинские” и т.д. – терминология не являлась устоявшейся. С другой – части “ученые”, “искусственные” *, “художественные”. Первая группа “частей управления” противопоставлялась второй как по характеру вопросов, так и по средствам их разрешения. Вопросы “ученые” и “художественные”, как обычно указывалось, требовали зрелого рассуждения, привлечения людей “известных в науках”.

Если первая группа вопросов могла быть реализована наличным чиновничьим аппаратом, то вторая – требовала как качественно иных организационных форм работы, так и соответственно подготовленных сотрудников. Дилемма, таким образом, выглядела следующим образом: или образовать чиновника, сделав его если не “ученым”, то хотя бы способным отвечать предъявляемым повышенным требованиям, или превратить в чиновников наличный состав ученых, мобилизовав их на решение задач административного управления. Именно на пересечении этих двух, одинаково трудно реализуемых, возможностей возникают первые ученые комитеты и советы как структурные подразделения министерств.

Итак, немаловажным этапом на пути реформирования государственного аппарата и выделения в его структуре подразделений, выполняющих научно-прикладные функции, было новое определение задач органов административного управления. На первом этапе – в 1802-03 гг. центр разработки административных преобразований сосредоточился в

* Термин “искусственные” являлся производным от существовавшего в XVIII – начале XIX в. понятия “искусство”, которое включало наряду с современными значениями и прикладные возможности наук, а также ремесла (См.: Словарь Академии российской ... Ч. II). В интересующих нас контекстах имелись в виду, в первую очередь, инженерные дисциплины.

Министерстве внутренних дел. Фактически “центральное” положение МВД в развитии административной реформы неслучайно. Во-первых, именно это министерство оказывалось наиболее тесно связанным как с органами губернского управления, так и с важнейшими секторами национальной экономики. Во-вторых, во главе министерства были поставлены В.П. Кочубей и П.А. Строганов. И тот и другой стояли у истоков осуществлявшихся преобразований и были их горячими сторонниками. Важнейшую роль в “кристаллизации” планов министерской реформы сыграл М.М. Сперанский, назначенный 8 сентября 1802 г. по просьбе В.П. Кочубея в МВД и исполнявший должность директора Департамента министерства, а с июля 1803 г. руководивший Экспедицией государственного благоустройства.

Министерство внутренних дел было одним из наиболее “объемных” по перечню порученных ему “частей управления” ведомств. Министру внутренних дел были вверены “все части государственной промышленности, кроме горной”, построение и содержание публичных зданий, “отращение недостатка в жизненных припасах”⁴⁰. Министерство осуществляло оперативный контроль над губернским управлением и местными учреждениями, с целью “пещись о повсеместном благосостоянии народа, спокойствию, тишине и благоустройстве всей Империи”⁴¹. В непосредственном подчинении министра оказывались Мануфактур-коллегия, Медицинская коллегия, Главная соляная контора, Главное почтовое управление, Экспедиция государственного хозяйства, опекунов иностранных и сельского домоводства с изъятием части структурных подразделений в пользу других министерств⁴².

На протяжении восьми месяцев – конец 1802 и первая половина 1803 г. – в МВД выработывался план реорганизации ведомства, представленный в июле 1803 г. на рассмотрение Александру I. Предложения министра, обстоятельно аргументированные в докладе, подготовленном М.М. Сперанским, сводились к разделению сферы ведения министерства на три большие части: хозяйственную, полицейскую и медицинскую, каждая из которых находила свое организационное воплощение в экспедициях Департамента внутренних дел: государственного хозяйства, государственного благоустройства и государственной медицинской управы. Сам Департамент должен был представлять собой инстанцию, координирующую деятельность экспедиций. В его состав помимо секретарей экспедиций предполагалось включить почетных членов и так называемое “Общество дворян”⁴³.

По поводу последнего в литературе утвердилось не совсем верное мнение, что "Общество дворян" являлось специально созданной группой для упорядочения статистических сведений, поступавших в МВД из губерний. Таким образом, "Общество дворян" рассматривается как первое статистическое подразделение в структуре Министерства внутренних дел⁴⁴. Однако задачи его были несколько иными. При утверждении первоначальных штатов министерских департаментов в январе 1803 г. Александр I "дозволил" сверх штатных чиновников иметь при департаментах каждому из министров "из молодых дворян до 10 человек, которые бы, приобретая предварительное познание в делах, по мере их способности могли быть с пользою употребляемы к отправлению возложенных по департаментам должностей"⁴⁵.

Сбор статистической информации по губерниям действительно представлялся остро необходимым. Еще в 1802 г. В.П. Кочубей предложил губернаторам предоставлять в МВД данные по особой форме для "коренного познания о каждой губернии"⁴⁶. Обработка этих сведений оказалась препоручена "молодым дворянам" для их приготовления к службе по департаменту. Неудивительно, что результатов деятельности этого "учреждения" не удалось выявить никому из исследователей.

Дело практической организации административной статистики, как мы увидим, встало на повестку дня лишь в 1810 г. Однако шаг в этом направлении был сделан.

Главными направлениями, на которых сосредоточились реформаторские усилия в 1803 г., стали проблемы реорганизации учреждений, ведавших отраслями государственного хозяйства: Мануфактур-коллегии, Главной соляной конторы и Экспедиции государственного хозяйства. Анализ состояния дел в этой сфере управления, осуществленный в докладе министра, наглядно показывал, сколь громоздким и неэффективным, засоренным мелочными вопросами и согласованиями было оно на рубеже XIX в.

В разработанном "Положении для Экспедиции государственного хозяйства" были существенно сокращены задачи непосредственного управления. Так, казенные фабрики предлагалось полностью отдать в частные руки "разве бы случились такие... как фабрика шпалерная и фарфоровая в Санкт-Петербурге, где более уважен вкус и покровительство какого искусства, нежели польза самой фабрики"⁴⁷.

Однако в "Положении" были значительно усилены информационно-статистические функции создаваемой экспедиции. По каждому из трех отделений, составляющих экспедицию, предполагалось вести учет важ-

нейших данных, в их числе: сведения об урожаях, ценах на хлеб, статистика населения, сведения о фабричной и заводской промышленности, ее продукции и ценах на нее, а так же статистику соледобычи. Кроме того, был выделен и ряд задач в области развития сельского хозяйства, особенно в новоосваиваемых южных районах: виноградарство и виноделие, разведение кунжутного семени, овцеводство и шелководство⁴⁸.

Однако сформулировать задачи еще не значит их разрешить. В руках правительственного аппарата не было ни конкретных средств, ни подготовленных людей, чтобы обеспечить удовлетворительное выполнение этой работы. Еще в 1802 г., опираясь на свой опыт канцелярской службы, М.М. Сперанский сделал неутешительный вывод по поводу способности чиновничества, возвращенного в условиях, существовавших в казенных учреждениях на рубеже XVIII и XIX веков, к масштабным новациям и работе на научных основаниях: "В России и теперь на сцене есть, конечно, люди с обширными познаниями; но первое, их познания суть больше произведение опыта, нежели систематического размышления; второе, их лета и состояние, а особливо предрассудки класса, к коему они принадлежат, и коего духом они напоены, делают их неспособными к непосредственной работе"⁴⁹.

В еще большей степени эта проблема – отсутствие способов и сил для решения конкретных государственных задач, требующих, в широком смысле, научного знания – обозначилась в ходе переустройства медицинской части в составе МВД. Медицинская коллегия, учрежденная Екатериной II в 1763 г., к началу XIX в. уже далеко не способна была эффективно развивать государственную медицинскую службу. Энергичная деятельность гр. А.И. Васильева на посту директора коллегии (с 1794 г.), отмеченная преобразованием медико-хирургических училищ в Академии в Москве и в Санкт-Петербурге, расширением их учебной базы, изданием медицинской литературы⁵⁰ и т.д., в еще большей степени выявила острую потребность, как в развитии медицинской науки, так и в совершенствовании самого медицинского ведомства.

Накануне нового 1804 г. доклад министра внутренних дел гр. В.П. Кочубея об образовании Третьей экспедиции Департамента внутренних дел "под именем Государственной медицинской управы" получил высочайшее утверждение. Дела, порученные Медицинской управе, были разделены на две взаимосвязанные, но самостоятельные части: часть экономическую и часть ученую, для чего в рамках Управы создавались два подразделения: одно – "в виде Третьей экспедиции Департамента, для дел текущих и экономических", другое – "в виде ученого

ских принципов. Характерно, что преобразования коснулись в первую очередь лесной и горной частей в составе министерства как требующих в наибольшей степени привлечения специальных знаний и, следовательно, труднее управляемых классическими бюрократическими методами.

Уже в ноябре 1802 г. был представлен для обсуждения сначала в Совет Министров, а затем на высочайшее утверждение "Проект Устава о лесах", выработанный специально созданной комиссией. Он содержал как основные задачи учреждаемого для управления государственным лесным фондом Лесного департамента, так и главные положения лесного законодательства Российской империи.

Лесному департаменту вменялось в обязанность сохранение государственных лесов и организация их рациональной эксплуатации. Для этого департамент должен был, во-первых, заняться исследованием лесов, собирая сведения: "о пространстве земли, занимаемой под оными; о разных породах деревьев..., по различному положению мест и по свойству климата, во сколько лет достигают до совершенного возраста; как сохранять леса и разводить вновь с хозяйственным сбережением, казенную пользу и потомственную благонадежность"⁵⁵.

Как видим, уже только эти задачи составляли целую исследовательскую программу. Для создания необходимых кадров специалистов Лесному департаменту поручалось учреждать школы, для "образования и научения людей в лесоводственных науках"⁵⁶. Дальнейшую разработку лесного законодательства предполагалось вести с учетом региональных особенностей по группам губерний.

"Устав о лесах" 1802 г., как отмечалось выше, включал в себя и основные положения государственного лесоохранного законодательства, являясь, таким образом, одним из первых российских природоохранных законов. В "Уставе" получила свое законодательное развитие практика таксации лесов, как основы рационального лесного хозяйства: были выделены леса трех "статей" и определены годовые лесосеки с учетом состава древесных пород и климатических зон, а также определены меры по естественному и искусственному лесовосстановлению⁵⁷.

Во главе вновь учрежденного лесного ведомства был поставлен один из разработчиков "Устава о лесах" известный естествоиспытатель Карл Иванович (Карл-Людвиг) Габлиц, принимавший в 70-80 гг. XVIII в. участие в Академической экспедиции С.Г. Гмелина и затем заведовавший казенным ботаническим садом в Астрахани⁵⁸.

Уже первое десятилетие работы Лесного департамента дало заметные результаты: были учреждены два лесных училища, проведено картографирование и таксация лесов в четырех губерниях. С 1805 г. ранее убыточное лесное управление начало приносить доходы в казну⁵⁹.

Другим подразделением Министерства финансов, претерпевшим еще большие изменения с учетом новых требований, стала Берг-коллегия. С утверждением в июне 1806 г. "Горного положения" она была преобразована в Горный департамент министерства. "Горное положение", так же как и "Устав о лесах", выработывался специально созданной министерской комиссией в составе наиболее опытных горных инженеров и администраторов. В их числе, Г.С. Качка – потомственный горный инженер, сын венгерского специалиста горного дела, перешедшего на русскую службу еще при Петре I, А.Ф. Дерябин – главный начальник Гороблагодатских и Пермских заводов и один из первых историков горного дела в России и другие известные специалисты⁶⁰.

"Горное положение" 1806 г., просуществовавшее в основных своих элементах вплоть до начала XX в., исходило из необходимости выделения горного управления из ведения гражданских властей. Горная часть с принадлежащими ей заводами, рудниками, горными городами составляла замкнутый комплекс и, как следствие, само "Горное положение" представляло собой объемный свод законодательства (свыше 940 статей), определявший как компетенцию горного начальства, так и разграничение сфер ведения с гражданской властью.

Центральное горное управление сосредотачивалось в Горном департаменте при Министерстве финансов. Департамент был разделен на Горную экспедицию, в которой решались дела административные и хозяйственные, и Горный совет. Сфера деятельности Совета в соответствии с "Горным положением" должна была включать в себя дела, которые "наиболее относятся до законоположений, новых постановлений и учреждений, также до художественной, искусственной и ученой части горного и заводского производства"⁶¹.

Состав Горного совета комплектовался высшими чинами горного управления: "первым членом" его являлся управляющий Департаментом, в помощь ему придавались два советника – фактически, заместители по должности. Членами Совета являлись начальники отделений Экспедиции, берг-инспекторы и горные начальники округов, командир и инспектор Горного кадетского корпуса. Для ведения ученых дел в составе Совета была учреждена должность ученого секретаря, по усмот-

рению министра в Горный совет “могли быть приглашаемы профессоры и другие горные чины”⁶².

Однако, по Положению 1806 г., Горный совет не курировал непосредственно главное ведомственное научно-учебное заведение – Горный корпус. Вся переписка и “сношения по ученым делам внутри и вне России” были сосредоточены во Втором столе Первого отделения Экспедиции⁶³. Таким образом, на практике Горный совет представлял собой не научное подразделение, а общее присутствие департамента, которое в ряду прочих дел занималось и “учеными делами”. Ученая часть горного дела – научные, в том числе, опытные работы, были сосредоточены в Горном кадетском корпусе⁶⁴.

Итак, реформирование Министерства финансов также привело к выделению в подразделениях министерства “ученой, искусственной и художественной части”, но способы управления ими были предпочтены традиционные, бюрократические. Несмотря на то, что “ученая часть” в министерских структурах на получила своего самостоятельного организационного оформления в виде соответствующих ученых сообществ, к практической работе были привлечены известные ученые и специалисты.

В области военного управления империи изменения коснулись в первую очередь военно-морского дела. Для этого были и объективные и субъективные предпосылки. Флот на протяжении всего своего существования являлся “высокотехнологичной” военной сферой, зависящей в своем развитии от самого широкого круга научных и технических открытий и достижений. С момента своего рождения Российский флот был символом государственного могущества империи, любимым детищем ее создателя – Петра Великого. В первой половине XIX в. Россия жизненно нуждалась в сильном и современном флоте как в военно-стратегическом отношении, так и для дальнейших исследований на востоке и на севере своей территории.

Уже в 1801 г. был учрежден специальный Комитет для образования флота, которому предписывалось “войти в рассмотрение изданных доселе узаконений, регламентов и уставов ... и всех учреждений, на коих морское управление со всем к нему принадлежащим основано” с целью “постановить все сопряженные с ним части на основаниях, наиболее сходственных с нынешним состоянием первенствующих в Европе флотов”⁶⁵.

В 1802 г. при образовании министерств управление военно-морским делом было вверено вице-президенту Адмиралтейств-коллегии, факти-

ческому руководителю Комитета для образования флота адмиралу Н.С. Мордвинову – одному из наиболее ярких, образованных и талантливых представителей правящей элиты России первой трети XIX в. Однако практическое преобразование морского управления в связи с последовавшей отставкой Н.С. Мордвинова было осуществлено товарищем министра вице-адмиралом П.В. Чичаговым, который немало сделал для его совершенствования и развития.

Потребность в использовании современных научных знаний остро ощущалась не только членами министерского комитета, но и флотскими офицерами. В 1803 г. по инициативе командования Черноморского флота при Конторе главного командира учреждается Депо Черноморского флота в составе 11 человек для сбора и систематизации картографического материала и описаний черноморских берегов. Кроме этой, чисто практической, задачи в обязанности Депо входили: “Собирание математических и касающихся до мореплавания книг и также выписывание в дополнение оных других, какие за полезнейшие находить будет; собирание моделей кораблям и другим судам, имеющим перед другими преимущество”⁶⁶. К депо присоединялась типография штурманского училища для издания карт и необходимой литературы. Таким образом, поиск организационных форм включения науки в практику военно-морского дела велся и в центральном и в среднем звене флотского управления.

В 1805 г. Комитетом по образованию флота была предложена обширная программа мер по переустройству Адмиралтейской коллегии. Сферу ведения преобразуемого морского управления было предложено разделить под единым руководством министра морских сил на части воинскую и художественную. Первой из них – воинской – несколько неожиданно, учитывая господствовавшую уже в это время бюрократическую терминологию, было предложено оставить наименование Адмиралтейств-коллегии в знак уважения к имени, данному основателем флота – Петром I. Вторая, в свою очередь, разделяющаяся на части ученую и строительную, получала название Адмиралтейского департамента⁶⁷.

Адмиралтейский департамент являлся совещательным собранием по ученой и художественной части. К части ученой было отнесено управление Морским кадетским корпусом и всеми мореходными училищами, включая контроль над учебными курсами и методами преподавания, подбор и аттестацию будущих учащихся. В ведение ученой части передавались библиотеки, обсерватории, физические кабинеты, типография

“и все принадлежащее к наукам и искусствам”. В обязанности Департамента вменялось снабжать командиров судов, отправляемых в дальнее плавание, наставлениями о наблюдениях за “топографией, климатом и статистикой” посещаемых мест⁶⁸.

Характерной особенностью деятельности Адмиралтейского департамента как ученого сообщества, заложенной уже положением 1805 г., была широкая научно-популяризаторская деятельность. Этим задачам служило издание журнала – одного из первых в спектре ведомственных изданий в XIX веке⁶⁹.

Второе начинание, также составлявшее новацию в деятельности Адмиралтейского департамента, – это создание музея, “в котором собраны будут все любопытнейшие сочинения, кабинет редкостей, машин, моделей, физических, математических и астрономических инструментов и в который всякий с дозволения его (руководства департамента) *входить и пользоваться чтением книг или рассматриванием вещей может*” (курсив автора. – А.М.). На содержание музея, директора и помощников была назначена ежегодная сумма в 10 тыс. рублей⁷⁰.

Система представительства в Департаменте соответствовала поставленным перед ним задачам. Собрание включало в себя непрменных членов в лице директора морских и гидравлических работ, артиллериста и двух чиновников: “искусного в словесных науках” и “искусного в физике и математике”⁷¹. Предполагалось, что чиновник департамента, “искусный в словесных науках”, займется сочинением истории Российского флота “от самого заведения его, до сего времени”. Уже в 1806 г. в Департаменте была введена должность историографа, которую впоследствии занял Николай Бестужев – будущий декабрист⁷².

Почетные члены определялись путем баллотировки из профессоров и “особ, отличающимися познаниями и просвещением, и показавших опыты своего достоинства какими-либо изобретениями, сочинениями и апробированными проектами”. В отличие от большинства других ученых комитетов, Адмиралтейский департамент оплачивал работу почетных членов. В случае их активного участия в деятельности последнего, они могли получать жалование “соответственное трудам их” и награждаться пожизненными пенсиями от 500 до 3 тысяч рублей в год⁷³.

С 1805 г. в число почетных членов Адмиралтейского департамента входили многие видные представители академической науки, в их числе С.Е. Гурьев, Л.Ю. Крафт, С.Я. Румовский и др.⁷⁴

Таким образом, с точки зрения типологии организационных форм, ученая часть Адмиралтейского департамента представляет собой третий

вариант решения интересующей нас проблемы. В состав вспомогательного ученого подразделения введены как штатные чиновники, так и почетные члены из числа ученых и специалистов. Принципы научной корпорации дополняются элементами бюрократического устройства.

Анализ существовавших в первое десятилетие XIX в. конкретных правительственных структур, призванных реализовывать вспомогательные функции, связанные с научным обслуживанием государственного управления, был бы неполным, если бы мы не указали на еще одно подразделение, получившее окончательное законодательное оформление в 1808 г. Это Артиллерийский комитет, входивший в состав Министерства военно-сухопутных сил. Оно чрезвычайно интересно уже тем, что наиболее близко по типу своей организации и задачам к ученым комитетам, возникающим в 1810-е – 40-е годы. В значительной мере опыт Артиллерийского комитета послужил основой для создания в 1812 г. Военно-ученого комитета, положившего начало структуре вспомогательных ученых подразделений Военного министерства.

Реформирование системы военного управления сухопутными вооруженными силами в начале XIX в. происходило в России в чрезвычайно сложных условиях. По подсчету А.А. Керсновского, на десять лет (1805-1815 гг.) приходится 21 год войны, учитывая военные действия, которые велись одновременно на два и три фронта⁷⁵. Таким образом, первое десятилетие XIX в. не предоставило военному ведомству мирной передышки, в ходе которой реорганизация управления могла бы быть проведена систематически, по единому плану. Перестройка осуществлялась одновременно по нескольким направлениям и касалась как центрального управления, так и системы организации и вооружения войск.

В условиях переходного периода в организации управления военными силами основное значение приобретали мероприятия, осуществлявшиеся на его отдельных направлениях. По стечению объективных и субъективных обстоятельств наиболее динамично развивающейся частью вооруженных сил в первое десятилетие века становится артиллерия.

В 1803 г. Александр I возвращает в Петербург и вводит в число своих сотрудников А.А. Аракчеева, поручив ему должность инспектора всей артиллерии⁷⁶. В этой должности А.А. Аракчеев состоял вплоть до 1819 г., а в 1808 – 1809 гг. после отставки министра военно-сухопутных сил С.К. Вязьмитинова, исполнял должность военного министра. Воспитанник Артиллерийского и инженерного шляхетского корпуса, прослуживший в этом учебном заведении в течение двух лет преподавателем

лем, А.А. Аракчеев как офицер-артиллерист был знающим и к тому времени опытным специалистом военного дела. Его вклад в развитие русской артиллерии весьма высоко оценивается историками⁷⁷. Активная и плодотворная работа А.А. Аракчеева по совершенствованию русской артиллерии на постах инспектора этого рода войск и военного министра получала всемерную, по сути беспрецедентную, поддержку императора. В 1807 г. он получает приказ “быть при его величестве по артиллерийской части”, а спустя непродолжительное время и право издавать указы по артиллерийской части от имени императора. Основные его мероприятия по совершенствованию материально-технической части, организации, обучению войск и проч., подробно описаны в литературе⁷⁸. Для нашего анализа представляют интерес те из мероприятий, которые были непосредственно связаны с использованием науки в военном деле.

Все шаги, предпринимавшиеся в этом направлении, объективно и логично соотносятся с мероприятиями, проводившимися в гражданских ведомствах. Так, в 1803 г. у артиллеристов вводятся специальные экзамены по военным и математическим дисциплинам для претендентов на производство в офицерские чины. Значительное внимание уделялось Аракчеевым и расширению специальных сведений по артиллерийской части. При проведении учений, полученные новые данные, рекомендации и т.п. сведения “если могут служить к большему чего-нибудь по артиллерии усовершенствованию, должны предаваться печати и рассылаться ... по всей артиллерии”⁷⁹. Были предприняты меры и по комплектованию полковых библиотек. В специальном “Наставлении”, изданном по данному вопросу Аракчеевым, указывалось, что “чтение полезных книг в свободное время есть без сомнения одно из благороднейших и приятнейших упражнений... Оно заменяет общество, образует ум и сердце и способствует офицеру приуготовлять себя наилучшим образом на пользу отечеству”⁸⁰. В 1807 г. при артиллерийском департаменте Военного министерства учреждается типография⁸¹.

Сходные проблемы решались и в другом ведомстве центрального военного управления – инженерном. В 1808-09 гг. был принят ряд решений о назначении наград за “хорошие” сочинения и переводы по инженерной части, а в 1809 г. в составе Инженерного департамента учреждается цензура, главной задачей которой являлось рассмотрение переводов и сочинений, “поощрения за оные и вспомоществование к их изданию”⁸².

Наряду с мероприятиями, направленными на повышение профессиональной подготовки офицерского состава, перед военным ведомством стояли задачи по совершенствованию вооружения и военной техники. Вплоть до начала XIX в. экспертиза новых конструкций артиллерийских систем производилась членами Артиллерийской экспедиции при содействии специалистов, привлекавшихся по мере необходимости в разовом порядке⁸³. В 1804 г. был образован Временный артиллерийский комитет для рассмотрения гарнизонной артиллерии. Его учреждение было связано с необходимостью рассмотреть конкретные предложения по совершенствованию крепостных орудий, поступившие в военное ведомство от директора Олонекских заводов Г. Гасконья. В состав комитета вошли как представители офицерства, так и гражданские чиновники⁸⁴. Однако в последующие годы в комитет поступили новые предложения и запросы, и он продолжал действовать: изучались проекты новых ружей, испытывался новый тип картечного заряда и диоптра (прицела) для артиллерийских орудий. Также были проведены исследования оптимального порохового заряда и угла возвышения орудия и т.п.⁸⁵

Накопление подобных задач, осуществление которых требовало необходимого уровня теоретической подготовки, привело к организации в 1808 г. в составе Артиллерийского департамента на базе временного комитета уже постоянного ученого подразделения – Артиллерийского комитета. Задачи подразделения были расширены. Ему были переданы функции контроля над специальным образованием, проведение экзаменов перед производством в артиллерийские офицеры, рассмотрение “всех проектов, до артиллерии касающихся”, комплектование библиотеки и издание “Артиллерийского журнала”⁸⁶. Таким образом, ученое подразделение, созданное в артиллерийском ведомстве, соединило в своей деятельности основные функции, которые традиционно будут находиться в сфере ведения ученых комитетов в первую половину XIX в.: вопросы ведомственной подготовки кадров, экспертиза изобретений и технических новшеств и информационное обеспечение.

Итак, уже на начальном этапе реформирования системы центральных государственных органов выявилась и что, важнее, была адекватно осознана насущная потребность в научном вспомогательном обеспечении управленческой деятельности. На протяжении 1802-1809 гг. центральными правительственными учреждениями были предприняты конкретные шаги по созданию в собственной структуре специализированных подразделений, призванных осуществлять вспомогательные науч-

ные функции. Возникшие учреждения составили определенный спектр организационных форм, в которых воплотились возможные подходы к организации вспомогательной научной деятельности в рамках министерской системы органов исполнительной власти. Своеобразная "селекция" их была осуществлена в ходе второй реформы министерств в 1810-1811 гг.

Рассмотрим более детально процессы, протекавшие в ходе второй министерской реформы и в период, последовавший за 1810-11 гг. Именно в это время складываются основные типологические черты системы вспомогательных научных подразделений. Анализ развития вспомогательных научных подразделений невозможен без разграничения типологических форм, в которых они создавались и функционировали. Как было отмечено выше, именно с их последовательной сменой в литературе связывалась основная линия развития министерских научных подразделений.

Рубеж первого и второго десятилетия XIX в. был ознаменован завершением реформ центрального государственного управления. Непоследовательность и неполнота предпринятых в первые годы царствования Александра I преобразований становились объектами возрастающей критики, как из лагеря сторонников, так и противников складывающейся министерской системы управления⁸⁷. Общий замысел новых преобразований, как и подготовка первых шагов его реализации, принадлежали, как известно, М.М. Сперанскому. Ход и итоги реформы высших органов государственной власти в 1810-1811 гг. неоднократно излагались в литературе⁸⁸, поэтому остановимся лишь на тех элементах министерской реформы, которые вплотную касались последующего процесса создания и развития вспомогательных ученых подразделений.

Реформы центральных органов административной власти оказались наиболее востребованной частью масштабного плана государственных преобразований М.М. Сперанского. Свою окончательную редакцию новое устройство министерств нашло в объемном законодательном акте — в "Общем учреждении министерств"⁸⁹.

Всем министерствам в соответствии с новым положением придавалась единообразная организационная структура. Министерства делились на департаменты, между которыми распределялись "сферы ведения" министерства. Последние, в свою очередь, делились на отделения и столы. Таким образом, принцип министерского единоначалия был дополнен ответственной исполнительной вертикалью, построенной на четком порядке соподчинения и строгом разграничении уровней компе-

тенции. Столь же четко был регламентирован и формализован порядок делопроизводства, коллегиальная система решения дел заменялась "исполнительской" или министерской.

Не следует думать, что коллегиальное, совещательное начало было полностью изгнано из обновленных министерств. Оно было сохранено, но в значительно сокращенном и подчиненном главным организационным принципам объеме. При министерствах существовали Советы министра, в которых объединялись руководители департаментов, могли присутствовать в Совете и "особенные члены", определяемые в его состав по решению императора. В их числе — приглашаемые "по свойству дел лица посторонние, как-то: владельцы заводов, именитое купечество и т.п." (§ 19, 27-30 "Общего учреждения министерств"). Советы оформляли свои решения в журналах заседаний, которые представлялись руководителю министерства. Однако — и это следует подчеркнуть — советы "сами собою не имели никакой исполнительной власти" (§ 128, 132).

Последующее развитие государственной системы в еще большей степени расширило применение коллегиальных принципов в противовес крайностям министерского централизма как внутри министерств, так и в сфере межведомственной координации, но всегда вне связи с прямыми административно-управленческими функциями. Наглядным примером этих тенденций являлись высшие комитеты, создававшиеся уже во второй четверти XIX в.⁹⁰

Несмотря на всю логическую выверенность системы министерского устройства, которую построил М.М. Сперанский, ей не удалось избежать исключений из общего организационного правила. К концу первого десятилетия XIX в. в системе административных органов уже существовали объективно необходимые учреждения, которые невозможно было встроить в министерскую структуру на положении департаментов, отделений или столов. Некоторые из этих подразделений имели существенные особенности в задачах и формах своей деятельности. Именно они получили название "особенных установлений". Приведем полностью весьма лаконичный параграф "Общего учреждения министерств", определяющий их статус:

§ 44. "Некоторые из Департаментов, по свойству вверенных им дел имеют особенные установления, к наукам и искусствам принадлежащие, как-то: Ученые комитеты, Чертежные, Лаборатории и тому подобные *временные или всегдашние* (курсив автора. — А.М.) заведения"⁹¹.

Таким образом, "особенные установления" выделялись из общего ряда министерских подразделений. Их задачи, структура, иные органи-

зационно-правовые основания деятельности теперь уточнялись в каждом конкретном случае.

Активно начавшийся процесс перестройки уже существовавших министерств в соответствии с манифестом 25 июля 1810 г. "О разделении государственных дел на особые управления"⁹² и создание новых высших административных органов положили начало периоду оформления системы научно-вспомогательных учреждений: сначала – в рамках центральных органов административного управления – министерств и главных управлений, а затем и в ведомственных структурах, включавших вспомогательные ученые подразделения губернского уровня. Этот период занял более четверти века: с 1811 до середины 50-х гг. XIX в.

В рамках данного периода складывается устойчивая типология "особенных установлений", связанных в своей деятельности с "наукой и искусствами".

В целом, все разнообразие типов организационного устройства ученых вспомогательных подразделений может быть сведено к ограниченному числу вариантов. Эти варианты были заданы исторически эволюцией административных учреждений (коллегиальные либо бюрократические) и, кроме того, обусловлены предполагаемой продолжительностью деятельности (постоянные либо временные). Две выделенные пары признаков образуют в различных комбинациях спектр из четырех организационных форм – типов вспомогательных ученых подразделений (см. табл.).

Таблица
Вспомогательные ученые подразделения министерств и ведомств

	Построенные по "коллегиальному" принципу	Построенные по "бюрократическому" принципу
Постоянные	Советы Комитеты	Бюро; депо; лаборатории; опытные станции и т.п.
Временные	Комитеты Комиссии	Экспедиции

Предложенная типология должна быть дополнена еще одной дефиницией: ученые подразделения образовывались не только как внутриведомственные, но, в некоторых случаях, и как межведомственные учреждения. Это касается, в первую очередь, такой формы, как советы: Медицинский совет, Статистический совет выполняли функции органов межведомственной координации.

Некоторого комментария требует разделение типов вспомогательных подразделений по принципу: "постоянные – временные". Создание того или иного подразделения в качестве постоянного отнюдь не означало, что ему уготована долгая жизнь. Например, Ученый комитет Министерства путей сообщения просуществовал только 6 лет (1865 – 1871 гг.). Можно привести и обратные примеры, когда временные комитеты функционировали в течение десятилетий. Качественное различие между постоянными и временными структурами следует провести в иной плоскости. Постоянные учреждения имели достаточно широкий спектр задач и функций, временные же, как правило, создавались для выполнения какой либо одной задачи. Например, Пароходный комитет, действовавший в Морском министерстве в 1842 – 1856 годах разрабатывал вопросы внедрения на военном флоте паровых силовых установок, гребного винта и т.д.

На практике разделение ведомственных научных подразделений в соответствии с выявленными типологическими формами было, зачастую, отнюдь не столь явным. Название учреждения, форма его организации и спектр решаемых задач не всегда соответствовали установившейся рубрикации, хотя в большинстве случаев эти параметры и совпадали. Проиллюстрируем это обстоятельство двумя примерами. Организованное в составе Министерства финансов в 1811 г. подразделение "для рассмотрения финансовых проектов и учреждений по всем частям Министерство финансов составляющее" первоначально именовалось Пятым отделением канцелярии министра. Отделение было образовано "в виде комитета" и лишь затем приобрело соответствующее название: Ученого комитета Министерства финансов⁹³. Центральный статистический комитет МВД в 1863 г. претерпел очередную реорганизацию, в ходе которой он был преобразован "в учреждение на правах департамента с устранением коллегиального устройства". Название же было решено сохранить прежнее⁹⁴.

Таким образом, построения, основанные лишь на терминологических принципах, оказываются достаточно рискованными. Выводы как о характере деятельности того или иного подразделения, так и о принципах его организационного устройства должны делаться с учетом всей суммы факторов, и в первую очередь, законодательно-нормативной базы по созданию или реорганизации конкретного подразделения.

Необходимо отметить, что хотя все выделенные типы вспомогательных ученых подразделений возникают уже в десятые – двадцатые годы XIX в. в виде конкретных комитетов, советов, бюро, экспедиций и т.п.,

не все они были распространены в равной степени. Предпочтение того или иного типа организации было связано с комплексом исторически сложившихся факторов как в развитии госаппарата, так и науки и форм ее организации. Не случайно, термин “Ученый комитет”, хотя и не совсем правомерно с формально-типологической точки зрения, стал в литературе нарицательным определением министерских ученых учреждений в XIX в. Данная организационная форма вспомогательного научно-подразделения действительно была ведущей на протяжении трех первых четвертей XIX в. В конце XIX в. соответствующая терминология воспринималась в законодательной практике уже как традиционная. В качестве характерной иллюстрации приведем следующий пример: при утверждении “Положения” о вновь создаваемом геологическом учреждении в составе Министерства государственных имуществ, предполагавшееся в проекте название: “Геологический институт” было заменено на “Геологический комитет”. В решении Государственного совета было отмечено, что “поскольку проектируемому учреждению придается характер учено-административный”, предпочтительнее присвоить ему наименование “не института, связанное у нас с понятием об учебном заведении, а комитета, что соответствовало бы установившейся терминологии”⁹⁵.

1.2. Создание системы ведомственных вспомогательных ученых учреждений в 1811 – 1840-е гг.

Вскоре после введения в действие основополагающих документов реформы государственного управления 1810-11 гг. началось преобразование министерских структур. В ходе этих реорганизаций процесс выделения ученых установлений в качестве самостоятельных подразделений министерств заметно активизируется. В течение второй четверти XIX столетия практически все ведущие ведомства имперского управления обзаводятся учеными комитетами и советами, которые к концу сороковых годов образуют систему ведомственного научного обслуживания органов государственного управления. Создание системы ведомственных ученых подразделений сопровождалось поисками форм их организационного устройства, конкретизацией задач и функций этих учреждений. На ход этого процесса решающее влияние оказали социально-экономические условия, существовавшие в России в предреформенные десятилетия, уровень развития прикладных составляющих научного

знания. Вместе с тем, наглядно обозначились установки правящей элиты в отношении науки, запросы, предъявлявшиеся к ней со стороны государственной власти.

Позапное развитие правительственной политики в сфере науки и образования, связанное, по замечанию Г.Е. Павловой, с “колебаниями внутренней и внешней политики царского правительства”⁹⁶, определялось комплексом как объективных, так и субъективных предпосылок. Причем воздействие последних, благодаря существовавшей в России социально-политической системе, проявлялось весьма отчетливо.

Во-первых, это власть монарха, который был, не только формально, но и реально высшей инстанцией законодательной и исполнительной власти. Личность каждого из представителей правящей династии окрашивала эпоху своими характерными чертами. Не только мнения, но и предубеждения императора воплощались, в конечном счете, в правительственную политику.

Во-вторых, система власти, созданная в России в начале XIX столетия, обеспечивала исключительное положение высшего слоя правящей бюрократии⁹⁷. Министры были подотчетны только императору, который, по меткому замечанию Ф.Ф. Вигеля – чиновника, прекрасно знавшего действующую систему, – “должен был уважать в них свой выбор”⁹⁸. Личные качества того или иного вельможи, его образованность, эрудиция, способность понять задачи научного обеспечения деятельности вверенного ему ведомства, существенно влияли на судьбу министерских ученых подразделений.

В условиях, когда уровень социально-экономического развития, объективно определявшийся сохранением крепостнических отношений, мало способствовал интеграции научно-технических новаций в народное хозяйство, именно факторы субъективного порядка в значительной степени определяли привлечение науки к решению государственных задач.

Рассмотрим, как происходило развитие ученых министерских подразделений в указанные десятилетия.

Еще до обнародования “Общего образования министерств” получает новое устройство Министерство внутренних дел, реорганизуется Министерство финансов, учреждается новое Министерство полиции⁹⁹.

По новому разделению дел управление медицинской частью перешло в состав последнего, и был создан “Особенный Медицинский совет”, взявший на себя исполнение части задач Медицинского совета МВД (1803-1810). Новое ученое подразделение с точки зрения принци-

пов его организации имело мало общего со своим предшественником. Во-первых, вся ученая часть "медицинского установления" была передана в Министерство народного просвещения, где так же создается свой совет. Функции руководства медицинской наукой оказались, таким образом, расплывлены. Во-вторых, состав Медицинского совета Министерства полиции был организован по принципу ведомственного представительства: в него вошли Генерал-штаб-докторы Военной, Морской и Гражданской части, директор Медицинского департамента, а в качестве председателя был назначен сенатор А.У. Болотников¹⁰⁰. Почетные члены совета – представители медицинской науки – приглашались в "сословие" лишь в важных случаях, то есть фактически утрачивали реальное влияние на деятельность этого подразделения¹⁰¹. Медицинский совет министерства полиции в соответствии с задачами, определенными для него "Положением", ведал лишь "предметы по части экономии и общим предостерегающим мерам": снабжение армии и флота медикаментами и хирургическим инструментом, разбор сомнительных случаев судебной медицины, наставления медицинским чиновникам, предостережения об эпидемиях и т.п. Единственной чисто научной задачей этого учреждения можно считать "издание журнала опытной медицины"¹⁰². Символическим актом, последовавшим вскоре, вслед за реорганизацией медицинского совета в составе нового министерства, было высочайше санкционированное присвоение членам Совета мундира Министерства полиции¹⁰³. "Ученая часть медицинских установлений", как отмечалось выше, перешла в состав Министерства народного просвещения, где вскоре попала под опеку печально известных, ставших еще в XIX в. символами клерикальной реакции, министра А.Н.Голицина и его ближайших соратников А.К.Струдзы, М.Л.Магницкого и Д.П.Рунича. Широкий спектр задач Совета: распространение и усовершенствование медицинских познаний, испытание новых лекарственных средств и открытий в области медицины, аттестация кадров и т.д. дублировался и контролировался третьим отделением Департамента народного просвещения¹⁰⁴.

Политику правительства по отношению к науке и высшему образованию в последнее десятилетие правления Александра I трудно характеризовать иначе, нежели как реакционную. Мистицизм императора и ближайшего окружения, вылившийся в попытки утвердить примат веры над знанием, не только существенно подорвали развитие науки и высшей школы. Общая ситуация не могла не повлиять и на процесс формирования ученых министерских подразделений.

В 1818 г. в Министерстве духовных дел и народного просвещения был образован в составе Главного правления училищ Ученый комитет, сфера деятельности которого сосредотачивалась на цензуре "книг для учебных заведений заготавливаемых" и рассмотрении проектов "предложений по ученой части по Главному правлению училищ"¹⁰⁵. Создание комитета, как это бывало и раньше, лишь законодательно оформило существование уже сложившейся группы, действовавшей в составе Главного правления училищ, в обязанности которой входил подбор авторов для составления учебных пособий¹⁰⁶. Однако новое министерское руководство планировало совершенно иное направление деятельности Ученого комитета. Из спектра задач комитета именно первая – цензура учебных книг – представлялась наиглавнейшей его создателям. В августе 1818 г. А.К.Струдзой была составлена инструкция для вновь учрежденного Ученого комитета. "Главнейшее и существеннейшее служение комитета состоит в том, – гласила инструкция, – чтобы народное воспитание посредством учебных книг направить ... к водворению ... постоянного и спасительного согласия между верою, ведением (знанием. – А.М.) и властью"¹⁰⁷.

Помимо означенных выше задач, комитету поручалось продолжить издание "Журнала Департамента народного просвещения". При сохранении основной рубрикации издания, направление его было совершенно определенным. "Содержание сего периодического сочинения – отмечалось разработчиками нового законоположения, – заимствуемое из тех же источников, долженствует быть с наивыщим попечением и разборчивостью назначаемо..."¹⁰⁸. Комитет получил закрытое устройство: по "Положению" его составляли "три или четыре чиновника" (институт почетных членов или членов-корреспондентов не предполагался). Таким образом, ни по своим задачам, ни по организационному устройству Ученый комитет МНП в первую половину XIX в. не может рассматриваться как подразделение, выполняющее научные функции.

Разгром на рубеже 1820-х гг. сначала Казанского, а затем и Петербургского университетов, преследование прогрессивных ученых, ряд из которых сотрудничали с учеными комитетами министерств¹⁰⁹, достаточно наглядно характеризуют роль министерства духовных дел и народного просвещения в развитии отечественной науки в конце 1810-х – первой половине 1820-х годов.

Однако, несмотря на столь решительную ревизию государственной политики по отношению к науке, практическое использование ее данных и прикладных возможностей в конкретных отраслях государствен-

ного управления и хозяйства стало не только осознанной потребностью, но и объективной реальностью. В преимущественном положении оказывались те сферы административного управления, которые опирались на точные, деидеологизированные, как следствие, не вызывающие подозрения научные дисциплины. Тот же А.Н. Голицин, столь печально прославившийся на ниве руководства народным образованием, видел главное прикладное назначение математики в военном деле¹¹⁰.

Внешнеполитическое положение России в первое десятилетие XIX в. заставляло уделять вопросам развития вооруженных сил особое внимание. Активно шел процесс как количественного увеличения армии, так и ее качественного совершенствования. За годы, предшествовавшие решающей схватке с Наполеоном в 1812 г., численность пехоты увеличилась более чем в два раза, кавалерии – в полтора, артиллерии – на четверть¹¹¹. Делались серьезные шаги по совершенствованию организации родов войск и управлению ими. В январе 1812 г. получает новую организацию центральное управление сухопутными вооруженными силами – Военное министерство.

Как и в других министерствах, в его составе образуются особенные установления, которые были призваны обеспечить необходимое участие науки в столь важной для государства сфере, как военная. Весьма интересным с типологической точки зрения представляется следующее обстоятельство: в Военном министерстве одно из особенных ученых установлений – Военно-ученый комитет был образован по коллегиальному принципу, а Военное топографическое депо – по “бюрократическому”.

Военно-ученый комитет министерства (с 1815 г. в составе Главного штаба е.и.в.) подобно большинству ученых комитетов был учрежден на принципах научной корпорации. Его состав был образован неизменными, почетными членами и членами-корреспондентами. Две последние категории избирались самим комитетом и утверждались военным министром. Главная обязанность созданного подразделения заключалась в “распространении сведений по ученой части военного искусства”, для чего предусматривалась достаточно широкая издательская программа комитета. Кроме того, в обязанности Военно-ученого комитета входило рассмотрение проектов и новых предложений, осуществление опытов, а так же аттестация чиновников, “вступающих в ученые корпуса * Военного департамента и представление оных к производству”¹¹². Разделение конкретных научно-прикладных направлений по родам

* Имелись в виду офицеры-артиллеристы и инженеры.

войск отразилось на структуре Военно-ученого комитета: состав его действительных членов комплектовался представителями артиллерийской, инженерной и квартирмейстерской части.

Неспособность комитета охватить столь широкий круг вопросов стала очевидна достаточно быстро. Уже в 1818 г. генерал-инспектор инженерной части в.к. Николай Павлович, высказал мнение о необходимости иметь при каждой из частей (артиллерийской, инженерной и квартирмейстерской) особые Ученые комитеты¹¹³. По новому “Положению”, выработанному в 1836 г., комитет образовывался уже в составе трех отделений, каждое со своим штатом¹¹⁴. Однако, ни “Положение” 1812 г., ни 1836 г. не предусматривали создания в структуре Военно-ученого комитета или в его непосредственном подчинении каких-либо подразделений для проведения опытных работ. Материалы для необходимых исследований, полигоны и прочее обеспечение должны были предоставлять Артиллерийский и Инженерный департаменты, что, несомненно, уменьшало реальные возможности комитета для осуществления исследований¹¹⁵. Как мы увидим далее, этот подход к организации деятельности ученых комитетов, характерный не только для военного ведомства, в значительной мере предопределил их дальнейшую эволюцию. В структуре задач комитетов консультативные, информационные функции будут превалировать над исследовательскими, а последние – обретут иные организационные формы.

Параллельно с ученым комитетом министерства возникает Инженерный комитет (1819 г.) и Комитет по артиллерийской части (1827 г.), которые в значительной степени дублировали задачи и функции Военно-ученого комитета. Вплоть до 40-х гг. Военно-ученому комитету не удалось наладить эффективной деятельности. Лишь в 1827 г. комитет смог организовать выпуск “Военного журнала”, не имевшего, впрочем, никакой известности в войсках. Его тираж в 1827 – 1846 гг. составлял лишь 150 экз.¹¹⁶ Деятельность оживилась только в середине 40-х гг. с приходом к руководству комитетом Ф.Ф. Шуберта. В этот период Военно-ученый комитет принимает участие в планировании и организации военно-топографических и военно-статистических работ. Последние осуществлялись в тесном научном контакте с учеными Императорской военной академии, где в качестве ведущего специалиста в области военной статистики работал Д.А. Милютин. Результатом проведенных масштабных статистических работ стало издание “Военно-статистического обозрения Российской империи”¹¹⁷.

Военно-топографическое депо, образованное в ходе реорганизации Военного министерства в 1812 г., помимо задач по составлению карт и топографических описаний, сосредотачивало в себе все работы по собиранию и хранению военно-исторических материалов. Причем «сочинение из всех собираемых материалов основательных записок и таблиц из исторических военных сведений» также входило в круг его обязанностей¹¹⁸. Военное топографическое депо с момента его учреждения было крупным структурным подразделением министерства. В его составе было 6 отделений с общим штатом 51 человек. Помимо инженер-топографов, состоявших в офицерских чинах, в составе депо работали два астронома из гражданских лиц, а мастерскую по изготовлению и починке астрономических и топографических инструментов возглавлял, согласно штату, профессор механики¹¹⁹. О том, сколь значительная роль отводилась Военному топографическому депо в составе центрального военного управления, свидетельствует принятие в 1816 г. должности директора Депо П.М.Волконским, являвшимся в то время начальником Главного штаба¹²⁰. Бюджет депо с механической мастерской, обслуживавшей его потребности в оборудовании, составлял 54600 руб. в год. Для сравнения укажем, что бюджет всех департаментов Военного министерства составлял 681820 руб., т. е. затраты на Военное топографическое депо составляли около 8% от сумм, отпускавшихся по штатам 1812 г. на 7 департаментов министерства¹²¹.

Средства, выделявшиеся на Военно-ученый комитет, выглядели скромнее: в год по штатам 1812 г. на содержание комитета отпускалось 25680 руб., причем из них 20100 руб. – на жалование членам комитета и чиновникам, состоящим в классных чинах. Никаких средств на финансирование работ комитета не предусматривалось. Лишь в 1819 г. штаты комитета были пересмотрены, и наряду с увеличением численности сотрудников начинают выделяться средства на награды за сочинения и переводы, покупку книг, инструментов, «на разные ученые опыты и исследования» в размере 10 тыс. рублей в год¹²². Конечно, подобная сумма являлась совершенно недостаточной для развертывания сколь-нибудь серьезных научных работ. Скудное финансирование обрекало ученые комитеты на пассивное существование, ограничивая круг их деятельности лишь экспертизой чужих предложений.

В десятые годы XIX в. делается и первая серьезная попытка организации административной статистики на научных основаниях. В составе Министерства полиции в рамках 1-го отделения Департамента полиции исполнительной выделяется Ученая часть, заведование которой было

поручено профессору К.Ф. Герману – выдающемуся русскому статистiku начала XIX в.

К.Ф. Герман стремился организовать статистические работы Министерства полиции в соответствии с передовыми требованиями современной ему науки, придавая данным статистики широкое общественное и государственное звучание. Еще в 1806 г. в «Статистическом журнале», издававшемся по его инициативе, К.Ф. Герман писал: «Статистика изображает государство ... со всевозможной точностью, ничего к тому не прибавляя, и ничего не упуская такого, что бы могло иметь примерное влияние на благо государства»¹²³. А.Д. Балашев, возглавлявший Министерство полиции, разделял взгляды Германа на задачи и способы организации административной статистики. В 1817 г. получает новую организацию «Статистическая часть» Министерства полиции. Ей было определено изучать в качестве главного предмета «хозяйство Российского государства, населенность и естественные пособия земли», причем все предметы было предписано излагать «в качественных и количественных видах, в порядке мест и предметов»¹²⁴. Изложение предметов в «качественном виде» было поручено Ученому установлению, заведование которым осуществлял К.Ф. Герман.

Ему разрешалось приглашать к занятиям «людей посторонних, имеющих познания и способности для статистической части»¹²⁵. Иными словами, организация Ученого установления была близка устройству ученых комитетов других министерств.

Судьба статистического подразделения оказалась столь же недолгой, как и самого министерства, при котором оно было создано. В 1819 г. А.Д. Балашев был назначен генерал-губернатором пяти черноземных губерний, однако он попытался сохранить за собой руководство статистической службой в государстве. Несмотря на подготовленный Балашевым пространный проект организации «Статистического учреждения», в котором он отводил себе должность главного попечителя, идеи, высказанные в проекте, встретили сопротивление в Комитете министров. Более того, статистическую часть было решено присоединить к Министерству внутренних дел¹²⁶. Данное переподчинение фактически затормозило становление государственной статистической службы более чем на десятилетие, и задача была снова поставлена на повестку дня лишь в середине 30-х гг. XIX в.¹²⁷

В 1811 г. получает новое устройство Министерство финансов. В его составе так же создается вспомогательное ученое подразделение. Оно было образовано в структуре канцелярии министра как ее Пятое отде-

ление (Отделение финансовых учреждений). Задачей вновь созданного подразделения, "действующего в виде комитета", было "рассмотрение финансовых проектов и учреждений по всем частям министерство составляющее"¹²⁸. Отделение являлось замкнутым подразделением, состоявшим из трех чиновников, назначаемых министром, и не включало в свой состав ни членов-корреспондентов, ни почетных членов¹²⁹. В 1824 г. по инициативе Е.Ф.Канкрин Пятое отделение было преобразовано в Ученый комитет Министерства финансов, но изменения коснулись в большей степени лишь названия. По-прежнему главным содержанием его работы было "собирать нужные справки, делать потребные извлечения, следовать вообще ходу финансовой части в Европе и доводить до сведения министра все то, что ему по ходу сему знать необходимо"¹³⁰. Лишь во второй половине XIX в., в 1861 г., Комитету будет предоставлено право приглашать на свои заседания лиц, "специально знакомых с рассматриваемым каждый раз делом"¹³¹.

Итак, уже в течение первого десятилетия после реформ 1810-1811 годов сеть специализированных ученых подразделений существенно расширилась. Если в период 1802-1810 гг. в составе центральных административных органов было лишь три постоянных специализированных вспомогательных ученых подразделения: Медицинский совет, Ученая часть Адмиралтейского департамента и Артиллерийский комитет, то в начале двадцатых годов их количество увеличилось до 8. Вместе с тем, нельзя не отметить тенденции, явственно обозначившейся в начале второго десятилетия XIX в. Это бюрократизация министерских ученых структур. Принципы научной корпорации, выборность членов ученых комитетов, широкие программы деятельности – все, что было обозначено в нормативных положениях о деятельности этих подразделений в первое десятилетие века, уходит в прошлое, будучи заменено привычными канцелярскими подходами.

Наиболее значимой для процесса формирования системы министерских ученых подразделений стала вторая четверть XIX столетия. Эпоха Николая I, а именно ей принадлежат отмеченные выше два с половиной десятилетия, вряд ли может быть оценена однозначно. Она в равной степени содержала в себе и черты стабилизации, даже стагнации, и черты грядущего кризиса начала 50-х годов, но в ней же вызревали и будущие Великие реформы.

Образ императора Николая I в историографической традиции мало соответствует эталону "просвещенного монарха". Лишь в последнее время появляются работы, подвергающие справедливому сомнению

оценки, ставшие привычным рефреном в исторических работах, рассматривающих период его правления¹³². Тем не менее, охарактеризовать позицию Николая Павловича в отношении наук и просвещения, а вместе с ней и государственную политику в этом вопросе, какой-либо одной категоричной формулировкой невозможно. Причины этой неоднозначности не только в "колебании политической линии", но и в особенностях эпохи, в том достаточно необычном, с позиций современного наблюдателя, соединении ценностных установок, которые сформировались в среде российской правящей элиты в первую половину XIX столетия.

Действительно, не имея серьезного образования и не получив вкуса к академическим занятиям¹³³, Николай I в то же время с большим интересом относился к прикладным, конкретным, в первую очередь, техническим возможностям наук. Именно в период его правления большой шаг вперед делает система специальных высших технических учебных заведений¹³⁴. Несомненна большая поддержка, оказывавшаяся Николаем I развитию академической науки, осуществлению конкретных научных проектов¹³⁵. Вместе с тем, современники зафиксировали немало достоверных свидетельств пренебрежительных высказываний Николая Павловича о своих преподавателях, пользе наук и т.п.¹³⁶ Возможно ли такое объединение этих внешне противоречивых данных?

Своеобразное отношение к знанию было свойственно, без сомнения, не только Николаю Павловичу, что представляло собой определенный тип отношения к науке в придворной и бюрократической среде. Данное утверждение верно уже потому, что как "двор делает короля" так и воззрения монарха являются образцом для приближенных. Николай, готовившийся первоначально для военной карьеры, впитал основной комплекс идей и ценностей, присущий этому сословию. Поэтому можно говорить и об известной типичности суждений императора.

Правящее сословие России испытало мощнейшее влияние идей века Просвещения. Значимость науки для успешного развития государства вряд ли могла быть поставлена под сомнение. Однако это еще не вело автоматически к принципиальному изменению ее статусного положения. В рамках жестко ранжированной структуры российского общества она не занимала высокого положения (табельный ранг академика был равен лишь VI классу – чину полковника в армии). Ученость являлась достоинством, но достоинством не абсолютным в сравнении с другими качествами. Описываемую ценностную систему исключительно точно зафиксировала сентенция, принадлежащая второму по старшинству из

сыновей Павла I – Константину: “[...] хотя я весьма люблю, чтобы офицер имел хорошее образование и учился хорошо, но ученых из них не люблю. Они обыкновенно скоро себя забывают, не видевши ничего и не зная настоящее дело опытом. Прапорщик начинает осуждать деяния фельдмаршала”¹³⁷. Таким образом, знанию противопоставлялся практический опыт, который выглядел более значимым чем “абстрактная ученость”.

Николай Павлович также ставил на первое место именно прикладные, осязаемые, видимые результаты и возможности научного знания. Используя сегодняшнюю терминологию, Николая I можно было бы назвать сторонником технократических воззрений, не подразумевая под этим, конечно, развернутой теоретической базы подобных идей. Технократизм в практике, не только предпочтение, но и противопоставление знания практического чистой науке, вполне органично сочетались в его политике со стремлением встраивать науку в систему государственного управления. М.Ф.Хартанович справедливо отмечает, что “интерес императора непосредственно к научной жизни страны был связан только с необходимыми мерами по укреплению отечественной промышленности и военной мощи”¹³⁸.

Очевидно, что данные подходы содержали в себе неизбежные противоречия и изъяны. Стремление выделить сугубо “полезную” составляющую науки диктовало совершенно определенный набор задач и критерии оценки, что в полной мере проявилось в подходах к организации вспомогательных ученых подразделений.

Пожалуй, наиболее полно противоречивость подходов, свойственная рассматриваемому периоду, сказалась в сфере военной. Именно в этой области непосредственное участие императора в принятии решений было особенно велико. Кроме того, высокая “технологичность” военной сферы, а также приоритетный характер финансирования армии – главной опоры престола – позволяют увидеть тот максимум использования прикладных возможностей науки, который был доступен с учетом всего комплекса объективных и субъективных факторов. Судьба ученых подразделений в военном ведомстве является своеобразной квинтэссенцией политики Николая I по отношению к прикладной науке, развивавшейся в ведомственных рамках.

До своего вступления на престол Николай Павлович занимал пост генерал-инспектора инженерной части и был шефом 1 гвардейского саперного батальона¹³⁹. В роковые часы 14 декабря 1825 г. именно лейб-гвардии саперный батальон под командованием А.К. Геруа в решающий

момент подошел к Зимнему дворцу. Все эти обстоятельства определили особенное внимание Николая I к инженерным войскам, и на протяжении его царствования все вопросы, возникавшие перед Инженерным департаментом “под влиянием высоких покровителей устраивались и выполнялись скоро, легко и полезно”¹⁴⁰.

Как отмечалось выше, Николай Павлович активно поддерживал создание специализированных военно-ученых комитетов по родам войск. В 1819 г., продолжая начатое П.К. Сухтеленем и А.А. Аракчеевым дело развития инженерного образования, он выступил инициатором создания Главного инженерного училища, составил его устав, который существенно отличался от существовавших в тот период уставов кадетских корпусов. В частности, зачисление в училище осуществлялось не ранее 14 лет и по экзамену¹⁴¹. К преподаванию были привлечены известные и талантливые ученые: профессора К.И. Арсеньев, М.Ф. Соловьев, Д.С. Чижов, опытные военные специалисты: артиллерист А.В. Дядин и военный инженер Х.Х. Христиани¹⁴². Несмотря на эти, более чем благоприятные условия, инженерные войска, как и армия в целом, не сделали в годы правления Николая Павловича сколь-нибудь решительного шага вперед в своем техническом оснащении и применении достижений науки к военному делу. Военно-ученому комитету не удалось ощутимо повлиять на ход технической модернизации армии при наличии объективных потребностей во внедрении новых типов артиллерийского и стрелкового вооружения и инженерных средств. Причины подобного положения дел нужно связывать с рядом обстоятельств.

На протяжении первой половины XIX в. состав членов Военно-ученого комитета комплектовался в основном боевыми офицерами. Не обладая специальной научной подготовкой, они не всегда могли в необходимой степени вникнуть в суть технических новшеств. Кроме того, участие в работах Военно-ученого комитета являлось для офицеров и генералов, как правило, дополнительной обязанностью. Деятельность его членов зачастую сводилась к написанию обширных критических справок по поводу полученных комитетом предложений, а далее дело глохло в бюрократических кабинетах. В 1826 г. подобный стиль работы заслужил раздраженную резолюцию директора Инженерного департамента инженер-генерала К.И. Оппермана: “[...] Военно-ученый комитет учрежден на предмет усовершенствования предложений, поступающих в оный на рассмотрение, не ограничиваясь только одними замечаниями и критикой”¹⁴³. Но все осталось без изменений. По новому положению об устройстве Военно-ученого комитета, принятому в 1836 г., основные

принципы комплектации его состава и схема деятельности были сохранены¹⁴⁴.

В соответствии с установленными правилами, Военно-ученый комитет лишь рассматривал поступающие в военное ведомство предложения и изобретения, а также аккумулировал сведения “об опытах, производимых по разным предметам военного искусства всеми местами и лицами военно-сухопутного ведомства”¹⁴⁵. Таким образом, его роль в определении направлений и планировании исследований сводилась к минимуму, ограничиваясь экспертной функцией. Последнее – наиболее значимо для объяснения результатов его деятельности в николаевское время.

Все решения по наиболее значимым исследованиям, проводившимся в военном ведомстве, принимались непосредственно самим императором. Николай I неоднократно сам присутствовал на демонстрациях и испытаниях новых военно-технических средств. В частности, император присутствовал в 1833 г. при испытаниях на полигоне в Красном Селе трубной системы обороны крепостей, где впервые были осуществлены широкомасштабные опыты подрыва мин “посредством гальванизма” с использованием электрозапалов П.Л. Шиллинга фон Конштадта¹⁴⁶. В этом же году в присутствии Николая I был опробован и электромагнитный телеграф П.Л. Шиллинга¹⁴⁷. В 1834 г. он наблюдал за попыткой практического применения подводной лодки конструкции К.А. Шильдера¹⁴⁸ и т.д. В соответствии с личными решениями Николая I осуществлялось и выделение средств на исследования. Поскольку проведение опытов, изготовление образцов новой техники были зачастую связаны с весьма значительными затратами, намного превышающими не только средства, выделявшиеся Военно-ученому комитету на исследовательские цели, но и штатные суммы на его содержание, работа над конкретными проектами сосредотачивалась, как правило, в специально учрежденных временных комитетах: Комитет об улучшении штуцеров и ружей (1849-1860 гг.)¹⁴⁹, Комитет о подводных опытах (1839-1853 гг.)¹⁵⁰ и другие аналогичные подразделения.

В какой мере избранные приоритеты в развитии военной техники оказались верными? Многие из опытов, ставившихся в военном ведомстве, были весьма дорогостоящими. Так, на создание упомянутой выше подводной лодки К.А. Шильдера из казны было выделено 23488 руб.¹⁵¹ В дальнейшем эта сумма была увеличена за счет средств, выделенных для строительства “плавучей базы”, – специального парохода, буксирующего лодку. На создание двух таких судов было затрачено 94 тыс.

рублей ассигнациями¹⁵². Отметим, что в общей сложности эти средства более чем в три раза превышали годовой бюджет Военно-ученого комитета по штатам 1836 г. По оценке Комитета о подводных опытах, рассматривавшего в 1841 г. вопрос о целесообразности дальнейших испытаний, “и при лучшем ее устройстве нет никакого ручательства к надежному употреблению ее против неприятеля”¹⁵³. Исследователь творческой биографии К.А. Шильдера Ю.Г. Мазинг отмечает, что проект реально действующего подводного судна был неосуществим на уровне техники 40-х – 50-х гг. XIX в.¹⁵⁴

Вместе с тем, многие перспективные научные разработки не внедрялись или находили дорогу к применению со значительным запозданием. Лишь в 1836 г. был назначен Комитет для рассмотрения электромагнитного телеграфа, который положил начало осуществлению практических опытов по использованию телеграфа Шиллинга¹⁵⁵. Масштабное строительство проводных телеграфных линий в России разворачивается только с начала 50-х гг. XIX в.¹⁵⁶ Электрические взрыватели, первые опыты с которыми П.Л. Шиллинг провел в 1812 г.¹⁵⁷, долго не находили практического применения в военной практике. К.А. Шильдер деятельно способствовал продвижению изобретения П.Л. Шиллинга в практику военного дела, существенно расширив сферу его конкретных приложений от подводных мин до запуска боевых ракет при помощи электрического взрывателя. Но только в 1840 г. была сформирована специальная команда “для теоретического обучения гальванизму и способам применения его к военному делу”, а первое практическое употребление электрических взрывателей – при осаде аула Салты – относится к 1847 г.¹⁵⁸ Пятнадцать лет понадобилось императору, считавшему инженерное искусство сферой своей профессиональной компетенции, чтобы дать высочайшую санкцию на использование изобретения. Приказ, полученный начальником Гальванической части штабс-капитаном Вансовичем, был лаконичен: “Поезжай на Кавказ и покажи Михаилу Семеновичу (кн. Воронцову) эту чертовщину”¹⁵⁹.

Военно-ученый комитет не стал в годы правления Николая I центром технических новаций в армии. Характерно, что деятельность наиболее яркого представителя когорты членов Военно-ученого комитета николаевского призыва К.А. Шильдера в качестве члена ученого установления военного министерства не была результативной. Следует отметить, что его важнейшие успехи были достигнуты вне стен Военно-ученого комитета. По оценке историка военно-инженерного дела в России А. Савельева, К.А. Шильдер с интересом подхватывал и развивал

новые технические идеи, но не всегда мог (или не всегда хотел) разобратся в предложениях, поступавших в комитет. Характерен эпизод с экспертизой воздушного насоса, изобретенного генералом А.А. Саблуковым. В приборе А.А. Саблукова был использован принципиально новый способ центробежного вентилятора, что делало его дешевле, легче и примерно в четыре раза эффективнее использовавшегося в то время вентилятора Сиверса¹⁶⁰. Экспертиза, порученная Шильдеру, тянулась почти десять лет: с 1832 по 1842 гг. После ее завершения К.А. Шильдер в течение года составлял отчет (причем, заключение было отрицательным), а затем предложил собственный проект, который в итоге оказался хуже образца Саблукова¹⁶¹.

Обширные материалы о судьбе изобретений А.А. Саблукова, К.А. Шильдера, П.Л. Шиллинга, Б.С. Якоби¹⁶², находившихся в сфере непосредственных интересов военного ведомства, позволяют, как представляется, выявить ряд существенных черт в организации работ, направленных на внедрение технических новшеств.

В своем большинстве научно-техническая деятельность военного ведомства не носила планомерного характера. Вряд ли данное обстоятельство можно объяснять лишь недалекостью военного руководства. Существовавший уровень взаимодействия науки и техники в тот период объективно выдвигал на первый план эмпирические, опытные сведения. Лишь работы академика Б.С. Якоби, проводившиеся для нужд военного министерства в 40-е и 50-е гг. XIX в., можно с полным основанием причислить к исследованиям, осуществлявшимся в тесной связи с теоретическими данными науки. «Штучный характер» новаций, появлявшихся в поле зрения военного ведомства предопределял и соответствующий способ принятия решений по каждому отдельному предложению. Многие из выдвигавшихся идей не могли быть обеспечены соответствующим уровнем техники и технологии производства того времени и не находили воплощения на практике.

Интерес Николая I к техническому совершенствованию военной сферы, да и к другим возможным научно-прикладным направлениям ограничивался в основном внешней стороной. Ни сам император, ни значительная часть людей, которым он вверял это дело, не смогли проявить необходимой компетентности. Николай Павлович был свято уверен, что как «добрая нравственность» является «лучшей теорией права»¹⁶³, так и в других отраслях науки добросовестный генерал вполне совладевает с научными предметами. Однако реальный опыт показал всю ошибочность этого подхода. Красноречивую характеристику этого на-

правления деятельности Николая I дал один из видных представителей военной элиты первой половины XIX в. П.Х. Граббе. «Странно и поучительно – отметил генерал, – что в общих мерах покойного государя, обращенных наиболее на военную часть, упущены две такие важности, каковы введение усовершенствований в артиллерии и в ружье»¹⁶⁴. Действительно, военные действия 1850-х гг. наглядно продемонстрировали «упущенные важности», в число которых входили и паровой флот, и современная система коммуникаций, и многое другое.

Отношение к сфере военных научно-прикладных исследований определялось и некоторыми дополнительными факторами: после побед в войне с Наполеоном русская армия представлялась императору и его окружению и в существующем виде наиболее сильной в Европе и, как следствие, не требующей каких-либо существенных технических модернизаций. Необходимость ограничить расходы на содержание вооруженных сил, тяжким бременем лежавшие на государственном бюджете, отодвигала вопросы технического совершенствования в раздел второстепенных проблем. Расплатой за столь близорукую политику стало позорное поражение русской армии в Крымской войне, где вопросы технического оснащения войск сыграли далеко не последнюю роль.

Как отмечалось выше, система министерского управления в том виде, в котором она существовала в России XIX века, целиком замыкалась на фигуре министра, являвшегося полновластным хозяином своего ведомства. Необходимо отдать должное Николаю I, который во второй половине 20-х – первой половине 30-х гг. привлек к государственной работе немалое число способных и образованных сотрудников. В их числе Д.Н. Блудов, Е.Ф. Канкрин, П.Д. Киселев, М.М. Сперанский, С.С. Уваров и некоторые другие.

Этот слой управленцев был своим воспитанием и образованием теснейшим образом связан с эпохой Александра I, и не только по времени, но и по духу. Либеральные и просветительские идеи первого десятилетия XIX в. прочно пустили корни в общественной жизни. По оценке В.В. Леонтовича, «многие из его (Николая I) сотрудников придерживались ... мнений, которые нельзя назвать иначе, как либеральными»¹⁶⁵.

Е.Ф. Канкрин и М.М. Сперанский, как известно, оставили свой след в истории не только как администраторы, но и как авторы серьезных научных трудов в области экономики, теории народного хозяйства и в правоведении. С.С. Уваров, по отзыву Б.Н. Чичерина, который не был слишком щедр на похвалы современным ему государственным деятелям, «был человек истинно просвещенный, с разносторонним образова-

нием ... в нем ярко выступала отличительная черта людей Александровского времени – горячая любовь к просвещению”¹⁶⁶. Последнюю характеристику, данную Б.Н. Чичериным Уварову, можно принять в качестве наиболее обобщенной, свойственной многим представителям этого поколения.

Уважение и интерес к науке порой приобретал у представителей министерской бюрократии неожиданные формы. Не следует забывать, что большинство из них как управленцы, даже при неплохой общей образованности, были дилетантами в тех сферах, которыми руководили. Например, П.Д. Киселев в 1841 г., вдохновленный успехами выставок, проводившихся Министерством финансов, высказал идею о создании при губернских палатах госимущества музеев различных хозяйственных предметов. Ученый комитет министерства, в который было передано на рассмотрение это пожелание, оказался в сложном положении. Дабы не уничтожить на корню просвещенную идею министра и не поддерживать заведомо нежизнеспособную и ненужную инициативу, Комитет дипломатично предложил “ограничиться расширением уже созданного музея при Лесном и Межевом институте”¹⁶⁷.

Таким образом, стремление использовать достижения науки, поставить ее возможности на службу России было естественным для значительной части высшей бюрократии Николаевского времени. Лучшие ее представители видели отсталость страны в экономическом, а по ряду направлений и в научно-технологическом, отношении. Они критически относились ко многим реалиям российской действительности, в первую очередь к крепостному праву. Однако, будучи сами плоть от плоти бюрократической системы, более того, олицетворяя эту систему, они действовали в направлении, определенном монархом и главнейшими правилами устройства бюрократической власти.

Итак, при наличии необходимых предпосылок для активного развития ученых министерских подразделений во второй четверти XIX века рост этих подразделений проходил непросто. Увеличение численности “ученых установлений” вполне уживалось с бюрократизацией их деятельности. Главной проблемой, которую приходилось решать на этом этапе как органам центрального административного управления в лице своих высших руководителей, так и ученым, привлекавшимся в состав ученых комитетов, была проблема соотношения запросов управленческого аппарата к прикладной науке с ее возможностями дать на них ответы.

Ведомством, сконцентрировавшим в своей структуре управление большинством отраслей государственного хозяйства, стало после реформ 1810-1811 гг. Министерство финансов. В составе Министерства был образован Департамент государственных имуществ, в который вошли на правах отделений управление казенными лесами и управление государственным земельным фондом. Горное и соляное управление были выделены в отдельный департамент. В соответствии с “Учреждением Министерства финансов” в его структуре был сохранен Горный совет на правах общего присутствия департамента, кроме того, при Департаменте горных и соляных дел создавалась лаборатория, которой поручалось “производство разных химических опытов по всем предметам, относящимся к ведению Департамента”¹⁶⁸. Все дела по “ученой части” распределялись между столами. Так, Первому столу Отделения казенных лесов поручалось ведать лесные институты и училища и “все дела по лесной ученой части”, а Второму столу Отделения казенных заводов – “дела, относящиеся до усовершенствования машин, новых изобретений искусственных и художественных по Горной части” и дела по “разысканию слоев земных”, т.е. геологоразведочные работы¹⁶⁹.

Однако уже в начале двадцатых годов становится очевидным, что сложившаяся структура не отвечает необходимым требованиям. Чиновники отделений, загруженные текущей канцелярской работой, конечно, не могли эффективно выполнять столь обширный набор задач, часто далекий от текущих управленческих вопросов. Требования к квалификации чиновников, которым можно было бы поручить научные задачи, также выходили за рамки возможного. Как следствие, с середины двадцатых годов в структуре Министерства финансов начинают создаваться вспомогательные подразделения – ученые комитеты, которым и передаются “дела по ученой части”.

Столь активная перестройка научного обеспечения деятельности министерства стала возможна не в последнюю очередь благодаря Е.Ф. Канкрину, который возглавил финансовое ведомство в 1823 г.

Егор Францевич Канкрин (Георг Людвиг) вышел из династии потомственных специалистов горного дела. Его отец, специалист в области минералогии и горный инженер, был в 1784 г. приглашен на русскую службу для заведования соляными разработками и сделал хорошую карьеру. В конце XVIII – начале XIX вв. он был членом Берг-коллегии, а затем Горного совета¹⁷⁰. Сам Е.Ф. Канкрин обучался в Гиссенском и Марбургском университетах, в последнем из которых получил ученую степень доктора прав.

Еще в самом начале своей службы, в 1800 г., Канкрин составляет обстоятельную записку об улучшении овцеводства в России. И в дальнейшем он сохранял научный подход к предметам государственного управления, с которыми ему приходилось сталкиваться. Менялся лишь масштаб теоретического обобщения административной практики: с его службой в качестве военного интенданта связана работа «О средствах продовольствования больших армий», с деятельностью в качестве члена Государственного совета по Департаменту государственной экономии – «Всемирное богатство, национальное богатство и государственное хозяйство». В 1829 г. Е.Ф. Канкрин, возведенный в графское достоинство, с полным основанием избирает девиз: «Трудом»¹⁷¹.

С приходом Е.Ф. Канкрин к руководству Министерством финансов, начинают получать разрешение назревшие проблемы реорганизации министерских подразделений и структурного обособления специализированных ученых комитетов и советов.

В 1825 г. создается Горный ученый комитет. Специфика горного ведомства предопределила его создание не в рамках профильного департамента, а при Горном кадетском корпусе. Именно там были сосредоточены наиболее квалифицированные кадры горных специалистов. Кроме того, Корпус был в непосредственном подчинении директора Горного департамента.

Главной задачей Горного ученого комитета являлся выпуск «Горного журнала». Для этой цели из числа членов комитета избирались редакторы отделений журнала, для каждого – свой. Комитету надлежало также рассматривать проекты и изобретения по горной и соляной частям, поступающие в департамент. Организационное устройство комитета предполагало выборность членов и членов-корреспондентов¹⁷². В 1834 г. с введением военизированной структуры горного ведомства и созданием Корпуса горных инженеров Ученый комитет получает новое «Положение», расширившее его функции и одновременно сократившее степень академических свобод этого подразделения. Большинство состава Комитета не избирается, а назначается¹⁷³.

Исследовательская база горного ведомства была существенно усилена путем слияния лаборатории Горного департамента с лабораторией Горного кадетского корпуса и подчинением ее ученому комитету¹⁷⁴. Таким образом, впервые в практике создания вспомогательных научных подразделений был образован комплекс учреждений, включавший как научно-консультационный, так и опытный структурно выделенные «блоки».

Но наиболее интересной была попытка вывести деятельность ученого комитета за рамки центрального горного управления. Положение о Горном ученом комитете предусматривало создание в горнозаводских округах Горных обществ, которые должны были выступать на местах в качестве отделений Горного ученого комитета¹⁷⁵. Подобные идеи будут заложены и в соответствующие нормативные акты при создании Мануфактурного и Коммерческого советов¹⁷⁶, что свидетельствует о последовательном стремлении министерского руководства в 20-30-е годы XIX в. связать органы центрального управления, в том числе и ученые подразделения, с ведомственной сетью в провинции. В случае успеха они могли бы, во-первых, черпать необходимую им информацию, и, во-вторых, повышать научный и технический уровень на местах.

Однако данное начинание, безусловно, прогрессивное и целесообразное по своему замыслу, опередило время. Малое число подготовленных специалистов, низкий уровень производства, нередко отсутствие интереса у провинциальных чинов к созданию подобных объединений не позволили ни одной из структур Министерства финансов создать во второй четверти XIX в. реально действующие сети подобных подразделений на местах.

Так, по данным Н.С.Киняпиной, изучившей дореформенную историю Мануфактурного совета, в большинстве городов Мануфактурных комитетов и мануфактур-корреспондентов не было¹⁷⁷, а в большинстве городов, где создать их все-таки удалось, работа велась чрезвычайно вяло. Например, учрежденный в Нижнем Новгороде в 1828 г. Мануфактурный комитет, до 1830 г. вообще бездействовал¹⁷⁸. Столь же малые перспективы имелись и у проекта создания реально действующих подразделений Горного ученого комитета на местах. По данным И.А. Новикова, в конце 50-х гг. XIX в. во всех казенных горных округах работало всего лишь 142 горных инженера, а на частных заводах – 11 специалистов, получивших специальное высшее образование¹⁷⁹.

Из всех сфер государственного хозяйства, находившихся под управлением Министерства государственных имуществ, лесное хозяйство представлялось сферой наиболее сложной как для практической эксплуатации, так и для постановки дела на научную основу. Достаточно вспомнить, что в середине XIX в. только в губерниях Европейской России площадь лесов составляла 39,4% общей площади (1633396 кв. верст)¹⁸⁰, большая часть которых принадлежала казне.

Заложенные «Уставом о лесах» (1802 г.) меры, призванные «привести в известность» лесные богатства и наладить их рациональное

использование в соответствии с научно обоснованными методиками, требовали для своей реализации громадных средств, которыми правительство не располагало. Министерство финансов в 1820-е – 1830-е гг. не только не предпринимало мер, направленных на кардинальное изменение сложившегося положения, но, видимо осознавая малую перспективность подобных усилий, стремилось передавать леса под управление других ведомств. Так, в 1818 г. леса при соляных заводах были переданы Соляным правлениям, в 1828 г. корабельные – в ведение Морского министерства и т.п.¹⁸¹

Тем не менее, в 1826 г. в составе Департамента государственных имуществ был образован Специальный ученый комитет по лесной части, которому предлагалось “сообразив все существующие по лесной части узаконения, согласив, дополнив и исправив их, изготовить проект новых лесных узаконений” и подготовить “предварительное наставление, каким образом начать правильное лесоводство по губерниям”. Кроме того, в круг обязанностей новообразованного комитета входили текущие дела по ученой и практической частям лесоводства.¹⁸²

Создание ученого подразделения в структуре лесного ведомства было не единственным мероприятием, направленным на повышение научного уровня ведения лесного хозяйства в стране. В соответствии с “Положением о новом устройстве лесной части” в 1826 г. в шести центральных губерниях были введены дополнительно должности ученых лесничих¹⁸³. В 1829 г. было осуществлено преобразование Форест-института – главного специализированного учебного заведения, готовившего кадры для лесного ведомства, а в 1834 г. под Петербургом основано Лисинское учебное лесничество и егерское училище при нем.¹⁸⁴

Все перечисленные меры носили скорее перспективный характер. Лисинское лесничество на долгие годы оставалось не только учебным полигоном, но и, по сути, единственным правильно организованным лесным хозяйством в стране.

Попытки, предпринятые во второй четверти XIX в. в лесном управлении по внедрению в практику управления государственными имуществами научных методов ведения хозяйства, наглядно показывают реальные сложности и, в конечном счете, ограниченные возможности реально повлиять на сложившуюся ситуацию. Препятствиями являлись ограниченность финансовых ресурсов, нехватка кадров и прочие обстоятельства, встававшие на пути всех ведомств. В этих условиях достаточно очевидной становилась оторванность от жизни задач, поставленных перед учеными комитетами.

По оценке товарища министра государственных имуществ Н.И. Гамалеи, который в 1841 г. осуществил ревизию деятельности лесного ведомства за первое тридцатилетие XIX в., “в отношении действительного ведения в лесах хозяйства и устройства, основанного на точных правилах науки, ничего или почти ничего не сделано, кроме приступа в Лисинском учебном лесничестве”¹⁸⁵.

Таким образом, Специальный ученый комитет по лесной части, как и ряд других ученых комитетов во второй четверти XIX в., в своей деятельности мало соприкасался с практикой. Причиной тому была, в первую очередь, недостаточная база для исследования лесных богатств страны. Неудивительно, что представлявшиеся комитетом предложения, “основанные на германских теориях лесной науки”, справедливо вызвали сомнение в их применимости в российских условиях, столь далеких от условий Центральной Европы.¹⁸⁶

Если причины подобного положения дел достаточно очевидны, то последствия деятельности научно-прикладных подразделений вряд ли стоит сводить к непосредственному влиянию, точнее отсутствию влияния, на практику. Опережающее развитие научных разработок, подготовка кадров и привлечение ученых к работе в составе правительственных подразделений создавали комплекс необходимых предпосылок для дальнейшего развития той или иной сферы государственного хозяйства. Понимание данного факта заставляло руководство министерств поддерживать ведомственные ученые подразделения. В то же время, отсутствие ресурсов и, не в последнюю очередь, реальных механизмов внедрения научных рекомендаций в практику управления зачастую оставляли взаимодействие науки и государственной власти в плоскости, скорее, сосуществования, чем взаимодействия.

Таким образом, “просветительские”, в широком смысле этого слова, установки бюрократической элиты 20-40 гг. XIX в. обеспечивали создание вспомогательных научных подразделений, в том числе и в тех сферах административного управления, где применение данных науки не являлось практической задачей не только текущего, но и ближайшего времени.

Процесс определения действительной роли и места научных подразделений в системе административного аппарата происходил непросто. Наиболее очевидно все изгибы правительственной линии в судьбе ученых подразделений проявились в ходе реформирования структур Министерства внутренних дел.

Медицинский совет министерства в 1822 г. был воссоединен с аналогичным советом Министерства духовных дел и народного просвещения. Этим решением был, наконец, ликвидирован искусственный отрыв медицинского управления от медицинской науки и подготовки кадров. Однако объединение под управлением Медицинского департамента всех сфер, составляющих медицинскую службу в государстве, создало соблазн организовать управление ею чисто бюрократическими методами. Уже в 1823 г. в недрах департамента рождается проект, главная суть которого сводилась к сужению научных и расширению хозяйственных функций Медицинского совета. Совет, по мысли авторов проекта, должен был состоять из 12 медицинских чиновников, «каждый из которых получит особенную обязанность по какой-либо из частей, врачебную науку составляющих». Главным содержанием деятельности членов совета должны были стать пробы аптечных материалов, хирургических инструментов, торги, подряды и т.п.¹⁸⁷

Не внес окончательной ясности в обсуждавшийся вопрос и специально созданный в 1828 г. комитет «О лучшем устройстве гражданской медицинской части»¹⁸⁸. Чиновники департамента, улучшая и совершенствуя проект положения о Медицинском совете, особое внимание уделяли денежному содержанию его членов. По их предположениям жалование действительных членов должно было составлять 3 тысячи руб., а председателя — 4 тысячи руб. в год¹⁸⁹, что превышало официально существовавшие в то время оклады министров. Таким образом, совет имел полную возможность превратиться в выгодную sinecure для чиновников от медицины.

Утвержденное в 1836 г. Государственным советом «Положение» о Медицинском совете носило половинчатый характер и просуществовало лишь 5 лет. Главная проблема, которая оставалась неразрешенной в «Положении» 1836 г., — вопрос о реальных полномочиях совета. Многочисленные задачи, поставленные перед ним в части совершенствования медицинской науки, надзора над медицинской практикой и аттестацией кадров, могли разрешаться лишь на рекомендательном уровне¹⁹⁰.

Насущные потребности совершенствования государственной медицинской службы, как гражданской, так и военной, заставили министерское руководство пересмотреть казалось бы уже определенную точку зрения на роль и место в системе министерства данного учреждения. Благотворной в этом отношении оказалась и смена главы Министерства внутренних дел. В 1841 г. министерский пост занял Л.А.Перовский, который активно поддержал новую реформу Медицинского совета.

В соответствии с новым Положением, принятым в 1842 г., статус этого подразделения менялся коренным образом. Медицинский совет отныне становился «высшим в государстве врачебно-ученым, врачебно-полицейским и врачебно-судебным местом»¹⁹¹. Таким образом, за советом закреплялось положение высшей правительственной инстанции, определяющей как научные, так и практические вопросы медицины. В соответствии со ст. 3 Положения «никакая мера по медицинскому устройству не представляется на высочайшее утверждение без предварительного обсуждения в Медицинском совете»¹⁹².

Предметы, отнесенные к ведению Медицинского совета разделялись на вопросы, относящиеся «к ученой части», и вопросы «по части судной». К числу первых были отнесены: рассмотрение открытий, относящихся к врачебной науке, цензура медицинских сочинений, народных лечебников и т.п., исследование новых фармацевтических средств, в том числе изыскание способов замены иностранных лекарств российскими, вопросы борьбы с эпидемиями, аттестация иностранных врачей, желающих получить практику в России и ряд других вопросов. По «части судной» на Медицинский совет была возложена окончательная экспертиза сомнительных случаев судебной медицины¹⁹³.

Вторым направлением деятельности Министерства внутренних дел, где вопрос подключения научных сил давно назрел и являлся насущно необходимым, была административная статистика. Первые попытки решения этой задачи были предприняты, как отмечалось выше, еще в Министерстве полиции в 1811-1819 гг. Однако проекты К.Ф. Германа и А.Д. Балашева так и остались нереализованными.

В двадцатые — первой половине тридцатых годов Статистическое отделение, существовавшее сначала при Канцелярии министра внутренних дел, а затем — при Департаменте полиции исполнительной, смогло выпустить лишь две сводные статистические работы с описанием городов и посадов Российской империи (1825 и 1833 гг.), содержавшие значительное количество неточностей. Положение дел в этом подразделении МВД ярко характеризуется следующим примером: к 1834 г. более 50 таблиц, отражавших текущие статистические данные о численности населения, состоянии промышленности, земледелия и т.п., были потеряны¹⁹⁴. К 1830-м годам недостатки в системе сбора и анализа статистической информации стали более чем очевидны.

Образованное в 1834 г. при Совете министерства Статистическое отделение, должно было не только наладить сбор и анализ текущей статистической информации с мест, но и выступить в качестве коллегиально-

го совещательного органа, в который предполагалось привлечь "людей, отличающихся сведениями и опытностью в делах внутреннего управления"¹⁹⁵.

В соответствии с положением о Статистическом отделении, в его состав входили как чиновники министерства, так и члены-корреспонденты. Таким образом, по типу своего организационного устройства Статистическое отделение, как и большинство других ученых подразделений, было образовано в виде комитета. В числе важнейших задач, порученных отделению – составление общего плана статистических работ, определение форм статистической отчетности, поступающих из губерний, и создание "подробных, и по возможности точных, описаний состояния дел всех частей, подведомственных МВД"¹⁹⁶.

Вместе с тем, Статистическое отделение оказалось перегруженным многими функциями, которые были далеки от административной статистики, сколь широко бы ни трактовалось данное понятие. Так, в число задач вновь созданного подразделения входило "предварительное рассмотрение и соображение представляемых вновь планов городов, проекты новых разделений губерний и уездов, предположений о городских доходах и расходах, рассмотрение в хозяйственном отношении предполагаемых новых зданий" и т.п. Наиболее экзотичной обязанностью отделения было составление городских гербов¹⁹⁷.

Стремление нагрузить статистическое подразделение столь многообразными и разноплановыми работами не могло не сказаться на эффективности его деятельности. Действительно, анализ отчетов за вторую половину 30-х и 40-е годы свидетельствует, что дополнительные задачи отнимали большую часть времени сотрудников Статистического отделения. Так, в 1840 г. было утверждено более 20 планов городов, составлены гербы для 8 городов; в 1841 г. – гербы по 18 губерниям и т.п.¹⁹⁸

В совокупности обстоятельств, предопределивших малую эффективность деятельности этого подразделения в 30-е – 50-е гг. XIX в., наиболее существенную роль сыграло фактическое отсутствие ведомственной сети статистических подразделений в губерниях. Учреждение в 1834 г. вместе со Статистическим отделением Совета МВД губернских статистических комитетов осталось, по сути, лишь декларацией, поскольку эти решения не были подкреплены ни соответствующим финансированием, ни выделением штатных единиц в составе губернских правлений. По данным опроса начальников губерний, проведенного в 1853 г., состояние дел с губернской статистикой было признано неудов-

летворительным. Большинство губернаторов указали в числе причин, обусловивших плачевное состояние статкомитетов во вверенных им губерниях, нехватку денежных средств на производство работ, загруженность чиновников, привлеченных к работе в комитетах, иными обязанностями и отсутствие подробных инструкций министерства по сбору статистических сведений¹⁹⁹.

В этих условиях щедро выделявшиеся Статистическому отделению средства не изменяли принципов и конечной эффективности его деятельности: уже в 1836 г. министр Внутренних дел Д.Н.Блудов увеличил средства отделения на 5 тыс. рублей, а в 1839 г. в соответствии с новыми штатами министерства суммы, отпускавшиеся на Статистическое отделение, были увеличены до 24000 рублей серебром²⁰⁰.

Подобное положение дел свидетельствовало о своеобразном понимании министерским руководством специфики и задач и методов деятельности административной статистики. К.И. Арсеньев, приглашенный возглавить работы Статистического отделения, стремился направить деятельность вверенного ему подразделения на создание подлинно научных основ государственной статистики. Однако он не смог перебороть косность министерской бюрократии. Особенно усложнилась ситуация с уходом с поста министра Д.Н. Блудова.

Наиболее характерным примером, иллюстрирующим отношение руководства МВД к задачам административной статистики, формам организации работ и, в конечном счете, к тем программам, которые разрабатывались К.И. Арсеньевым, была ситуация с учреждением в 1843 г. Временного статистического комитета под председательством начальника канцелярии министерства М.И. Лекса.

В 1843 г. М.И. Лекс, временно управлявший Статистическим отделением в отсутствие К.И. Арсеньева, представил на рассмотрение министра Л.А. Перовского записку, в которой предложил коренным образом пересмотреть организацию и задачи деятельности Отделения. Содержание этого документа, местами напоминающего донос, ярко рисует логику бюрократического подхода к научным вопросам.

Главная претензия, обращенная в записке к руководителю статистической службы, заключалась в том, что под его руководством Отделение затрачивает силы на исследование вопросов, не имеющих отношения к "явлениям государственных сил". По убеждению М.И. Лекса, "ей (статистике. – А.М.) следует отбросить все данные, которые удовлетворяют одному бесплодному любопытству и отдаленным теоретическим видам (выделено мной. – А.М.), а следует ограничиться только теми,

которые имеют практическую важность в администрации”²⁰¹. Прописав цели и задачи статистики, автор записки предложил и средства, при помощи которых, по его разумению, их можно было достигнуть. И здесь ничего оригинального по сравнению с бюрократическим шаблоном предложено не было: “Статистические исследования и описания совершаются специальными чиновниками, назначенными для сего от МВД”²⁰².

По возвращении К.И. Арсеньева, ему было сообщено о том, что министр одобрил предложения своего начальника канцелярии о “статистическом описании Российской империи посредством постепенного описания губерний через особых чиновников”, для чего учрежден Временный статистический комитет под председательством М.И. Лекса²⁰³.

Деятельность комитета не принесла ощутимых результатов и заглохла сама собой. Однако формы вмешательства в работу ученого подразделения, уровень представлений, с позиций которых осуществлялась критика, достаточно убедительно показывают компетенцию значительного числа представителей николаевской бюрократии и характер их отношения к ведомственной науке в министерских стенах. Очевидное понимание необходимости развития государственной статистики сопрягалось с неумением и нежеланием выйти за узкие рамки привычных бюрократических способов деятельности. Убежденность во вселили чиновника, вооруженного приказом и инструкцией, оставила за бортом идеи К.И. Арсеньева о развитии сети корреспондентов в губерниях, расширении тематики работ административной статистики.

Вплоть до 30-х годов XIX в. проблемы аграрного сектора национальной экономики, повышения его эффективности путем внедрения новых способов земледелия, совершенствования сельскохозяйственной техники либо оставались делом частной инициативы, либо внедрялись казарменными методами, порождая “картофельные” бунты. Робкие спорадические попытки правительства сделать что-то для развития сельскохозяйственного образования и деятельность немногочисленных в тот период сельскохозяйственных обществ – вот, по существу, весь набор средств, направленных на решение важнейшей, после вопроса о крепостном праве, проблемы.

В 1833 г. президент Вольного экономического общества Н.С. Мордвинов обратился к Николаю I с запиской, в которой предложил реализовать с помощью ВЭО широкомасштабную программу по “усовершенствованию земледелия в России”²⁰⁴. Предложение Мордвинова было

передано Николаем I на рассмотрение в Комитет министров, который не нашел возможности “дать этим мыслям полное развитие обыкновенным порядком рассмотрения государственных дел”. В результате “для получения надежнейших соображений по вопросу” был создан Комитет об усовершенствовании земледелия в России²⁰⁵.

Вопреки первоначальному замыслу, комитет был составлен не из представителей агрономической науки, а из высших сановников. В его состав помимо Н.С. Мордвинова вошли Е.Ф. Канкрин, Д.Н. Блудов, братья Д.В. и И.В. Васильчиковы, а управление делами комитета было поручено А.М. Княжевичу – в то время начальнику канцелярии министерства финансов. История этого комитета подробно рассмотрена В.И. Вешняковым на основе архивов Министерства государственных имуществ²⁰⁶. Практических итогов деятельность этого комитета, как и многих других высших комитетов николаевского времени, не принесла. Тем не менее, разработанные и представленные в Государственный совет проекты развития сельскохозяйственного образования, издания “Земледельческой газеты” и ряд других начинаний, поставили на повестку дня вопрос о создании постоянного государственного подразделения, занимающегося проблемами и нуждами сельского хозяйства.

Высказанные Н.С. Мордвиновым предложения, выражавшие идеи русских ученых – представителей сельскохозяйственной науки, оказались созвучны иной социально-политической задаче николаевского правительства: поиску средств и способов экономической стабилизации дворянского хозяйства. Таким образом, комплекс вопросов, которыми должно будет заниматься сельскохозяйственное ведомство к середине 30-х годов XIX в. был определен.

При создании в 1837 г. Министерства государственных имуществ в его составе был образован III департамент (с 1845 г. – Департамент сельского хозяйства), в обязанности которого входил широкий комплекс вопросов по совершенствованию сельскохозяйственного образования, развитию агротехники, ирригации, мелиорации, кроме того, в ведении этого департамента находились также лесоводство, кадастр и сельскохозяйственная статистика²⁰⁷. Во главе вновь образованного подразделения был поставлен адъютант Петербургской академии, впоследствии академик, П.И. Кеппен.

В составе департамента был образован Ученый комитет “для рассмотрения всех тех дел, которые, заключая в себе новые предложения по государственным имуществам и сельскому хозяйству, требовали сведений специальных и соображений ученых”²⁰⁸. Комитет состоял из

шести штатных членов и разделялся на три отделения: сельского хозяйства, лесного хозяйства и кадастра. Таким образом, перераспределение дел между вновь образованным Министерством госимуществ и Министерством финансов привело и к изменению структуры вспомогательных ученых подразделений: Специальный ученый комитет по лесной части, существовавший с 1826 г. в финансовом ведомстве, слился с Ученым комитетом МГИ.

Наглядное представление о реальных масштабах деятельности III Департамента и его Ученого комитета в 1837-55 гг. дает структура расходования средств на учебные и научные цели. Так, на устройство и содержание учебных ферм, обучение молодых крестьян в земледельческих и ремесленных заведениях было затрачено 927,5 тыс. рублей, на проведение сельскохозяйственных выставок – 45,1 тыс. руб., на приобретение сельскохозяйственных моделей и семян – 54,8 тыс. руб. За указанный период общая сумма дохода министерства составила 31,2 млн. руб.²⁰⁹ Таким образом, несложный подсчет показывает, что затраты на интересующие нас цели, составляли лишь около 4,4% от доходов, полученных министерством от эксплуатации государственных имуществ.

Конечно, роль и значение деятельности данных подразделений нельзя свести только к ее денежному эквиваленту, тем не менее, приведенные выше цифры показывают ту долю доходов, которая “рефинансировалась” в повышение эффективности хозяйства на основе внедрения новых научных знаний.

Учреждение Министерства государственных имуществ и Ученого комитета в составе его III департамента в целом завершило процесс формирования Ученых комитетов – постоянных вспомогательных подразделений в составе центральных органов государственного управления, осуществляющих научное обеспечение их деятельности.

Постоянные вспомогательные научные подразделения – ученые комитеты и советы – были созданы к концу 40-х гг. XIX в. в пяти министерствах: внутренних дел, государственных имуществ, финансов, военном и морском. Наиболее разветвленной к концу века оказалась структура научных подразделений Военного министерства. Немногим уступали ему министерства внутренних дел, финансов и Морское министерство. Уже сам перечень воссоздает систему сложившихся приоритетов и те сферы, где нашло себе применение научное знание в достаточном объеме. Процесс возникновения этих подразделений продолжался на протяжении всей первой половины XIX столетия и завершился в общих чертах в начале 1840-х гг.

К концу первой половины XIX в. выявились и те объективные границы, за пределами которых сложившаяся система ученых подразделений уже не справлялась с задачами научного и технического обеспечения. В первую очередь, это касалось осуществления конкретных работ, направленных на внедрение технических новшеств, выполнение объемных исследований и т.п. Следствием становится появление в 40-х – начале 50-х гг. XIX в. значительного числа временных подразделений: так, в Морском министерстве возникают Комитет о подводных опытах (1839-1853 гг.), Пароходный комитет (1842-1856 гг.); в Военном – Комитет об улучшении штуцеров и ружей (1830-1860 гг.), Временный артиллерийский комитет (1859-1862 гг.) и т. д.

¹ СЗ. Изд. 1892 г. Т.I. Ч.II. Кн.V. Разд.XII. Ст.885.

² Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. С.67-68.

³ См.: Словарь Академии российской по азбучному порядку расположенный. Ч.III. СПб., 1814.

⁴ Само понятие “наука” трактовалось как: во-первых, “ясное знание правил о каком-либо предмете”, во-вторых, сочинение, текст, содержащий вышеозначенное, и, в-третьих, процесс обучения (см.: Словарь Академии российской... Ч.III).

⁵ См.: Словарь Академии российской... Ч.VI. СПб., 1822. Как известно, термин “ученый”, обозначающий профессионального научного работника, возникает лишь во второй половине XIX в. (см.: Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. С.36-41)

⁶ Ср.: “Ученое общество – общество ученых людей о распространении словесности или наук пекущихся” (Словарь Академии российской... Ч.VI.).

⁷ См.: Романовский С.И. История организации в России государственной геологической службы // Вопросы истории естествознания и техники. 1981. №3. С.121.

⁸ См.: Ерошкин Н.П. Ук.соч. С.164-165; Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С.174; Павлова Г.Е. Организация науки в России... С.105-106; Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. С.67-68 и др.

⁹ Юркевич А.В. Психологические основания науки нового времени // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 2. С.7.

¹⁰ Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий. Л., 1974. С.15-19.

¹¹ Там же.

¹² Старостин Б.А. Петербургская академия наук в поисках национальной самоидентификации // Российская академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С.274-275.

¹³ Там же. С.314; Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий. Л., 1974. С.226-229.

¹⁴ Более подробную аргументацию данного тезиса см.: Миронос А.А. Российская бюрократия и наука. С.9-11.

¹⁵ Павлова Г.Е. Академия наук и власть: первое столетие. Становление научного центра // Российская академия наук: 275 лет... С.49.

¹⁶ Министерство финансов. 1802-1902. Ч.1. СПб., 1902. С. 48-49.

¹⁷ См: Фирсов Н.Н. Александр Первый. Личная характеристика // Былое. 1922. № 23. С.13-14.

¹⁸ Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

¹⁹ ПСЗ-1. Т. XXVII. №20406.

²⁰ Одним из лучших образцов подобных документов является очерк медицинского управления в России, предпосланный закону о реорганизации медицинского управления и образовании Государственной медицинской управы, который был написан В.Н.Каразиным. (См.: ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21105).

²¹ Корнилов А.А. Курс русской истории XIX века. Ч. 1. М., 1918. С.119.

²² См.: Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах. М., 1972. С.332.

²³ Там же.

²⁴ Мироненко С.В. Ук.соч. С. 52,54.

²⁵ ПСЗ-1. Т. XXII. № 16188.

²⁶ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20406.

²⁷ Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961. С.120.

²⁸ Григорьев Р.Г. Каразин Василий Назарович // Отечественная история. Энциклопедия. Т.2. М., 1996. С.495.

²⁹ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20407.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. № 20597.

³² Там же.

³³ Там же. № 20863.

³⁴ Там же. №20597.

³⁵ Павлова Г.Е. Организация науки в России ... С.53.

³⁶ ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21498.

³⁷ Там же. № 21502.

³⁸ Там же. Т. XXX. № 23771.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20406.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. № 20852.

⁴⁴ См: Гозулов А.И. Очерки истории отечественной статистики. М., 1972. С. 54.

⁴⁵ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20582.

⁴⁶ Цит. по: Кауфман А.А. Статистическая наука в России: теория и методология. 1806-1917. Пг., 1922. С.47.

⁴⁷ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20852.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Сперанский М.М. Ук. соч. С.27.

⁵⁰ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21105.

⁵¹ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21105.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. Вряд ли можно согласиться с Г.Е.Павловой (См.: Павлова Г.Е. Организация науки ... С.107) в том, что таким образом был впервые предложен проект организации Российской Академии медицинских наук. Из контекста очевидно следует, что речь шла об организации Медицинского совета на принципах, принятых в научных сообществах.

⁵⁴ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21105.

⁵⁵ Там же. № 20506.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т.3. М., 1993. С.552.

⁵⁹ Министерство финансов. 1802-1902. Ч.1. С.155.

⁶⁰ Лоранский А.М. Краткий очерк административного учреждения Горного ведомства в России. 1700-1900. СПб., 1900. С. 63.

⁶¹ ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22208.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Научно-исторический сборник, изданный Горным институтом ко дню его столетнего юбилея. СПб., 1873. С. 34.

⁶⁵ ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21699.

⁶⁶ Там же. Т. XXVII. № 20859.

⁶⁷ Там же. Т. XXVIII. № 21699.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Журнал начал выходить с 1807 г. под названием: "Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским Департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности".

⁷⁰ ПСЗ-1. Т. XVIII. № 21699.

⁷¹ Там же.

⁷² См.: Павлова Г.Е. Декабрист Николай Бестужев – историк русского флота. М., 1953.

⁷³ ПСЗ-1. Т. XXXVIII. № 21699.

⁷⁴ Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом ... Ч.1. СПб., 1807. С.2.

⁷⁵ Керсновский А.А. История русской армии. Т.1. М., 1992. С.204.

⁷⁶ Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т.2. С.111.

⁷⁷ См.: Ратч В.Ф. Сведения о гр. А.А.Аракчееве // Военный сборник. 1863. № 5-12.; Хмыров М.Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 4; Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчеев // Вопросы истории. 1991. № 12. и др.

⁷⁸ См. также: Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 г. // Артиллерийский журнал. 1852. № 4-6; 1853. № 1. Нилус А.А. История материальной части артиллерии. СПб., 1904. Т.2. и др.

⁷⁹ Герасимова Ю.И. Архив А.А.Аракчеева // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1980. Вып.41. С.60-61.

⁸⁰ Цит. по: В.А.Федоров М.М.Сперанский и А.А.Аракчеев. М., 1997. С.96.

⁸¹ ПСЗ-1. Т.ХХХ. № 22708.

⁸² Там же. Т.ХХХ. № 24313.

⁸³ Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год // Артиллерийский журнал. 1853. № 1. С.200.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Богданов Л.П. Русская армия в конце XVIII – первой четверти XIX вв. (Организация, управление, комплектование, вооружение). Дисс. ... д.и.н. М., 1981. С.311-316.

⁸⁶ Там же. Т.ХХХ. № 23399. См. так же: О занятиях Артиллерийского комитета и инструкция о проведении экзаменов при производстве в артиллерийские офицеры // Артиллерийский журнал. 1808. № 6. С.94-95.

⁸⁷ Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С.209-211.

⁸⁸ См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы; Окунь С.Б. Очерки истории СССР конца XVIII – первой четверти XIX в. и др.

⁸⁹ ПСЗ-1. Т.ХХХ. № 24686.

⁹⁰ Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие ... С.186.

⁹¹ ПСЗ-1. Т.ХХХ. № 24686.

⁹² Там же. № 24307.

⁹³ ПСЗ-1. Т.ХХХ. № 24688.

⁹⁴ Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1913. С.8.

⁹⁵ Цит. по: Романовский С.И. История организации в России геологической службы // Вопросы истории естествознания и техники. 1981. №3. С.121.

⁹⁶ Павлова Г.Е. Организация науки ... С.44.

⁹⁷ Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. С.49.

⁹⁸ Вигель Ф.Ф. Записки. Ч.3. М., 1892. С.107.

⁹⁹ ПСЗ-1. Т.ХХХ. № 24680, 24687, 24688.

¹⁰⁰ Там же. № 24678. §31-34. См. также: Моисеев А.И. Медицинский совет Министерства внутренних дел. СПб., 1913. С.7.

¹⁰¹ ПСЗ-1. Т.ХХХ. № 24687. §31-34.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. № 24900.

¹⁰⁴ Там же. Т.ХХХ. № 27106.

¹⁰⁵ ПСЗ-1. Т.ХХХ. № 27106.

¹⁰⁶ Георгиевский А.И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. №10. С.26.

¹⁰⁷ Цит. по: Георгиевский А.И. Ук.соч. С.29.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ В числе профессоров, подвергшихся гонениям, оказались К.Ф.Герман и К.И.Арсеньев – организаторы отечественной административной статистики. См.: Рождественский С.В. Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета 19 февраля 1819 г. и его ближайшая судьба. Пг., 1919. С.10.

¹¹⁰ Рождественский С.В. Ук.соч. С.30.

¹¹¹ Рождественский С.В. Ук.соч. С.30.

¹¹² ПСЗ-1. Т.ХХХ. № 24971.

¹¹³ Савельев А. Исторический очерк инженерного управления в России за время царствования имп. Николая I. С.245.

¹¹⁴ Положение о военно-ученом комитете. СПб., 1836. С.2-4.

¹¹⁵ ПСЗ-2. Т.ХЛIII. Приложение к № 27715.

¹¹⁶ Белогуров С.Б. История военной периодической печати в России (XIX – начало XX в.). Дисс. ... д.и.н. М., 1997. С.108.

¹¹⁷ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 1-17. СПб., 1848-1854.

¹¹⁸ ПСЗ-1. Т.ХХХ. № 24971.

¹¹⁹ Там же. Т.ХЛIII. Приложение к № 24744.

¹²⁰ Постников А.В. Ф.Ф.Шуберт // Творцы отечественной науки. М., 1996.

¹²¹ ПСЗ-1. Т.ХЛIII. Приложение к № 24744.

¹²² ПСЗ-2. Т.ХЛIII. Приложение к № 27715.

¹²³ Статистический журнал. Т.1. Ч.1. СПб., 1806. С.16.

¹²⁴ Цит. по: Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1913. С.2.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. С.3.

¹²⁷ Полшко Б.Г. Социально-экономическая статистика дореформенной России. Автореф. дисс. ... д.э.н. Л. 1963. С.10.

¹²⁸ ПСЗ-1. Т.ХХХ. № 24688. § 148.

¹²⁹ Там же. § 149-151.

¹³⁰ СЗ. Т.1. Ч.II. Разд. V. § 586.

¹³¹ Там же. § 588.

- ¹³² См., например: Хартанович М.Ф. Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб., 1999.
- ¹³³ Мироненко С.В. Николай I // Российские самодержцы. М., 1994. С.97.
- ¹³⁴ Лебедев Н.А. Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ, послуживших к образованию русского народа. СПб. 1874. С.160-161.
- ¹³⁵ См.: Хартанович М.Ф. Ук.соч. С.14-29.
- ¹³⁶ См., например: Корф М.А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Рождение и первые двадцать лет жизни (1796-1817) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.98. СПб., 1896. С.26.
- ¹³⁷ Цит. по: Белогуров С.Б. История военной периодической печати в России (XIX – начало XX в.). Дисс. ... д.и.н. М., 1997. С.105.
- ¹³⁸ Хартанович М.Ф. Ук.соч. С.19.
- ¹³⁹ Мироненко С.В. Николай I // Российские самодержцы. М., 1994. С.98-100.
- ¹⁴⁰ Савельев А. Исторический очерк инженерного управления в России. С.17.
- ¹⁴¹ ПСЗ-1. Т.XXXVI. № 27998.
- ¹⁴² Савельев А. Ук.соч. С.222.
- ¹⁴³ Предписание директора Инженерного департамента № 2116. 24.04.1826 г. // Савельев А. Ук. соч. Приложение. С.178.
- ¹⁴⁴ См.: Положение о Военно-ученом комитете. СПб., 1836.. С.2.
- ¹⁴⁵ Там же. § 60. С.26.
- ¹⁴⁶ Мазинг Ю.Г. К.А.Шильдер. М., 1989. С.55.
- ¹⁴⁷ Савельев А. Ук.соч. С.120-121.
- ¹⁴⁸ Мазинг Ю.Г. Ук.соч. С.84-86.
- ¹⁴⁹ СВП изд. 1859 г. Разд. III. Гл. 5; ПСЗ-2. Т. XXXV. № 35816.
- ¹⁵⁰ Мазинг Ю.Г. Ук.соч. С.101.
- ¹⁵¹ Там же. С.83.
- ¹⁵² Там же. С.90.
- ¹⁵³ Цит. по: Мазинг Ю.Г. Ук.соч. С.103.
- ¹⁵⁴ Там же. С.97.
- ¹⁵⁵ Яроцкий А.В. П.Л.Шиллинг. М., 1963. С.96,100.
- ¹⁵⁶ Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. С.369.
- ¹⁵⁷ Яроцкий А.В. Ук.соч. С.97.
- ¹⁵⁸ Там же. С.123.
- ¹⁵⁹ Там же. С.125.
- ¹⁶⁰ Савельев А. Ук.соч. С.176.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² Татаринов М.П. А.А.Саблуков. М., 1952; Мазинг Г.Ю. К.А.Шильдер; Яроцкий А.В. П.Л.Шиллинг; Радовский М.И. Б.С.Якоби. М.-Л., 1949.
- ¹⁶³ Корф М.А. Ук.соч. С.30.

- ¹⁶⁴ Из дневника и записной книжки гр. П.Х.Граббе // Русский архив. 1889. Кн. III. №.10. С.707.
- ¹⁶⁵ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995. С.153.
- ¹⁶⁶ Чичерин Б.Н. Москва сороковых годов // Русское общество 40-50-х годов XIX в. Ч.2. Воспоминания Б.Н.Чичерина. М., 1991. С.25-26.
- ¹⁶⁷ РГИА, ф.398, оп.13, д.4473, л.9-10.
- ¹⁶⁸ ПСЗ-1. Т.XXXI. № 24688.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ Канкрин Франц Людвиг // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т.5. С.545-546.
- ¹⁷¹ См.: Божерянов И.Н. Граф Канкрин. Литературные труды и 20-летняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897.
- ¹⁷² ПСЗ-1. Т.XL. № 30423.
- ¹⁷³ ПСЗ-2. Т.IX. № 6747.
- ¹⁷⁴ Лоранский А.М. Ук.соч. С.68.
- ¹⁷⁵ ПСЗ-1. Т.XL. № 30423.
- ¹⁷⁶ Г.Е. Павлова относит Мануфактурный совет к числу ученых комитетов и советов (Павлова Г.Е. Организация науки... С.114). По нашему мнению, справедливо говорить лишь о придании этому совету некоторых функций, свойственных ученым подразделениям, но основные его задачи были иными.
- ¹⁷⁷ Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20 – 50-е годы 19 в.). М., 1968. С.235.
- ¹⁷⁸ ГАНО, ф.1398, оп.1.
- ¹⁷⁹ Новиков И.А. История формирования и развития управления горнозаводской промышленностью Урала в XVIII – первой половине XIX вв. Дисс. ... к.и.н. Челябинск, 1999. С.188.
- ¹⁸⁰ Россия: Энциклопедический словарь. С.252.
- ¹⁸¹ Празднование столетия Лесного департамента. СПб, 1898. С.11.
- ¹⁸² Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Т.III. Отд.II. С.23.
- ¹⁸³ ПСЗ-2. Т.I. № 415.
- ¹⁸⁴ Лебедев Н.А. Ук.соч. С.134-135.
- ¹⁸⁵ РГИА, ф.398, оп.6, д.1586, л.10об.
- ¹⁸⁶ Там же. Л.11.
- ¹⁸⁷ Моисеев А.И. Медицинский совет Министерства внутренних дел. С.10-11.
- ¹⁸⁸ ПСЗ-2. Т.III. № 2073.
- ¹⁸⁹ Моисеев А.И. Ук.соч. С.14.
- ¹⁹⁰ ПСЗ-2. Т.XI. № 9319.
- ¹⁹¹ ПСЗ-2. Т.XVII. № 15202.
- ¹⁹² Там же.
- ¹⁹³ Там же.

- ¹⁹⁴ Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. СПб., 1862. Ч.2. Кн.2. С.332-336.
- ¹⁹⁵ ПСЗ-2. Т.IX. №.7684.
- ¹⁹⁶ Там же.
- ¹⁹⁷ Там же.
- ¹⁹⁸ РГИА, ф.1290, оп.1, д.104, л.10,11,29 об.
- ¹⁹⁹ РГИА, ф.1290, оп.1, д.310, л.64,64 об.
- ²⁰⁰ Дополнение к ПСЗ-2.Ч.1. №.9103а.
- ²⁰¹ РГИА, ф.1290, оп.1, д.141, л.2-3.
- ²⁰² Там же. Л.5.
- ²⁰³ Там же. Л.1-1об.
- ²⁰⁴ ПСЗ-2. Т.VIII. № 6567.
- ²⁰⁵ Там же.
- ²⁰⁶ Вешняков В.И. Высочайше утвержденный комитет об усовершенствовании земледелия в России // Исторические материалы, извлеченные из архива Министерства государственных имуществ. Вып.1. СПб., 1891.
- ²⁰⁷ ПСЗ-2. Т.XII. №.10834.
- ²⁰⁸ Там же.
- ²⁰⁹ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч.1. СПб., 1887. С.72.

ГЛАВА 2 УЧЕНЫЕ КОМИТЕТЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Изо всех общественных институтов в годы реформ 1860-70-х гг. в наименьшей степени оказалось затронутым преобразованиями центрального имперского управления. Не только основы государственно-политического устройства – абсолютная монархия, но и система государственного управления претерпевала изменения лишь в своих второстепенных звеньях. Как справедливо отметил Н.П. Ерошкин, “В России сохранились основные высшие, центральные и даже местные учреждения”. Сохранились и “общие принципы организации, структуры и деятельности пореформенных министерств”¹.

Конечно, кардинальные изменения, начиная с крестьянской реформы, ставили новые задачи перед существующими органами министерского руководства, вызывали к жизни новые управленческие структуры. Однако сам дух и ритм бюрократической машины менялись крайне медленно. И если реформы ведомственных структур становились необходимыми условиями конкретных государственных преобразований, то по отношению к экономике, научно-техническому развитию соответствующие изменения в аппарате ведомств осуществлялись зачастую “post factum”. Правительственный аппарат шел путем крайне осторожной, поэтапной эволюции, не поспевая, как следствие, за все ускоряющимся темпом новой пореформенной жизни.

Между тем, социально-экономическое, техническое, научное развитие не только страны, но и мира в целом шло все ускоряющимися темпами. Промышленная революция, совпавшая по времени с эпохой реформ 1860–70-х гг.², наложила свой отпечаток на все происходившие процессы, в том числе и в сферах, являвшихся либо исключительно, либо по преимуществу сферами государственной заботы: армия, флот, транспорт, отрасли промышленности, тесно связанные с казной и государственным заказом и т.п.

Во второй половине XIX в. требования правительственного аппарата по отношению к науке в целом, и к ведомственным структурам, осуще-

ствлявшим научное обслуживание, тем более, существенно менялись. Интерес власти к научным разработкам переставал носить абстрактно-отвлеченный характер. Вполне конкретные проблемы, число которых постоянно множилось, заставляли руководство министерств и ведомств расширять спектр задач, стоящих перед вспомогательными "учеными" подразделениями. Отмеченный выше крайне медленный темп развития центральных органов государственного управления заставлял, по сути, "вливать новое вино в старые меха", используя в изменившихся условиях предписанные министерскими нормативными актами формы и организационные структуры.

Таким образом, новый, четко определяемый по внутреннему содержанию этап развития министерских вспомогательных научных структур проходил, по преимуществу, в прежних организационных рамках. Основной и ведущей организационной формой ведомственных "ученых" подразделений продолжал оставаться ученый (технический) комитет. Тем не менее, внешне сохранявшаяся стабильность отнюдь не означала отсутствия развития как такового.

Развитие научно-вспомогательных подразделений министерств определялось не только внутренними процессами, происходившими в системе центрального государственного управления, с одной стороны, и комплексом научных и технологических новаций – с другой. Логика процесса определялась как общим увеличением объема научных работ, проводившихся в интересах ведомств, усложнением научного обеспечения их деятельности, так и расширением сети национальных научных учреждений, которые наряду с учеными комитетами также решали исследовательские, научно-информационные и другие прикладные задачи.

Во второй половине XIX в. эта группа факторов начинает действовать с большей отчетливостью, причем в тесной связи с социальными и общественно-политическими процессами, происходившими в пореформенное время.

Свое влияние оказывал численный рост научных кадров, становившихся заметной группой в общем составе интеллигенции. По подсчетам В.Р. Лейкиной-Свирской рост происходил в основном за счет увеличения численности преподавателей и сотрудников высшей школы. Действительно, за период 60-70 гг. эта группа научных работников увеличилась более чем вдвое³. Многие из представителей вузовской профессуры совмещали преподавание с научной деятельностью. Вузовский корпус науки во второй половине XIX столетия был способен решать

сложные научные задачи, кроме того, он являлся постоянным резервом для пополнения немногих собственно научных должностей.

Значимым обстоятельством становилось развитие науки как социального института, сопровождавшееся ростом и усложнением ее структуры, форм организации. Если в первую половину столетия спектр научных подразделений, способных реально решать прикладные научные задачи исчерпывался Академией наук, Вольным экономическим обществом, немногими университетскими структурами и образовавшимся в самом конце вышеупомянутого периода Русским географическим обществом, то во второй половине XIX в. картина качественно меняется. Идет процесс создания новых научных сообществ и укрупнения существующих, возникают новые формы организации науки.

Существенным фактором, влияние которого начинает ощущаться со все возрастающей силой с 70-х годов XIX в., было появление в лице земских организаций нового заказчика научно-прикладных исследований в самых разнообразных сферах, до той поры находившихся под исключительной опекой государства и в меньшей степени – научных обществ. Такими сферами являлись статистические⁴, почвенные исследования⁵, опытное сельскохозяйственное дело⁶ и др. В лице земства научно-прикладные исследования получали зачастую гораздо более богатого заказчика, нежели государство.

Реформы 60-70-х годов XIX в. разбудили и воодушевили русское общество. Пришедший на смену политической реакции конца николаевского царствования период относительных свобод, выразившихся в смягчении цензурных ограничений, возврате к принципам и уставам высшей школы эпохи Александра I, вызвал в среде либерально настроенной части русского общества гражданский подъем, стремление сотрудничать с властью и помогать ей в деле реформ. К этим слоям русского общества, без сомнения, принадлежала значительная часть ученых, работников высшей школы. Научная общественность видела свое главное предназначение в обращении знаний, достижений науки на благо народа и государства. Эталоном нравственной позиции становится, используя формулировку П.П. Семенова-Тян-Шанского, "интеллигентный человек, когда он, стряхнув с себя прозу обыденной жизни, с самоотвержением действует на пользу человечества, науки или ближнего"⁷. Наиболее явным и очевидным выражением этих устремлений в научной среде был бурный рост научных обществ во второй половине XIX в. Проявились отмеченные тенденции и в развитии ученых комитетов.

Хорошо заметной чертой, характеризующей работу ученых в структурах государственного управления во второй половине столетия, становится их стремление более активно влиять на выработку программ их деятельности, развитие структуры научных подразделений, выявление новых сфер приложения научного знания и т.п.

Все эти процессы были тесно переплетены между собой и оказывали мощное интегрированное воздействие на развитие ученых подразделений министерств и ведомств.

Следует отметить, предвзято последующее изложение, что в налаживании действенного сотрудничества власти и науки, в лице ее профессиональных представителей, пореформенный период оказался сколь ответственным по задачам, столь и мало результативным по итогам. Чувство горечи и разочарования, постоянно возникавшее от столкновения с бюрократической рутинной, немало способствовало формированию стойкого стереотипа взаимного отторжения интеллигенции и власти.

Тем не менее, вторая половина XIX в., как этап в развитии вспомогательных ведомственных научных учреждений, оказалась динамичным и, в целом, плодотворным периодом. В его рамках ученые комитеты в полном объеме реализуют свой потенциал, и вызревают условия для появления в конце 80-х и в 90-е годы вспомогательных научных структур нового типа.

Основные пути эволюции ученых подразделений министерств во второй половине XIX в. могут быть сведены к нескольким главным направлениям:

– Специализация в деятельности подразделений, дальнейшее увеличение их численности за счет раздробления функций между несколькими новыми структурами.

– Рост материально-технического обеспечения прикладной науки, качественное увеличение экспериментальной базы ведомственных “ученых” подразделений.

– Повышение координирующих функций министерских научных подразделений посредством создания и расширения собственных ведомственных структур на местах. Привлечение сил научных обществ, высшей школы для решения ведомственных задач.

– Усиление тенденций к межведомственному взаимодействию в осуществлении вспомогательных научных работ.

– Повышение роли временных научных структур: комиссий, экспедиций. В том числе, расширение участия представителей “ученых” под-

разделений в деятельности государственных комитетов и комиссий по самому широкому кругу вопросов государственного управления.

– Все отмеченные выше тенденции проявились вполне отчетливо уже в начале обозначенного периода.

2.1. Реформы ученых подразделений Военного министерства

Первым из ведомств, кардинально реорганизовавших структуру своих ученых подразделений было ведомство военное. Поражение в Крымской войне наглядно показало и противникам России и русскому обществу отсталость армии как с точки зрения организации и управления, так и в техническом отношении. После бесславного завершения кампании вопрос о необходимости серьезных реформ в военной сфере не являлся дискуссионным. Предметом выбора являлись лишь конкретные направления и средства для реорганизации вооруженных сил. Реформы военного ведомства были осуществлены одним из наиболее ярких представителей высшей бюрократии эпохи Александра II – Д.А. Милютиним.

Дмитрий Алексеевич Милютин, возглавивший Военное министерство в 1861 г., пожалуй, больше, чем кто-либо другой из представителей либеральной бюрократии, пришедших к власти на волне преобразований 60-х годов, отдавал себе отчет в значении и возможностях науки в деле управления, в первую очередь, военного. Милютин получил образование в Московском университете и в Императорской военной академии, и, имея опыт боевых действий на Кавказе, с 1845 г. надолго связал свою жизнь с военной наукой. Он плодотворно работал, будучи профессором Военной академии, и стал основателем нового направления военной науки – военной статистики. В 1846 г. в свет вышло его наиболее заметное в этой области теоретическое исследование: “Критическое исследование значения военной географии и статистики”⁸. Его историческая работа об итальянском походе Суворова была отмечена полной Демидовской премией Императорской академии наук и избранием автора в состав ее членов-корреспондентов⁹.

В годы интенсивной академической деятельности Д.А. Милютин активно разрабатывал именно прикладные аспекты научного знания. Касаясь задач статистики и ее положения в системе смежных дисциплин, он отмечал, что статистика “не спускается на степень простого описания данных или явлений, ибо она должна исследовать их аналитически,

с определенной целью (курсив автора. — А.М.), с другой стороны, она не переходит в разряд наук теоретических, предоставляя другим отраслям политических наук выводить общие законы”¹⁰. Вместе с другими прогрессивно мыслящими учеными, деятелями государственного управления, он вошел в число членов-учредителей Русского географического общества.

Изначальная установка Д.А. Милютин на широкое использование науки, ее прикладных возможностей, в правильности чего он был убежден, разделявшаяся сотрудниками, которых он привлек в министерство, конечно, повлияла на характер преобразований военного управления. Любопытно, что в обширной историографии, посвященной Д.А. Милютину и его военным реформам (с почти единогласной положительной оценкой осуществленных преобразований) одно из немногих критических суждений связано именно с “академизмом” реформатора. А.А. Керсновский отмечал, что ряд негативных факторов в последующем развитии русской армии косвенно был связан с тем, что “военно-научные” подходы в деятельности Милютин перевешивали “военно-административные”, что он не понял дух армии и т.п.¹¹

К середине 50-х годов Военно-ученый комитет в том виде, в каком он был организован по “Положению” 1836 г., уже не удовлетворял требованиям времени, объективным запросам армии в адаптации новейших достижений науки и техники к военному делу. Неспособность комитета решать конкретные научные и технические задачи вела к тому, что образовывались временные структуры по отдельным узким направлениям: “Комитет об улучшении штуцеров и ружей”, “Временный артиллерийский комитет”.

Определенные попытки частичной реорганизации Военно-ученого комитета делались и в период руководства Военным министерством Н.О. Сухозанета (1856–61 гг.). Так, в 1856 г. штат комитета был расширен, а в следующем, 1857 г., в состав инженерного и артиллерийского отделений комитета вошли преподаватели Михайловского артиллерийского и Николаевского инженерного училищ¹². Наконец, в 1859 г. Военно-ученый комитет был кардинально преобразован, в результате чего как единое структурное подразделение министерства он, фактически, перестал существовать, а его отделения обрели самостоятельность, смыкаясь с профильным войсковым управлением¹³. Даже эти отрывочные, проведенные без единой системы мероприятия показывали объективное, наиболее очевидное направление развития вспомогательных

ученых подразделений в структуре данного министерства: специализация деятельности и профессионализация состава.

Новый шаг на пути реорганизации ученых подразделений Военного министерства был сделан в ходе выделения в 1862 г. в его структуре главных управлений. Создаются Артиллерийский комитет и Технический комитет при Главных управлениях — Артиллерийском и Инженерном¹⁴. К 1869 г., когда преобразование военного управления было завершено и оформлено изданием нового свода военных постановлений (1869 г.), в структуре Военного министерства было образовано в общей сложности шесть комитетов научного и технического направления. К уже названным следует добавить Военно-медицинский комитет, существовавший с 1836 г. и также получивший новое “Положение” (1867 г.) о своей деятельности. Возникли и два новых подразделения, не имевших прямых аналогов в дореформенное время: технический комитет при Главном интендантском управлении (1864 г.) и Педагогический комитет при Главном управлении Военно-учебных заведений (1863 г.)¹⁵. Наконец, в 1863 г. в составе Главного управления генштаба был воссоздан Военно-ученый комитет, первоначально (1863–67 гг.) под названием Совещательного комитета, который занимался вопросами военной истории, статистики, топографии и тактики.

Предваряя характеристику отдельных ученых подразделений военного ведомства и рассмотрение их дальнейшего развития, следует выделить те черты, которые позволяют в обобщенной форме определить главное направление их реформирования в соответствии с “Положениями” 1869 г.

Во-первых, — и это касалось всей системы министерского управления в целом — повысилась роль коллегиального, совещательного начала в управлении. В рамках министерства данная тенденция отразилась в увеличении числа координационных совещательных органов: только при Военном совете их было создано пять по отраслевому признаку¹⁶. В деятельности профильных ученых комитетов Главных управлений это проявилось в расширении и, до известной степени, “демократизации” членства в этих органах. Все комитеты получают право приглашать на свои заседания лиц, “обладающих специальными познаниями”. Кроме того, в составе комитетов, наряду с постоянными (непременными) членами, выделяется категория членов совещательных, причем их число “Положениями” в ряде случаев (Военно-медицинский ученый комитет, Технический комитет Интендантского главного управления) не ограничивалось¹⁷. В Артиллерийском комитете вопрос расширения круга лиц,

привлекаемых к обсуждению научных и технических задач, был решен путем введения категории членов-корреспондентов комитета, в число которых могли избираться "любые лица"¹⁸.

Вторым заметным отличием пореформенного устройства ученых и технических комитетов Военного министерства было стремление профессионализировать состав их членов. При сохранении заметной прослойки высшего военного руководства Главных управлений, из числа которых назначались руководители комитетов (либо начальник Управления, либо его "товарищ") и неперменные члены (помощники начальника Управления, генералы для поручений и т.п.), основной состав комитетов комплектовался лицами, "специально знающими техническую часть и известными своими научными трудами"¹⁹. Как правило, в состав комитетов в звании совещательных членов входили профессора и начальники классов профильных военно-учебных заведений.

Весьма показательным был пункт инструкции о порядке комплекта-ции состава "Общего присутствия по искусственной части" Инженерно-го департамента, введенный в 1861 г. и полностью повторенный в "Положении" о Техническом комитете Главного инженерного управления. Согласно ему, инженер-механик, входивший в состав подразделения в звании постоянного члена, мог быть назначаем "не только из военных или гражданских чинов, но и из лиц, не имеющих классного звания". В этом случае его денежное содержание составляло не 2802 руб. в год (жалование по этой должности генерал-майора), а "всего лишь" 2521 руб. 80 коп.²⁰ Очевидно, что в новой ситуации, когда техническое развитие шло ускоренными темпами, главным критерием подбора специалистов был профессионализм, ради которого могли быть изменены, казалось бы, нерушимые корпоративные законы военной касты.

В-третьих, новые "Положения" об ученых подразделениях военного ведомства в большинстве случаев не ограничивались постановкой перед комитетами пассивных задач "по рассмотрению проектов и изобретений", как это было в первую половину XIX в., а определяли ведущую роль комитетов в научном и техническом обеспечении соответствующего рода вооруженных сил. Так, на Артиллерийский комитет возлагалось "обсуждение вопросов, касающихся теории, техники и практики артиллерийского и ручного оружия и *руководство исследованиями и опытами по всем сим предметам*" (курсив автора. — А.М.)²¹. Технический комитет при Главном интендантском управлении должен был наблюдать "за производимыми в войсках и учреждениях Военного министерства ис-

пытаниями вновь проектируемых предметов, как по вещевой части, так и по продовольствию"²².

Наконец, четвертой отличительной чертой, также проявившейся в устройстве большинства комитетов в период, последовавший за реформами Военного министерства 60-х годов XIX в., было качественное усиление их научно-вспомогательного оснащения, более четкая проработка системы мер, при помощи которых новые задачи комитетов должны были выполнены. Комплекс средств, создававших базу для реального осуществления в рамках комитетов исследовательских, опытных и т.п. работ, был достаточно разнообразен и продолжал укрепляться на протяжении всего пореформенного периода.

Следует указать на два наиболее существенных обстоятельства, обусловивших возможность столь существенного изменения роли и места ученых установлений в системе центрального военного управления, а затем, как мы увидим, проявившихся в эволюции ученых подразделений и других министерств.

Во-первых, в качестве важного стимула, обеспечившего комплекс субъективных предпосылок реформ военно-ученых учреждений, выступило отчетливое понимание высшим руководством ведомства и страны необходимости ускоренного, на том этапе догоняющего (по отношению к странам Европы) технического развития приоритетных отраслей, связанных с перевооружением армии и флота.

Во-вторых, накопленный наукой потенциал, объективно достигнутый уровень взаимодействия научного знания и техники делали соединение теоретических исследований с практикой технических инноваций гораздо более продуктивным. В деятельности ученых министерских подразделений начиная с 60-х гг. XIX в. становится все более заметным переход от сугубо опытных работ к исследованиям, в основу которых положены теоретические данные, служащие фундаментом конкретных прикладных разработок. Более того, запросы развития техники и технологии диктовали и развитие соответствующих отраслей знания.

Наиболее отчетливо эти процессы выявились в ходе совершенствования артиллерийских систем и стрелкового оружия. Потребности перевооружения армии обусловили интенсивное развитие теоретической базы металловедения и технологии металлургического производства в трудах П.М. Обухова, Д.К. Чернова, А.С. Лаврова, Н.В. Калакуцкого, А.А. Ржешотарского и других специалистов²³, теоретических основ внутренней и внешней баллистики в исследованиях А.В. Гадолина, Н.В. Маиевского, Н.А. Забудского²⁴. Эти объективные тенденции вели к

более тесному и плодотворному взаимодействию ученых министерских подразделений со специалистами, ведущими теоретические исследования.

Артиллерийский комитет, созданный в системе Главного артиллерийского управления, во второй половине XIX века представлял собой в структурном плане сложный научно-исследовательский и испытательный комплекс, состоявший из восьми отделов. В их числе: по разработке и рассмотрению проектов конструкций орудий и снарядов; по разработке конструкций лафетов, установок, повозок и т.п.; по изготовлению материальной части артиллерии; по ручному огнестрельному и холодному оружию, по применению к артиллерии механики и электротехники; по пороховой, лабораторной, трубочной и ракетной частям. Эта группа отделов специализировалась в вопросах материальной части артиллерии и оружия вообще. Другая группа отделов разрабатывала вопросы организации войск и артиллерийской тактики: по употреблению артиллерии в бою, по практическим занятиям и артиллерийскому образованию; по организации и вооружению артиллерии²⁵.

Конкретная разработка вопросов осуществлялась под руководством постоянных членов инспекторами технических артиллерийских заведений и крепостной артиллерии с привлечением широкого круга специалистов. В "Положении" об артиллерийском комитете было определено, что его опытной базой являются главный артиллерийский полигон, офицерская стрелковая школа, опыты могли также проводиться на войсковых полигонах, пороховых заводах и т.д.²⁶

В состав комитета военным руководством привлекались как профессиональные исследователи, трудившиеся в военном и гражданских ведомствах, так и специалисты-практики. Так, в 1869 г. на должность правителя дел II отдела (отдел по разработке артиллерийских орудий и снарядов) был назначен капитан Н.В. Калакуцкий, работавший ранее приемщиком орудий на Княземихайловской фабрике²⁷. В последующие годы деятельность Н.В. Калакуцкого протекала в тесном контакте с ученым подразделением артиллерийского ведомства и промышленными предприятиями, в первую очередь, с Обуховским заводом, где в сотрудничестве с Д.К. Черновым были выполнены важнейшие работы, направленные на "установление последовательной связи между способами производства, свойствами металла и поведением стальных орудий на службе"²⁸.

Важным шагом в объединении усилий специалистов, работающих в области артиллерийской техники, явилось включение в состав Артилле-

рийского комитета преподавателей Михайловской артиллерийской академии²⁹. С начала 60-х гг. XIX в. развитие новейших видов вооружения, способов его изготовления и применения на поле боя велось в тесном контакте с преподавателями Академии. Таким образом, результаты исследований находили непосредственное отражение в учебном процессе этого учебного заведения.

Крупнейшими специалистами в области баллистики, теоретические работы которых о вращательном движении продолговатых снарядов обеспечили внедрение нарезных артиллерийских систем, были Н.В. Маиевский и Н.А. Забудский. Н.В. Маиевский в 1850 г. становится секретарем Артиллерийского отделения Военно-ученого комитета, а с 1858 г. – вошел в его состав в качестве действительного члена, заняв в этом же году должность профессора Михайловской академии³⁰. Основные положения разработанной им теории были обобщены в "Курсе внешней баллистики" (СПб., 1870) – труде, ставшем классическим в системе военного образования³¹. Его ученик – Н.А. Забудский, ставший после окончания Михайловской артиллерийской академии ее преподавателем (1880), с 1879 г. активно работал в составе Артиллерийского комитета, разработал методику расчета устойчивости вращающихся снарядов. Его труды: "Внешняя баллистика" и "Теория вероятностей и ее применение к стрельбе и пристрелке", где были обобщены результаты исследований, широко использовались в системе высшего военного образования³².

История совершенствования русской артиллерии и ручного огнестрельного оружия обстоятельно изложена в обширной библиографии по данному вопросу³³. В результате работ талантливых ученых и конструкторов на протяжении 60-70-х гг. XIX в. русская армия и флот достаточно быстро прошли путь совершенствования вооружения и технического оснащения артиллерии, включавший два этапа: переход на нарезное оружие, а во второй половине 60-х – в 70-е годы – на нарезное казенно-зарядное оружие³⁴. Россия к 1870 гг. обогнала наиболее развитые в техническом отношении страны, освоив производство стальных орудий и такие прогрессивные технологии повышения их прочности и срока службы, как скрепление орудийных стволов кольцами и лейнерование³⁵. Внедренные технические новшества позволили существенно (почти в половину) увеличить начальную скорость снаряда, найти способы гашения энергии отката орудия, что более чем в два раза повысило дальность стрельбы, более чем в пять раз – точность, увеличило скорострельность и т.д.

Сходным образом проходило развитие вспомогательных ученых подразделений и в военно-инженерном ведомстве. Реальные исследовательские возможности комитета были обеспечены значительным увеличением его штата, причем, как постоянных сотрудников, так и привлекаемых на временной основе. Для разработки конкретных вопросов и предложений к каждому из действительных членов комитета прикомандировывались инженеры из числа офицеров, от 15 до 25 человек³⁶, а в помощь архитектору – члену комитета – архитекторы, состоящие при Главном управлении³⁷. Таким образом, реальные средства, которые могли быть мобилизованы для решения конкретных задач, значительно превышали штатное расписание самого комитета.

В составе канцелярии Инженерного комитета в соответствии с “Положением” 1862 г. было образовано так называемое “Искусственное отделение”. Именно ему и перепоручалась значительная часть текущих обязанностей комитета: сбор научно-технической информации, касающейся инженерного обеспечения войск, в том числе, и за границей с помощью российских военных агентов и лиц, “командируемых с учеными целями” – т.е. техническая разведка, комплектация библиотеки, переписка “по ученой части” и ряд других задач “по исполнению решений Технического комитета”³⁸. Во главе Отделения стоял начальник (с 1867 г. – делопроизводитель) в звании до генерал-майора со штатом помощников из 4 штаб-офицеров. Первым начальником Искусственного отделения стал капитан Э.И. Эвертц – участник Севастопольской обороны, способный военный инженер и военный журналист по призванию, много времени отдававший пропаганде передового инженерного опыта на страницах “Инженерного журнала”³⁹. Показательно, что перейдя в ученое подразделение Инженерного управления после работы в Главном обществе российских железных дорог, он потерял в жаловании ради возможности ученой службы⁴⁰.

Наиболее наукоемким и одновременно перспективным направлением в развитии военно-инженерной техники была электротехника, находившая применение в различных областях военного дела от связи до минного дела. С 30-х гг. XIX в. обучение электротехнике применительно к военному делу и испытание новых технических средств осуществлялось в рамках инженерного ведомства. В 1891 г. имевшиеся в составе военно-инженерного ведомства подразделения: Техническое гальваническое заведение, состоявшие при нем электротехническая рота и офицерский электротехнический класс, а также созданная в 1885 г. воздухоплавательная команда (с 1890 г. – Учебный воздухоплавательный

парк), были объединены в составе Электротехнической части Инженерного корпуса. Задачей Электротехнической части являлось “изучение и применение к военным надобностям открытий и изобретений по электротехнике вообще и, в частности, по минному, телеграфному делу, электрическому освещению, фотографии, взрывчатым составам, воздухоплаванию и военно-голубиной почте”⁴¹.

Образованное подразделение вобрало в себя на постоянной основе и временные комиссии, создававшиеся в 70-80 гг. XIX в. для разработки отдельных проблем из числа названных выше. В частности, в круг ведения Электротехнической части вошли вопросы, изучавшиеся с 1884 г. “Комиссией по применению воздухоплавания, голубиной почты и сторожевых вышек к военным целям”.

Во главе вновь созданного подразделения был поставлен известный военный инженер и ученый, один из лучших в русской армии во второй половине XIX в. специалистов по минному делу, генерал-лейтенант М.М. Боресков. Под его руководством разрабатывались вопросы не только сугубо военные, но и имевшие приложение в гражданской сфере, в том числе, применение взрывных работ для углубления русла рек. Вклад М.М. Борескова в разработку научной теории взрывных работ был отмечен избранием его почетным членом Русского технического, Электротехнического и Русского физико-химического обществ⁴². При Электротехнической части был создан Комитет, в задачи которого входило рассмотрение изобретений и усовершенствований по вопросам, находящимся в сфере компетенции подразделения, “обсуждение предложений, поступающих от частных лиц и ученых обществ”, испытание новых приборов и приспособлений и т.п.⁴³ В состав постоянных членов комитета включался один из членов Инженерного комитета (заведующий Электротехнической частью, в свою очередь, был совещательным членом Инженерного комитета), а в число совещательных членов – представители от инженерных войск, артиллерии и Генштаба⁴⁴.

Таким образом, на примере развития вспомогательных научных и технических подразделений Главного инженерного управления можно говорить о возникновении к 90-м годам XIX в. сложной системы организации ведомственной прикладной науки. Она включала в себя как традиционные коллегияльные консультативные органы – комитеты, так и иные типы подразделений, как по принципу организации, так и по назначению: учебные, экспериментальные, производственные. Характерной становится и высокая степень взаимной интеграции этих подразделений, обеспечивавшаяся взаимным вхождением в состав совеща-

тельных органов представителей отдельных структур, в том числе, представителей других ведомств.

В большинстве подразделений Военного министерства, осуществлявших научно-техническое обеспечение решаемых им задач, помимо коллегиального органа, являвшегося ядром структуры, действовали дополнительные вспомогательные подразделения: в рамках Технического комитета Главного интендантского управления – лаборатория и “магазины образцов предметов обмундирования войск”, являвшиеся своеобразным музеем военной формы. Существовало четыре отдела (магазина): современной русской армии, исторической, иностранных образцов и проектный⁴⁵. При Главном управлении военно-учебных заведений в 1864 г. был основан Педагогический музей военно-учебных заведений (как отдел Петербургского музея прикладных знаний). Музей был призван служить “постоянной выставкой образцов учебных пособий и коллекций как отечественного, так и иностранного производства”⁴⁶.

В условиях, когда каждое из управлений, составлявших военное министерство, имело свою развитую структуру прикладных научных и технических учреждений, Военно-ученый комитет уже не являлся общеминистерским “ученым установлением”. В своей работе он ограничивался направлением “ученой деятельности Генерального штаба и Корпуса военных топографов”, а также содействовал военному образованию в армии. В сфере его непосредственного внимания находились вопросы военной статистики, геодезии, а также “наблюдение за собиранием сведений о способах России и иностранных государств в военном отношении” – т.е. военная разведка. Ученый комитет контролировал ход обучения в Николаевской академии Генерального штаба. На его рассмотрение выносились учебные программы, сетка занятий в Военно-топографическом училище. Комитет осуществлял также производство годичных испытаний в этом учебном заведении⁴⁷.

В состав Военно-ученого комитета входили Начальник Главного штаба (председатель комитета), его помощники, начальники Военно-топографического отдела и Николаевской академии Генштаба. Кроме того, в качестве постоянных членов в состав комитета входили генералы и штаб-офицеры Генштаба и Корпуса военных топографов “без отчисления от занимаемых ими должностей”⁴⁸. Практическое ведение дел осуществлял управляющий делами Военно-ученого комитета, по должности уравнивавшийся в правах с помощниками начальника Главного Штаба⁴⁹.

Наиболее масштабным мероприятием, проведенным под непосредственным руководством Военно-ученого комитета во второй половине XIX в., было осуществление во второй половине 1860-х гг. военно-статистического описания Российской империи. Была выработана обширная программа описаний губерний, включавшая в себя несколько десятков позиций, охватывавших практически все аспекты развития губерний и областей. Общий объем программы превышал 3,5 печатных листа⁵⁰. Значительный вклад в осуществление военно-статистических работ Генерального штаба внес Н.Н. Обручев, возглавлявший кафедру военной статистики в Академии Генштаба и назначенный в 1867 г. на должность управляющего делами Военно-ученого комитета.

Непосредственное осуществление работ по составлению военно-статистических описаний проводилось силами офицеров Генерального штаба, командированных на места. Военно-ученый комитет осуществлял общее руководство работами, сносился с заинтересованными ведомствами, в первую очередь, Министерством внутренних дел и его Центральным статистическим комитетом⁵¹. Под его руководством осуществлялось и издание материалов военно-статистических описаний⁵².

Осуществление масштабных исследований, как в области статистики, так и в других сферах, затрагивавших интересы одновременно нескольких ведомств имперского управления, актуализировало вопросы координации и научно-методического обеспечения подобных работ. Следует отметить, что уже на стадии составления программ работ по военно-статистическому описанию была упущена возможность сопоставления данных с аналогичными сведениями административной статистики, собираемыми в других ведомствах. Контакты с основным статистическим учреждением империи – Центральным статистическим комитетом МВД ограничивались информированием о производимых работах и ходатайствах о содействии местной администрации при сборе данных⁵³. В итоге, при всем богатстве собранного материала, ценность его за пределами Военного министерства оказывалась сомнительной. Сравнительный анализ данных, осуществленный Ю.Я. Рыбаковым, показывает, что как вследствие различия критериев, так и в результате использования разнородных по происхождению и времени фиксации данных их сопоставление с иными статистическими материалами мало продуктивно⁵⁴.

Те же объективные закономерности обусловили и ведущие тенденции развития ученых подразделений в Морском министерстве, тем более что во второй половине XIX столетия уровень взаимодействия в

научно-технической сфере между двумя ведомствами, обеспечивающими военную мощь государства, существенно повышается. Так, в 1863 г. при Главном артиллерийском управлении был образован Комитет для развития технических средств, необходимых для артиллерии, флота и инженерного искусства⁵⁵.

Морской ученый комитет просуществовал до 1866 г., когда при очередной реорганизации Морведа был слит с Кораблестроительным и Техническим комитетами в Морской технический комитет (состоял из отделений кораблестроительного, строительного, артиллерийского, ученого и, позже, механического отделений)⁵⁶. В 1885 г. Ученый комитет как самостоятельное подразделение был на непродолжительное время воссоздан, а в 1891 г. окончательно упразднен с передачей его функций в Главный морской штаб, где создается Военно-морской ученый отдел, а кораблестроительное и артиллерийское отделения остались в составе Морского технического комитета⁵⁷.

Таким образом, эволюция научных и технических подразделений морского ведомства в целом соответствовала по своей логике преобразованиям, осуществлявшимся в Военном министерстве. Это проявилось в обособлении отдельных научно-технических сфер: кораблестроения, морской артиллерии и т.п., а вопросы сбора информации о флотах других держав и вопросы распространения технических и научных знаний отошли к ведению Главного морского штаба.

2.2. Развитие научных подразделений в Ведомствах финансов, путей сообщения и госимуществ

Специфическими чертами отличалось развитие научной составляющей в рамках финансового ведомства, где учрежденный еще в 20-е годы Ученый комитет исполнял сугубо реферативные функции как одно из подразделений канцелярии министра. Бурное развитие экономики пореформенной России требовало от правительства столь же быстрого и эффективного реагирования в сфере финансовой политики, совершенствования ее инструментов. В этих условиях для правящей бюрократии становилось не только возможным, но и необходимым допущение представителей ученого мира к святой святых государственного управления. Кроме того, выработка финансово-экономических решений не могла быть эффективно осуществлена без механизмов согласования этих ре-

шений с представителями предпринимательских кругов. Таким образом, устоявшаяся в большинстве центральных ведомственных управлений форма интеграции науки – ученый комитет – не сулила особых перспектив.

Тем не менее, учитывая растущий объем работы Ученого комитета, в 1861 г. число его членов было увеличено до 8 человек и предоставлено право приглашать на заседания специалистов по изучаемым вопросам⁵⁸. Однако преимущественно были использованы другие формы привлечения специалистов для обсуждения проектов преобразований в сфере финансов.

Главный вопрос финансовой политики любого правительства – вопрос о поиске новых источников доходов для казны – вызвал учреждение при министерстве в 1859 г. “Комиссии для пересмотра податей и сборов”⁵⁹. При ее учреждении во главе ее был поставлен Ю.А. Гагенмейстер, директор особой канцелярии министерства по кредитной части, долгое время возглавлявший Ученый комитет министерства. С начала деятельности комиссии ее рассмотрению подлежали конкретные вопросы по подготовке новых финансовых законопроектов. В соответствии с ними менялся и состав членов – экспертов, привлекавшихся к работе. Сама комиссия, учрежденная как временное подразделение, просуществовала более тридцати лет, поэтому “может быть названа одним из центральных постоянных установлений Министерства финансов”⁶⁰. На протяжении эпохи реформ в комиссии были рассмотрены вопросы о пошлинах на право торговли и промыслов, положение о налоге с недвижимости в городах, уставы об акцизах на сахар и алкоголь, о частной золотопромышленности, гербовом сборе и др.

Наглядное представление о характере деятельности этой комиссии Министерства финансов помогают составить воспоминания А.И. Кошелева, привлеченного в начале 1860-х гг. для работы над одним из самых “трепетных” вопросов налоговой политики над вопросом о замене винных откупов акцизом.

Председателем комиссии был А.П. Заблоцкий-Десятовский – в тот период статс-секретарь Департамента экономии Госсовета. В состав комиссии входили представители подразделений министерства: К.К. Грот – директор Департамента неокладных сборов, М.Х. Рейтерн – в то время член Ученого комитета министерства, а также председатели казенных палат. Вторую группу в составе комиссии образовывали заводчики, занимавшиеся винокурением производством: А.А. Абаза, А.А. Гагенмейстер, А.И. Кошелев и другие. В-третьих, в состав комис-

сии были включены академики А.Я. Купфер, Ю.Ф. Фрицше и Б.С. Якоби. Деятельность последних была организована в рамках ученой подкомиссии, которая рассматривала технические аспекты введения акциза и контроля за производством⁶¹.

А.И. Кошелев достаточно высоко оценивал процесс организации работы комиссии и демократичные формы обсуждения конкретных вопросов. Представители предпринимательских кругов и чиновники министерства составляли оппонировавшие друг другу группы⁶². Однако ее деятельность находилась под чрезвычайно плотной опекой министерского руководства, и не только основные направления разработки законоположений, но и выбор альтернативных вариантов находились в руках министра. Привлечение в состав комиссий ученых ограничивалось достаточно узким кругом научно-технических вопросов.

В составе Комиссии для пересмотра податей и сборов были только два представителя ученого мира, тесно связанные со структурами государственной власти, которых можно отнести к специалистам в экономической науке. Это: В.П. Безобразов и неоднократно упоминавшийся А.П. Заблоцкий-Десятовский⁶³. Академик В.П. Безобразов многократно привлекался в качестве эксперта в ее состав, однако, по словам одного из его биографов, всегда выносил чувство разочарования этой работой, связанное с неудавшимися попытками отстоять свои идеи⁶⁴.

На тех же принципах, которые были положены в основу деятельности Комиссии для пересмотра податей и сборов, в 1872 г. было осуществлено слияние Мануфактурного и Коммерческого советов. Был создан объединенный Совет мануфактур и торговли с отделением в Москве⁶⁵. В соответствии с "Положением" Совет образовывался "из числа ученых, техников и вообще лиц, обладающих познаниями по части торговли и промышленности, а так же их фабрикантов и торгующих, известных своими оборотами и общественным кредитом". В обязанности Совета входили вопросы выработки классификации промышленных предприятий "и распределение их на разряды, смотря по влиянию оных на общественное здравие и безопасность", рассмотрение прошений о выдаче привилегий на изобретения и усовершенствования и т. д.⁶⁶ Функции учрежденного совета были сугубо совещательные.

Причины более чем осторожного допущения ученых к обсуждению вопросов финансовой политики, сведение их участия к сугубо техническим вопросам промышленности вряд ли стоит связывать со слабостью экономической науки. Традиции и стереотипы абсолютистско-бюрократического государства четко обозначали грань дозволенного в до-

пущении к выработке решений всех лиц, которые не были инкорпорированы в управленческие структуры непосредственно.

Бурное развитие железнодорожного строительства во второй половине XIX в., ставшее одновременно и выражением и предпосылкой экономического роста страны в пореформенные десятилетия, потребовало от ведомства путей сообщения поиска средств, с помощью которых было бы возможно аккумулировать разработки и координировать изыскания в соответствующих сферах науки и техники. Поиск организационных форм включения вспомогательных научных подразделений в структуру ведомства был непростым и изобиловал их многочисленными реорганизациями. Вместе с тем, именно это бурное творчество по созданию все новых и новых министерских подразделений позволяет увидеть объективную логику развития, столь долго рождавшую адекватный тип организации взаимодействия науки и управления в рамках путейского ведомства.

Первоочередной задачей, возникшей перед Главным управлением путей сообщения еще в 40-е годы XIX в., фактически одновременно с началом строительства железной дороги Москва-Петербург, стала задача разработки общей концепции развития транспортных магистралей, как сухопутных, так и водных. В 1842 г. по инициативе П.А. Клейнмихеля начинается сбор сведений по губерниям и разработка вопроса в рамках "Комитета по начертанию общего плана водяных и сухопутных коммуникаций", который был составлен исключительно из высших чинов ведомства, представителей министерств и сановников⁶⁷. Однако на протяжении 10 лет своей деятельности комитет мало продвинулся в выполнении возложенной на него задачи, в первую очередь, вследствие отсутствия надежной базы данных.

В 1853 г., при окончательной пробуксовке начатого дела в помощь комитету, а фактически для выполнения основного объема возложенных на него работ, приказом главноуправляющего ведомством был учрежден Статистический комитет⁶⁸. Его основной задачей было "составить специальную статистику России", отражающую картину "настоящего движения в государстве, внутренние производительные и промышленные силы и затем потребности в движении"⁶⁹. За 12 лет своей деятельности комитет сумел лишь выявить плачевное состояние дел с соответствующими статистическими данными и начать изучение отдельных частных вопросов по своей программе, что, конечно, мало продвинуло реализацию назревшей задачи по выработке перспективного плана путей сообщения в государстве.

Между тем рост хлебного экспорта и внутреннего товарооборота в пореформенные годы, значение железнодорожной сети для военной безопасности государства, столь наглядно выявленное Крымской войной, делали задачу разработки планов дорожного строительства более чем насущной⁷⁰. Разработанная в итоге в Главном управлении путей сообщения программа, определившая контуры железнодорожного строительства, вынужденно опиралась на разнородный комплекс материалов, ориентируясь более на наметившиеся уже экономические тенденции⁷¹. Вторая половина 60-х гг. XIX в. обозначила всплеск концессионного железнодорожного строительства благодаря успехам, достигнутым, в первую очередь, П.Г. фон Дервизом и другими предпринимателями. За 1866-75 гг. было открыто более 14,6 тыс. верст новых железнодорожных линий – показатель, который оставался рекордным для России вплоть до 90-х гг. XIX столетия⁷².

Более чем интенсивное развитие транспортной сети предопределило и поиск новых, более эффективных форм управления этой сферой государственного хозяйства. В 1865 г. П.П. Мельников предпринимает первую (но не последнюю во второй половине XIX в.) реформу вверенного ему ведомства, которая вылилась в преобразование Главного управления в Министерство с разделением его на три главных департамента – железнодорожных, водных и сухопутных (т.е. шоссейных) сообщений⁷³. В ходе преобразования отдельных частей управления образуется и Ученый комитет министерства, в рамках которого сливаются ранее существовавшие Статистический, Учебный комитеты и Комитет начертания общего плана водяных и сухопутных сообщений⁷⁴.

Организация комитета была типичной, скорее, для первой половины XIX в.: комитет был малочисленным (3 действительных члена) подразделением с традиционным набором задач в сфере распространения технических знаний и рассмотрения проектов и изобретений, “не подлежащих по роду их специальности ни одному из департаментов”⁷⁵. Тем не менее, в “Положении” об Ученом комитете МПС содержался и ряд симптоматичных новаций. Комитету вменялось в обязанность предлагать ученым на обсуждение вопросы по предложению ведомства путей сообщения и ходатайствовать о награждении лиц, внесших существенный вклад в их решение. Таким образом, в Министерстве путей сообщения делается попытка создать подразделение не только отслеживающее, но и координирующее (путем поощрения) научные и технические исследования в сопряженных отраслях науки и техники. Судить об успехе, или неуспехе деятельности комитета не приходится, поскольку

подразделение просуществовало лишь шесть лет, и по материалам его фонда, отложившегося в РГИА, основное внимание было сосредоточено на улучшении ведомственного журнала⁷⁶.

Вторая реорганизация МПС, осуществленная В.А.Бобринским в 1870 г., передала практические технические вопросы в ведение двух инспекторско-технических комитетов, укомплектованных штатом инженеров, архитекторов и инженер-механиков, а вместо Ученого комитета был создан Совещательный комитет, задачи которого стали более обширными, включив дела административно-законодательного характера⁷⁷. Во главе нового совещательного органа был поставлен барон А.И. Дельвиг, известный и уважаемый специалист, один из ведущих в то время инженеров России⁷⁸. Новому подразделению МПС была уготована еще менее продолжительная жизнь – менее пяти лет. При очередной реорганизации ведомства в 1875 г. совещательный комитет был упразднен и вплоть до 90-х гг. XIX в. в составе министерства подразделений, выполняющих интересующие нас задачи, не было⁷⁹. Таким образом, все предпринимавшиеся на протяжении около 40 лет попытки создания ученых подразделений непосредственно в структуре МПС оказались неудачными. Столь устойчивая тенденция в сочетании с определенной заинтересованностью ведомства в постоянном привлечении и использовании самого обширного комплекса научно-технических данных заставляют искать объяснение отмеченным фактам за пределами собственно специализированных комитетов и советов, создававшихся в ведомстве.

На наш взгляд, можно указать на два обстоятельства, сыгравших существенную роль именно в таком развитии событий.

Во-первых, с момента своего создания в 1819 г. Корпус инженеров путей сообщения комплектовался исключительно высококвалифицированными кадрами. По приказанию А.А.Бетанкура, возглавившего в 1819 г. ведомство, в Корпус “могли быть принимаемы лишь лица, получившие научное образование”⁸⁰. Эти традиции надежно удерживались и в последующем, что давало в руки руководителей МПС достаточное (во всяком случае, для центрального управления) количество соответствующим образом подготовленных кадров. Большинство текущих технических вопросов разрешалось силами департаментов, и создание в 1870 г. инспекторско-технических комиссий являлось шагом в том же направлении. Институт инженеров путей сообщения во второй половине XIX в. являлся одним из наиболее оснащенных технических учебных

заведений России. Лаборатория института, возглавлявшаяся Н.А. Белелюбским, стала первой в стране испытательной станцией материалов⁸¹.

Во-вторых, оставшийся, сравнительно узкий, круг вопросов и особенно проблемы координации деятельности ученых и техников, работавших в сферах, так или иначе связанных с проблемами транспорта и дорожного строительства, во второй половине XIX в. гораздо более эффективно решало Русское техническое общество. В составе РТО и в его руководстве инженеры-путейцы были представлены более чем широко. А.И. Дельвиг был одним из его членов-учредителей и первым председателем в 1867-1870 гг. Вице-председателем являлся М.Н. Герсеванов – военный инженер и строитель военно-стратегических шоссе на Кавказе. Тематика трех из четырех отделений РТО так или иначе была связана с проблематикой ведомства путей сообщения. Наконец, в 1881 г. в составе РТО образуется VIII (железнодорожный) отдел, наладивший выпуск журнала “Железнодорожное дело” с широкой издательской программой, включавшей даже официальные распоряжения МПС⁸².

Таким образом, во второй половине XIX в. в некоторых случаях развитие организационных форм науки и техники в общегосударственном масштабе вело к новому качественному перераспределению ролей и функций, когда органы государственного управления получают возможность черпать необходимую информацию, привлекать кадры и т.п., не обременяя собственную управленческую структуру созданием ученых учреждений.

Логичным завершением “круга” развития прикладной науки в структуре центрального управления МПС стало создание в 1892 г. Инженерного совета для обсуждения и разработки вопросов общего значения, экспертизы проектов, смет и “технических условий важнейших работ, сопряженных со значительными расходами”⁸³. В составе Совета помимо директоров департаментов состояли в звании действительных членов специалисты, как находящиеся на службе в ведомстве, так и “уволенные в частные предприятия”⁸⁴. Таким образом, единственной и действительно объективной функций, сохраненной в рамках центрального управления, оказывалась экспертиза.

Достаточно поздно, относительно других ведомств, были осуществлены преобразования ученых подразделений в Министерстве государственных имуществ. На протяжении 60-х –70-х гг. главные направления его деятельности были связаны с новым устройством крестьян, вышедших из ведения министерства, и распродажей части государственных

имуществ. В 1873 г. структура министерства претерпевает изменения за счет присоединения к нему Горного департамента, бывшего ранее в составе Министерства финансов⁸⁵. Тем не менее, главные направления назревшей реорганизации обозначились уже в первые пореформенные десятилетия.

Наибольшие изменения коснулись Департамента земледелия, который в 1866 г. был преобразован в Департамент земледелия и сельской промышленности. Годом ранее, как ведомственное заведение, создается крупнейший в России учебно-научный центр сельскохозяйственной науки – Петровская земледельческая и лесная академия.

Радикальные преобразования русской деревни, которые лишь начались, но далеко не закончились с отменой крепостного права, вызвавшие кризис помещичьего хозяйства, неоднозначное развитие крестьянского сектора аграрной экономики, заставляли государственную власть переходить к более активным формам патронажа коренного сектора национальной экономики. Не касаясь непосредственно болезненной темы социального устройства пореформенной деревни, правительство пыталось выработать и реализовать систему частных мер, направленных на совершенствование земледельческой техники, улучшение земель путем мелиорации, развитие животноводства и т.п. Эти мероприятия рассматривались как важные государственные задачи по поддержанию и развитию как помещичьего – в первую очередь, – так и крестьянского хозяйства. Помимо сельскохозяйственной промышленности, в сфере внимания министерства оказалась и промышленность кустарная, опека которой была передана из ведения Министерства финансов в МГИ в 80-е гг. XIX в.⁸⁶

Во второй половине XIX в. Министерство активно ищет новые формы организации своей деятельности, способные повлиять на процессы, происходящие в аграрном секторе. Конечно, ограниченность сил и средств в сочетании с гигантским масштабом и, в первую очередь, паллиативный, производный по отношению к коренным социально-экономическим вопросам русской деревни набор мероприятий обрекали их как минимум на малую результативность в длительной исторической перспективе. Тем не менее, группировавшиеся вокруг сельскохозяйственных обществ и Департамента сельского хозяйства ученые-аграрники, практики из числа прогрессивно настроенных сельских хозяев были готовы поддерживать и эти незначительные шаги правительства.

Качественным отличием нового периода, по сравнению с двумя первыми десятилетиями деятельности сельскохозяйственного ведомства на уровне аграрной науки, было то, что действия правительственных структур оказывались лишь одним, причем не самым масштабным, элементом работы, в которой принимали участие земства, научные общества, частные лица. Данное обстоятельство проиллюстрировала на примере развития опытного сельскохозяйственного дела в России О.Ю. Елина⁸⁷.

Уже в 1859 г. в Петербурге основывается сельскохозяйственный музей, для которого была приобретена обширная коллекция современных сельскохозяйственных машин и орудий. При музее действовали популярные курсы для взрослого населения столицы и солдат столичного гарнизона. Популярность их была высока. К концу века музей превращается в просветительское, опытное и научное учреждение, оснащенное механической мастерской, испытательным отделением, библиотекой, аудиторией, специализированными кабинетами. В 1863 г. к МГИ перешел Императорский ботанический сад, на базе которого создаются биологическая лаборатория (1868 г.) и станция для испытания семян (1877 г.)⁸⁸. Таким образом, как и в других министерствах, ученая часть сельскохозяйственного ведомства на протяжении второй половины XIX столетия постепенно усложняет свою организацию, наращивая в первую очередь опытные подразделения в своей структуре.

Наряду с мерами, направленными на развитие сельского хозяйства, предпринимались шаги и по поддержке научно-прикладных исследований в отраслях, относившихся к “государственным имуществам”. Так, в 1865 г. казна выкупает рыболовный завод В.П. Врасского – первый в России опытный и производственный комплекс по разведению рыб ценных пород. На его базе был создан научный центр под эгидой Департамента земледелия, а к концу века возникают его филиалы: Усть-Лужский (1897 г.) и Юрьевский (1898 г.) при помощи Лифляндского отдела Императорского общества рыболовства и рыболовства⁸⁹.

Та же тенденция к специализации проявилась и в развитии лесного ведомства. В составе лесного управления в 1860 г. восстанавливается Специальный лесной комитет, сосредоточившийся на разработке вопросов ведения правильного лесного хозяйства, лесоустройства и оценки лесов⁹⁰ (ранее существовал в качестве самостоятельного подразделения в 1826-1837 гг.). Специальный лесной комитет являлся замкнутым узкоспециализированным подразделением (более широкий спектр научных вопросов решался объединенными присутствиями Лесного и Ученого комитетов МГИ)⁹¹.

Эти отдельные мероприятия достаточно наглядно характеризуют практическое содержание деятельности министерства в сфере научно-прикладных исследований. В большинстве случаев “штучный” характер подобных предприятий определялся весьма скудным финансированием. Показательны размеры расходов ведомства на научные, учебные, просветительские и т.п. цели. Если на рубеже 1856 г., к моменту отставки П.Д. Киселева с поста министра госимуществ, расходы ведомства на указанные цели составляли в среднем 3,28% от общей суммы дохода министерства, то в 80-е гг. эти средства составляли от 6,5% до 7% министерского бюджета. Количественные показатели будут следующими: В конце 1840-х – 50-е гг. на интересующие нас задачи расходовалось около 57 тыс. руб. в год, в 1860-е – от 511 до 636 тыс. рублей, в 80-е – от 1290 до 1578 тыс. рублей⁹². Причем львиную долю – в 80-е годы это до 68% суммы – составляли расходы на сельскохозяйственные, лесные и горные учебные и “образцовые” заведения.

Однако и это достаточно существенное увеличение вложений – в среднем удвоение за 60-е – 80-е гг. XIX в. – явно не поспевало за темпами увеличения опытной научной базы. По данным историков сельскохозяйственного ведомства Г.К. Гинса и П.А. Шафранова численность только казенных сельскохозяйственных опытных учреждений за неполные тридцать лет (1870-е – 1890-е гг.) выросла более, чем в пять раз (с 3 до 17)⁹³.

Обоснованное внимание правительства к развитию сельского хозяйства и попытки достичь его интенсификации на основе достижений агрономической науки вызвали приток в состав МГИ и Департамента земледелия и сельской промышленности специалистов-аграрников. В их числе: А.С. Ермолов – агроном, общественный и государственный деятель, неоднократно выступавший с пропагандой идеи сельскохозяйственного образования в России, интенсификации национального аграрного производства на основе достижений науки и поддержки эффективных помещичьих и крестьянских хозяйств⁹⁴. С 1881 г. А.С. Ермолов становится членом Ученого комитета МГИ, а с 1893 г. – управляющим Министерством государственных имуществ. В 1885 г. в состав Ученого комитета МГИ входит П.А. Костычев – почвовед, специалист в области сельскохозяйственной химии. В 1893 г. он становится инспектором сельского хозяйства при профильном департаменте министерства, а годом позже – директором образованного по новому “Положению” Департамента земледелия.

Привлечению к работе в министерстве научных кадров (помимо названных выше, с МГИ сотрудничали В.В. Докучаев, А.И. Воейков, А.В. Клоссовский И.А. Стебут и др.) немало способствовал В.И. Вешняков, возглавлявший с 1874 г. Департамент земледелия и сельской промышленности. Уже в 60-е гг. XIX в. он активно отстаивал позиции сельскохозяйственного образования (член комиссии по составлению устава Петровской земледельческой академии) и сельскохозяйственной науки, в развитии которой он усматривал одно из важнейших условий развития русской деревни⁹⁵. Активизация научной деятельности подразделений МГИ во второй половине XIX в. проявилась и в осуществлении целого ряда масштабных исследований: экспедиции по исследованию овцеводства (1880) и скотоводства (1882) в России, сбор текущих сведений о состоянии сельского хозяйства (с 1880 г.). Существенно увеличивалась опытная и исследовательская база ведомства. В то же время, организация, задачи деятельности Ученого комитета МГИ вплоть до 90-х гг. XIX в. регламентировались “Положением” 1845 г., которое уже не отвечало существовавшим реалиям.

Попытки подтолкнуть министерское руководство к изменению структуры ученых подразделений МГИ и расширения сферы их деятельности предпринимались с конца 1870-х годов, но в связи с конкретными направлениями научно-прикладных исследований: почвенных, метеорологических и т.д. Так, в 1879 г. V Съезд русских естествоиспытателей и врачей обратился с ходатайством об учреждении при МГИ почвенного музея “с целью изучения в научном и практическом отношении почв Европейской России”⁹⁶. С 1885 г. МГИ включилось в совместную работу с РГО по организации сельскохозяйственных метеорологических наблюдений⁹⁷.

Появление все новых и новых задач научного обеспечения сельскохозяйственной промышленности, активное подключение к их решению широкого круга организаций, включая научные общества, высшие учебные заведения, земства, и, следовательно, необходимость координации совместных усилий, вызвали к жизни комиссию (1890-1893 гг.) по пересмотру “Положения” об Ученом комитете и выработке новой программы его деятельности. В ее составе на разных этапах принимали участие как члены ученого комитета (И.П. Архипов, Ф.А. Баталин, А.С. Ермолов и др.), так и известные ученые, сотрудничавшие с Департаментом земледелия и сельской промышленности (А.И. Воейков, В.В. Докучаев, Д.Н. Кайгородов, Д.А. Лачинов, М.А. Рыкачев, А.Н. Шульц и др.)

Предложения комиссии нашли свое практически полное воплощение в новом “Положении” об Ученом комитете Министерства земледелия и государственных имуществ (1894 г.). Поскольку задачи, организация деятельности, структура этого научного подразделения стали наиболее последовательным воплощением тенденций развития министерских ученых подразделений на рубеже XIX и XX веков, рассмотрим историю его создания более подробно.

Члены комиссии Ученого комитета весьма критично подошли к оценке итогов почти сорокалетней политики министерства в области сельского хозяйства. “С реформы 19.2.1861 г. – писали они, – экономические условия нашего сельского хозяйства совершенно не изменились. Неподготовленное к самостоятельному существованию, оно донныне находится в положении кризиса и все попытки и мероприятия, основанные на льготном кредите, не привели к желаемым результатам”⁹⁸. Выход из создавшегося положения, по мнению членов комиссии, состоял, во-первых, в увеличении масштабов государственной поддержки прикладных научных исследований (при этом они ссылались на опыт Северо-Американских Соединенных Штатов, конкуренция которых на зерновых рынках Западной Европы становилась все ощутимее и где на устройство опытных полей ежегодно тратилось более 1 млн. руб.). Во-вторых, ставился вопрос о создании такого совещательного органа при МГИ, “который с полной авторитетностью мог бы обсуждать заявленные сельской промышленностью нужды *в техническом отношении* (курсив автора. – А.М.) ... и выработать меры для их удовлетворения”⁹⁹.

Дипломатично выводя из сферы обсуждения вопрос о социально-экономических предпосылках развития аграрного сектора, авторы проекта тем не менее указывали, что научная сфера является лишь одним из элементов, с другой стороны “успех сельского хозяйства складывается из результатов экономического строя...”¹⁰⁰. На основе обстоятельного анализа главных направлений научно-технической поддержки сельскохозяйственного производства, текущих и перспективных нужд русского полеводства и животноводства, а также сил и средств, подключившихся к решению насущных научных задач, был сделан вывод о том, что “в настоящее время у нас имеется все-таки достаточно научных сил для того, чтобы положить начало деятельности...” по всестороннему научному обеспечению сельскохозяйственного сектора экономики, вследствие чего деятельность Ученого комитета, “существующего на старых основаниях, должна быть существенно изменена и расширена”¹⁰¹.

Структура Научно-технического комитета МГИ – а именно так первоначально планировалось назвать преобразованное учреждение – должна была включать в себя подразделения трех типов: основные научные учреждения (сельскохозяйственные метеорологические и почвенные станции, лаборатории и т.п.), “прикладные или опытные учреждения, применяющие на практике результаты выработанные научными учреждениями и агрономической наукой вообще” (сельскохозяйственные опытные станции, опытные поля и т.д.) и, наконец, агрономические учебные заведения и систему временных и постоянных курсов¹⁰². Название: Научно-технический комитет в окончательной редакции “Положения” было заменено традиционным: Ученый комитет, но с сохранением всех существенных идей о принципах его организации и деятельности. Таким образом, впервые в практике организации прикладной науки в рамках органов центрального управления была выстроена последовательная цепочка прикладных исследовательских, опытных и учебных подразделений, тесно увязанных между собой и замкнутых на координирующий научно-консультативный центр – Ученый комитет.

Преобразование Ученого комитета было осуществлено одновременно с реорганизацией МГИ в 1894 г. По новому “Положению” Ученый комитет учреждался “для обсуждения и разработки научных и технических вопросов”¹⁰³. Состав комитета образовывался неизменными членами, представлявшими отделы Департамента земледелия и некоторых подразделений министерства и “членами – заведующими бюро комитета”. Последние возглавляли исследовательские подразделения в составе комитета, ориентированные на разработку прикладных вопросов сельскохозяйственной и биологической науки.

При организации Ученого комитета в 1894 г. таких бюро планировалось создать 8: по почвоведению, агрономии, прикладной ботанике, зоологии и зоотехнии, бактериологии, энтомологии, метеорологии и сельскохозяйственной механике. В Положении специально оговаривалось, что “открытие бюро и замена одних другими” находится в сфере компетенции министерского руководства¹⁰⁴. Таким образом, создавалась возможность для существования гибкой структуры подразделений, возникновение и трансформация которых должна была происходить параллельно развитию науки и выявлению ее новых прикладных возможностей.

“Положением” предусматривалось также существование “соединенного присутствия” Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ и Лесного специального комитета “для разрешения научных и технических вопросов по сельскохозяйственной и

лесной частям, имеющих тесную между собою связь”¹⁰⁵. Главными направлениями в деятельности обновленного Ученого комитета становились разработка, планирование и организация “научных изысканий и опытов в области сельского хозяйства, составление программ работ и инструкций... а также исчисление потребных на их устройство расходов”¹⁰⁶. “Положение” ориентировало комитет на тесное взаимодействие с сельскими хозяевами. Ему вменялось в обязанность рассматривать и разрешать вопросы, с которыми обращаются частные лица.

В рамках Министерства земледелия и государственных имуществ учреждался и новый совещательный орган: Сельскохозяйственный совет. Совет был образован по типу межведомственного консультативного органа с привлечением в его состав членов “из числа сельских хозяев и вообще лиц, близко знакомых с нуждами и интересами сельского хозяйства”¹⁰⁷. В составе Совета были представлены и руководители Ученого и Лесного специального комитетов. Совет должен был рассматривать предположения об издании, дополнении и изменении действующего сельскохозяйственного законодательства и другие вопросы общего содержания¹⁰⁸.

Таким образом, научные подразделения в лице своих председателей получали возможность выхода за узкие рамки сугубо технических вопросов, а само министерство – орган согласования наиболее принципиальных вопросов аграрной политики. Приведение этих инструментов в действие было в условиях России конца XIX – начала XX вв. вопросом политической воли. Однако главенствующие настроения правящей элиты были, как известно, другими.

Имеющиеся данные о деятельности Ученого комитета МЗиГИ во второй половине 90-х гг. XIX в. позволяют заключить, что новая структура этого ученого подразделения в целом отвечала потребностям и возможностям сельскохозяйственной науки, как с точки зрения ее организации в ведомственных рамках, так и создания более благоприятных условий для внедрения результатов в практику.

Бюро, образованные в составе Комитета (в конце XIX в. их действовало 7 – кроме бюро сельскохозяйственной механики) осуществляли широкую исследовательскую, консультативную и координационную деятельность. Каждое из них в 1894-1898 гг. отвечало в среднем в год на 1000 запросов с мест, многие из которых становились предметами актуальных исследований, либо выявляли перспективные направления таковых. В частности, по запросу землевладельца Подольской губернии Овсинского Ученый комитет занимался вопросами мелкой вспашки почвы, по запросу

су государственного агронома Тобольской губернии – исследованиями о применении скороспелых хлебных злаков на севере этой территории¹⁰⁹.

Существенные изменения в организации ученых подразделений произошли во второй половине XIX в. и в горном ведомстве, структурно входившем в состав МГИ (МЗ и ГИ). Было создано новое учреждение: Геологический комитет (1882 г.), которому поручаются все геологоразведочные, картографические и прочие специальные исследования¹¹⁰. Создание центрального геологического учреждения явилось поистине выстраданным итогом многолетней борьбы за организацию подобного подразделения, которую вел академик Г.П. Гельмерсен при деятельной поддержке президента Минералогического общества герцога Н.М. Лейхтенбергского, известных ученых-геологов Н.П. Барбот де Марни, В.И. Меллера, члена Горного ученого комитета Г.А.Иоссы¹¹¹. Геологический комитет аккумулировал широкий набор задач, связанный с планомерным изучением и геологическим картографированием территории Российской империи¹¹².

“Положение” о Геологическом комитете, подготовленное Г.П. Гельмерсеном – создателем и первым директором этого подразделения Горного департамента, стало одним из самых “демократичных” на фоне забюрократизированных инструкций о деятельности основной массы ученых комитетов. Решение большинства принципиальных вопросов осуществлялось Присутствием, которое составляло общий план геологических исследований, определяло методы для геологических съемок, назначало к изданию труды комитета, распределяло занятия между служащими комитета, кроме того, осуществляло избрание на должности младших и старших геологов, редактора издания и геологов-сотрудников (членов-корреспондентов). Присутствие состояло из старших геологов и членов комитета – представителей Императорской академии наук, Горного института и столичного университета¹¹³. В состав комитета в 1880-е гг. вошли выдающиеся геологи, с каждым из которых в последующем будут связаны важнейшие достижения российской геологии: А.П. Карпинский, И.В. Мушкетов, С.Н. Никитин, Ф.Н. Чернышев, Н.А. Соколов, Е.С. Федоров¹¹⁴. Привлечение к работам комитета геологов-сотрудников из других городов, работавших по его заданиям, позволяло существенно расширить сферу его деятельности¹¹⁵.

Важно отметить, что с момента организации, деятельность Геологического комитета протекала в тесном взаимодействии с международными научными организациями, как и деятельность Центрального статистического комитета и Статистического совета. С 1881 г. Россия координировала свои геологические работы с Международным геологиче-

ским конгрессом и взяла на себя обязательства по участию в создании Международной геологической карты Европы¹¹⁶. Тесное взаимодействие с европейским геологическим сообществом диктовало и соответствующие требования и стандарты к проведению геологических изысканий.

На протяжении 60-х – 90-х гг. практически во всех ведомствах, где в первую половину века уже выявились сферы научного обеспечения правительственной деятельности, либо продолжают существовать и получают дальнейшее развитие, либо даже воссоздаются ученые и технические комитеты. Например, в составе Министерства народного просвещения в 1856 г. Комитет был воссоздан, а в 1863 г. получил новую организацию¹¹⁷. Именно с 1863 г. Ученый комитет МНП становится подразделением, исполняющим не только цензурные, но и некоторые научно-педагогические функции, связанные с рассмотрением “проектов по ученой, учебной и воспитательной частям”¹¹⁸, в том числе занимаясь вопросами научных экспедиций, командировок и прочих мероприятий, осуществляющихся на средства и под контролем министерства. Тем не менее, главным направлением деятельности Ученого комитета МНП оставался контроль над учебной литературой и комплектованием библиотек учебных заведений, проведение конкурсов на создание новых учебников¹¹⁹.

В руках министерского руководства комитет оставался орудием борьбы с распространением “вредной” литературы в среде учащейся молодежи, а с 1869 г. в сферу компетенции Комитета попадает надзор и за “литературой для народного чтения”¹²⁰. Наглядно иллюстрирует принципы, отстаивавшиеся комитетом, его тяжба с военным ведомством по вопросу учебных книг для военных гимназий. В 1866 г. в “Систематическом каталоге для военных гимназий” значились русский перевод “Происхождения видов” Ч. Дарвина, “Рефлексы головного мозга” И.М. Сеченова и ряд других книг, которые Ученый комитет МНП считал недопустимыми для чтения воспитанниками учебных заведений. Давление, организованное Министерством народного просвещения на военное ведомство, заставило последнее изъять эту литературу из библиотек военно-учебных заведений¹²¹. Характерно, что выработанный проект издания “Вестника Ученого комитета Министерства народного просвещения”, в котором предполагалось публиковать списки рекомендованной учебной литературы, был отклонен в 1878 г. самим комитетом из опасения вызвать нападки со стороны либеральной и демократически ориентированной прессы¹²².

Вместе с тем, в середине 1880-х гг. в составе Ученого комитета МНП было создано (1884 г.) и действовало отделение по техническому и профессиональному образованию. В его рамках был разработан план создания системы промышленного (профессионально-технического) образования в России, который начал внедряться с 1887 г. В составе отделения работали выдающиеся ученые, преподаватели высших технологических учебных заведений В.Л. Кирпичев, Н.А. Любимов, Н.П. Ильин, И.П. Архипов и другие; возглавлял работу отделения И.А. Вышнеградский¹²³.

Комитет и во второй половине века продолжал оставаться замкнутым бюрократизированным учреждением. В его состав включались только чиновники министерства по выбору министра, институт почетных членов и членов-корреспондентов отсутствовал, установление научных контактов за пределами ведомства не предусматривалось¹²⁴. Таким образом, несмотря на название, Ученый комитет Министерства народного просвещения не являлся ученым подразделением в полном соответствии с критериями, выделенными в первой главе настоящей монографии.

2.3. Попытки межведомственной координации научно-прикладных работ

Одна из первых попыток коренным образом реорганизовать систему межведомственного взаимодействия была предпринята именно в сфере административной статистики. Хотя еще в 1819 г. вопросы статистики были переданы в ведение МВД, в большинстве ведомств центрального управления имелись свои структуры по сбору статистических сведений. Ко второй половине XIX в. объем собираемых данных по отдельным министерствам не многим уступал статистическим работам МВД. В 1858 г. при учреждении Центрального статистического комитета в составе реорганизованной статистической части МВД планировалось "Совещательное собрание" из представителей различных ведомств "для соглашения статистических данных по разным отраслям государственного управления"¹²⁵. Однако реальных результатов данное решение не принесло.

В 1863 г. при министерстве был образован Статистический совет, целью которого была координация деятельности различных ведомств в вопросах сбора статистических сведений. Совет образовывался непре-

менными и совещательными членами, представлявшими МВД и другие центральные ведомства, которые осуществляли статистические работы и имели в своем составе специальные статистические отделения. В состав совета входил также академик Императорской академии наук по кафедре статистики и политической экономии. В числе задач Совета значилось: обсуждение способов производства статистических работ, проводимых по всей империи и требующих содействия разных ведомств, установление общей формы издания и обнародования статистических данных, улучшение способов регистрации статистических данных, получаемых при обычном делопроизводстве¹²⁶.

Одним из его первых мероприятий стало исследование "существующих в России статистических источников". Вопрос о необходимости подобной сводки был поставлен на заседании Статистического совета в мае 1864 г.¹²⁷ Работа, осуществленная по заданию Совета на протяжении 1864-65 гг. под руководством редактора Центрального статистического комитета Е.К. Огородникова, выявила, что при огромном количестве собираемых статистических сведений (всего – 410 записей) "многие вопросы, несмотря на обилие записей, или едва затронуты, или развиты с крайней подробностью"¹²⁸. Выводы, непосредственно вытекавшие из исследования Е.К. Огородникова, очевидно свидетельствовали о том, что стихийно сложившаяся структура статистического учета не отвечала потребностям управления, не позволяла привлекать данные различных ведомств из-за сложностей в их сопоставлении.

Однако спустя десять лет, в 1873 г., Министерство внутренних дел в лице товарища министра, возглавлявшего по Положению Статистический совет, вынуждено было констатировать, что "деятельность этого учреждения не достигла предположенной цели"¹²⁹. Таким образом, повышение статуса координирующего органа само по себе не в состоянии было обеспечить межведомственное согласование. В числе ряда причин, обусловивших неудачу деятельности Статистического совета и указанных в докладе на высочайшее имя, следует выделить, по меньшей мере, две, действительно вскрывавших основные трудности в работе этого межведомственного органа. Во-первых, не было точно определено, "какие дела подлежат его ведению, и каким путем ... могут делаться обязательными" для исполнения всеми ведомствами. Во-вторых, на практике за 10 лет существования совета "ни одно почти из ведомств не вносило на его рассмотрение никаких вопросов"¹³⁰. В сумме приведенные обстоятельства наглядно характеризуют паллиативный характер этого органа, лишенного реальных полномочий. Существование совета

в рамках МВД вызывало вполне объяснимую ревность со стороны руководителей других ведомств и стремление оградить свою самостоятельность. В то же время, полномочия совета не простирались далее заключений рекомендательного характера.

Представители статистической науки отчетливо понимали, что реального совершенствования статистического дела в государстве невозможно добиться без согласования методов сбора информации, что обеспечит сравнимость данных, и координации усилий, благодаря чему будет возможно устранить дублирование и повысить эффективность статистического учета. Работа по подготовке нового положения о Статистическом совете, которое бы в корне могло изменить положение дел в государственной статистике, была инициирована П.П. Семеновым (Тян-Шанским), возглавлявшим в 1870-е гг. статистическую часть в структуре МВД. Реорганизация Статистического совета в 1875 г., осуществленная на принципах, рекомендованных Международными статистическими конгрессами, и последующее развитие административной статистики, отмеченное несомненными успехами, обстоятельно описаны в литературе¹³¹. Однако за рамками исследовательского анализа остался процесс разработки "Положения" и последующей борьбы за сохранение его основных принципов в ходе межведомственного обсуждения, что для нашего исследования представляет несомненный интерес.

Вопрос о преобразовании органа, координирующего административную статистику в рамках всего центрального управления, был поставлен на повестку дня в 1873 г. Дальнейшее осуществление реформ, в особенности проработка вопросов о введении всеобщей воинской повинности и проведении в перспективе всеобщей переписи населения¹³², делали нетерпимым сохранение разрозненности статистического учета, отсутствие единой научно-методической базы.

По предложению П.П. Семенова новое "Положение" должно было четко определить компетенцию Совета. "Все изменения в организации административной статистики всех ведомств, в том числе, и издание материалов и исследований, изменение и введение новых форм статистической отчетности" должно было рассматриваться и утверждаться Статистическим советом¹³³. Вторым принципиальным моментом, положенным в основу новой организации Совета, была активизация участия в нем ученых – специалистов в области статистической науки. Во главе Совета должно стоять "лицо, специально и практически знакомое с делом статистики". Помимо непререкаемых членов, делегируемых ведомствами, в состав совета должны были входить академик Императорской

академии наук и профессор столичного университета, замещающий кафедру статистики, председатель Отделения статистики Русского географического общества и "некоторые лица, известные трудами по статистике"¹³⁴. Таким образом, по замыслу П.П. Семенова, Статистический совет должен был превратиться в межведомственную структуру, реально осуществляющую руководство административной статистикой, разрабатывающую ее научно-методическую базу.

Однако последовавший за выработкой проекта двухлетний период согласований в различных ведомствах и инстанциях был отмечен поэтапным пересмотром этих основополагающих позиций. Первое и главное, что не устроило руководителей ведомств – директивный характер полномочий Совета. В конечной редакции Совет "содействует" министерствам и главным управлениям путем "обсуждения способов" и предложений по организации статистических работ. Во всех случаях, касающихся компетенции иных, кроме МВД, ведомств, не только решения Совета утверждаются их руководителями, но и "внесение дел в Совет зависит от усмотрения министров и главноуправляющих"¹³⁵. Единственный пункт из предложений П.П. Семенова, который не встретил серьезного возражения – привлечение к участию в деятельности Совета руководителей главных в стране центров статистической науки: Академии наук, Санкт-Петербургского университета и Географического общества. Существенные положения проекта, как мы видим, оказались выхолащены.

Руководство обновленным органом на протяжении без малого четверти века (1875 – 1897 гг.) осуществлял сам П.П. Семенов. Немалую роль играли мировая известность и личный авторитет ученого. В 1870 г. в Петербурге был проведен Всероссийский статистический съезд¹³⁶, а в 1872 г. Международный статистический конгресс провел свою сессию в России¹³⁷. При непосредственном участии П.П. Семенова были осуществлены такие успешные статистические работы, как поземельная перепись 1877-78 гг., военно-конские переписи и, конечно, первая в России однодневная всероссийская перепись населения 1897 г. Тем не менее, солидаризируясь с исследователями истории отечественной статистики в позитивной оценке результатов деятельности Статистического совета в последней четверти XIX в., следует отметить, все перечисленные успехи были достигнуты в рамках статистических подразделений МВД. Решить, несомненно, актуальную и важную задачу межведомственной координации статистических исследований в России в рамках XIX в. так и не удалось.

Важным этапом в развитии статистических работ в России во второй половине XIX в. стало появление земской статистики, с которой было связано вполне самостоятельное направление в развитии статистической теории и практики статистических исследований¹³⁸. Земства, как отмечалось выше, становились во второй половине XIX в. одним из постоянных заказчиков необходимых прикладных исследований, отпуская на них зачастую весьма значительные средства. Земская статистика неоднократно противопоставлялась в исторической литературе статистике административной, причем если первая характеризовалась исследователями как прогрессивная, то вторая этих качеств лишалась¹³⁹; политика правительства в отношении земских статистических учреждений рассматривалась как ограничительная. В числе ограничительных мер, предпринимавшихся правительством по отношению к земской статистике, как правило, выделяются законы 1893 и 1899 гг. о контроле, а затем и передаче земству оценочных работ¹⁴⁰. Выявленные автором предварительные материалы по подготовке реформ земской статистики¹⁴¹ позволяют взглянуть на данную проблему под иным углом зрения.

В 1870-1880-е гг. земская статистика стремительно развивается. Увеличивается общий объем земских статистических работ, расширяется тематика, численно растут земские статистические учреждения благодаря все возрастающему финансированию. В начале 1880-х гг. губернские земства расходовали в среднем до 6400 руб. в год на статистические изыскания, связанные в первую очередь с совершенствованием системы земских сборов¹⁴². Несравненно лучшее в сравнении с губернскими статкомитетами финансирование и высокое качество выполняемых земством работ вызвали к жизни проект, разработанный в 1884 г. Центральным статистическим комитетом, о коренной реорганизации системы сбора статистических сведений в губерниях. В соответствии с ним намечалась передача сбора всех статистических сведений земским учреждениям и оставление за Центральным статистическим комитетом МВД методических, координирующих и контрольных функций с ликвидацией его губернских подразделений на местах¹⁴³. По мысли одного из авторов проекта – директора ЦСК Н.А. Тройницкого – “из предмета факультативного местная статистика должна перейти в круг обязательных земских функций”¹⁴⁴. Товарищ министра внутренних дел И.Н. Дурново высказался за “предоставление ведения дела земству везде, где оно пожелает взяться за него”¹⁴⁵. Однако, в процессе последующей доработки Центральному статистическому комитету не удалось отстоять первоначально заложенные в проект идеи. Земства с подозрением относились

к любым попыткам министерской регламентации их деятельности и передаче им дополнительных функций.

Законы о земской статистике 1893 и 1899 гг. реализовали лишь ряд из направлений планировавшейся, но не состоявшейся реформы: земская статистика была “легализована” в ряду других государственных статистических органов, она получила законодательный статус; передача земству оценочных работ позволила сделать шаг в специализации статистических исследований. Введенные элементы регламентации, таким образом, были неизбежной ценой при объединении земских статистических работ в общероссийских масштабах. Они сыграли неоднозначную роль: до известной степени ограничили самостоятельность и инициативу земств в проведении статистических исследований, но существенно повысили степень сопоставимости их результатов, выполнявшихся ранее на базе различных методик, созданных самими земскими статистиками.

Еще менее успешно завершились попытки образования межведомственной структуры, координирующей геодезические и топографические работы. Усилия, предпринимавшиеся на протяжении более тридцати лет научными обществами, учеными, представителями министерских структур так и не привели к реальному результату.

Еще в 1850 г. Императорское Русское географическое общество ходатайствовало, чтобы съемки и описания местностей производились общими силами заинтересованных ведомств, однако предложение не получило поддержки¹⁴⁶. Вплоть до 1877 г. роль главного топографического подразделения в структуре органов центрального управления до некоторой степени выполнял Корпус военных топографов, осуществляя и научное обеспечение этих работ. Однако с 1877 г. по новому положению Корпус стал осуществлять только “необходимые военному ведомству геодезические, картографические и топографические работы”¹⁴⁷.

В 1885 г. для рассмотрения вопроса была сформирована комиссия при РГО, в состав которой вошли представители ведомств: Военного, Морского, Путей сообщения, Юстиции (Межевая часть), Госимущества, а также представители Академии наук и Русского географического общества. На практике в выработке проекта нового учреждения наиболее активное участие приняли видные ученые, вошедшие в состав комиссии от различных ведомств: О.В. Струве, П.П. Семенов, А.А. Тилло и другие¹⁴⁸.

Комиссия признала необходимым объединить все съемочные работы в России. По ее мнению, необходимо было создать Геодезический со-

вет, "имеющий значение специального совещательного органа, который не только давал бы заключения на предлагаемые проекты, но и был бы в праве указывать также на те работы, которые в данное время представляются предпочтительными"¹⁴⁹. Комиссия РГО разработала подробный проект организации и деятельности Геодезического совета по типу межведомственного коллегиального органа, определила его примерную смету.

Однако реакция представителей большинства ведомств оказалась более чем прохладной. Министерство внутренних дел сочло "преждевременным" входить в подробное обсуждение вопроса. Президент Академии наук Д.А. Толстой, заботясь о повышении статуса своего учреждения, попытался "перетянуть" координирующие функции совета в Академию, возложив его задачи на Главную обсерваторию¹⁵⁰. Не последнюю роль, видимо, сыграло и то обстоятельство, что при общей стоимости геодезических работ по всем ведомствам (около 6 млн. руб на середину 80-х гг.), проектируемое устройство Геодезического совета существенно сокращало как отпускаемые суммы, так и штаты отдельных министерств. Около 50% указанной суммы тратилось на предварительные исследования, и именно эта часть оказывалась сокращенной благодаря деятельности Совета¹⁵¹.

Одним из перспективных направлений научной деятельности, осуществлявшейся Ученым комитетом МЗиГИ, было налаживание системы сбора метеорологических данных. Столь объемное дело было непосильно одному ведомству. В 1873 г. МГИ обращалось в Императорскую академию наук с предложением организовать при Главной физической обсерватории отделение сельскохозяйственной метеорологии. Деятельность комиссии, созданной совместно Ученым комитетом МГИ и Академией наук, окончилась безрезультатно, и в 80-е гг. инициатива этих работ перешла к метеорологической комиссии РГО¹⁵². К началу 90-х гг. XIX в. в России действовало более 280 станций сельскохозяйственных метеорологических наблюдений, как подведомственных МГИ, так и созданных РГО, учебными заведениями, частными лицами. Так, обширная сеть станций была создана проф. А.В.Клоссовским на деньги Херсонского земства и собственные средства Клоссовского, вырученные от публичных лекций¹⁵³. Наиболее актуальной задачей в 90-е гг. помимо дальнейшего расширения сети, становилась координация действий и единое научно-методическое обеспечение исследований.

В 1896 г. метеорологическое бюро выступило с проектом объединения всех сельскохозяйственных метеорологических наблюдений на тер-

ритории империи. Главной задачей, выдвинутой в проекте, являлось "детальное изучение климатических особенностей различных местностей России в зависимости от орографических, гидрографических, почвенных и культурных условий"¹⁵⁴. Реализация проекта, создание системы комплексного изучения природных условий наблюдательными станциями различных типов, позволили бы, по мнению заведующего бюро П.И.Броунова, "найти способы предсказания урожаев задолго до жатвы"¹⁵⁵. Проект, выработанный бюро, предлагал разделение всех имеющихся станций на четыре типа по характеру ведущихся наблюдений, программе сбора и анализа данных.

Реализовать проект в полном объеме в рамках XIX в. не удалось. Причинами стали как ведомственная разобщенность (в частности, комиссия Академии наук в составе О.А.Баклунда, Ф.А.Бредихина и А.П.Карпинского отрицательно отнеслась к проекту, предложив сосредоточить научное руководство в Академии¹⁵⁶), так и недостаток средств. По подсчетам Ученого комитета первоначальный бюджет сельскохозяйственных метеорологических наблюдений в общероссийском масштабе составлял порядка 40 тыс.руб в год¹⁵⁷, реально выделенные МЗиГИ средства составляли в 1895-96 гг. лишь 12,5 тыс.руб¹⁵⁸.

Тем не менее, с позиций нашего исследования заслуживает внимания сам факт серьезной попытки ведомственного научного учреждения взять на себя координирующие и научно-методические функции.

Приведенные выше примеры наглядно демонстрируют как объективность тенденции к межведомственной координации и интеграции ряда работ по научному обеспечению административного управления, так и реальные сложности, с которыми приходилось сталкиваться руководителям ученых учреждений в реализации подобных проектов.

В чем же состояло главное содержание развития ведомственных ученых подразделений в 60-90-е гг. XIX столетия? В результате развития "ученых установлений" во второй половине XIX в. коллегиальные консультативные органы, каковыми являлись ученые комитеты, отнюдь не утрачивают своей роли и значения¹⁵⁹. Происходит усложнение всей системы организации научного обеспечения административной управленческой деятельности и перераспределение соответствующих функций в рамках уже нового структурного комплекса. За учеными комитетами остаются в большей степени вопросы планирования и координации деятельности целой совокупности исследовательских, опытных и т.п. подразделений, организации взаимодействия со структурами, находящимися за рамками ведомства: научными обществами, высшими

учебными заведениями и т.д. Непосредственное осуществление задач научного обеспечения в большинстве случаев поручается узко специализированным, соответствующим образом оснащенным, постоянным или временным структурам, построенным в соответствии с общими правилами министерского устройства, без коллегиально-академических принципов организации.

Из общего количества ученых и технических комитетов министерств и главных управлений (различие в терминах в данном случае значения не имело) во второй половине XIX в. выделяется, по меньшей мере, три типа подобных учреждений.

Во-первых, ученые (технические) комитеты и советы, построенные в соответствии с принципами академической корпоративности, выполняющие широкий круг задач, в том числе, информационно-аналитические, издательские, осуществляющие контроль над ведомственными учебными заведениями и т.п. В целом, данная группа коллегиальных органов в своем развитии была генетически связана с учеными комитетами первой половины XIX в. и продолжала их традиции. Последним по времени создания из подобных комитетов был Геологический комитет (1882 г.).

Во-вторых, узкоспециализированные комитеты, призванные лишь разрешать "технические и научные" вопросы, возникающие в том или ином ведомстве. Они не имели ни широкого представительства привлеченных специалистов в своем составе, ни, тем более, корреспондентских сетей, официальных связей с научными обществами и т.п.

Третий тип можно отнести к составу вспомогательных ученых подразделений весьма условно. В структуре и задачах этих подразделений научная составляющая присутствовала только как одно из направлений деятельности. Это советы и комитеты, включавшие в число своих членов представителей чиновничества, ученых и предпринимательские круги. Наиболее типичным примером являлся Совет торговли и мануфактур. На протяжении 60-х – 90-х гг. XIX в. все три выделенных выше типа подразделений создаются, существуют и развиваются.

Как мы видим, во второй половине XIX в. развитие вспомогательных ученых подразделений осуществлялось, большей частью, эволюционным путем, параллельно с реформированием отдельных частей центрального управления. Преобразования, происходившие в рамках ведомств, в большинстве случаев сохраняли устоявшиеся формы организации ученых комитетов и советов, но существенно меняли их задачи. Наиболее масштабными как по степени изменения структуры и функ-

ций, так и по значению в общем ходе эволюции ведомственных "ученых установлений", стали реформы научных и технических подразделений Военного министерства и реорганизация системы прикладной ведомственной науки в рамках МГИ (МЗиГИ). И в том и в другом случае мы сталкиваемся с принципиальной, коренной перестройкой системы ведомственных научно-консультативных, экспериментальных и т.п. подразделений. И если реформы военного ведомства обозначили начало рассматриваемого этапа, то реформы МГИ в 90-е годы и хронологически, и по существу предпринятых новаций логично завершают этот этап.

- ¹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. С.202,212.
- ² Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX веке. М., 1990. С.9-11; см. также: Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. 1850-1880-е гг. М., 1978.
- ³ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. С.179-180,187.
- ⁴ Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986. С.36-45; 131-140.
- ⁵ См.: Зонн С.В. В.В.Докучаев. М., 1991.
- ⁶ Елина О.Ю. Наука для сельского хозяйства Российской империи: формы патронажа // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 1. С.54-56.
- ⁷ Отечественные экономико-географы XVIII-XIX вв.: Сборник. М., 1957. С.227.
- ⁸ Милютин Д.А. Критическое исследование значения военной географии и статистики. СПб., 1846.
- ⁹ См.: Байов А.К. Граф Д.А.Милютин. СПб., 1912.
- ¹⁰ Милютин Д.А. Ук.соч. С.44.
- ¹¹ См.: Керсновский А.А. История русской армии. Т.2. М., 1993. С.193-195.
- ¹² ПСЗ-2. Т.XXXI. № 30286; Т.XXXII. № 31989.
- ¹³ ПСЗ-2. Т.XXXVII. № 39076.
- ¹⁴ ПСЗ-2. Т.XXXVII. № 39077. §§ 6,9,19; № 39076. §§ 6,19,20.
- ¹⁵ СВП 1869 г. Ч. 1. Кн. 1. Ст. 200-210; Ст. 342-345.
- ¹⁶ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-70 гг. в России. М., 1952. С.102.
- ¹⁷ СВП (1869 г.). Ч.1. Кн.1. Ст.203,324.
- ¹⁸ Там же. Ст.221.
- ¹⁹ Там же. С.202.
- ²⁰ Положение об Общем присутствии Инженерного департамента по искусственной части с Чертежною при нем. // Ивков Д.П. Исторический очерк Главного инженерного управления за время его существования с 24.12.1862 до 1913 г. Пг., 1915. Приложение 2. С.171-172.
- ²¹ СВП (1869 г.). Ч.1. Кн.1. Ст.219.

- ²² Там же. Ст.200.
- ²³ См.: Федоров А.С. Творцы науки о металле. М., 1980. С.54-82; Техника в ее историческом развитии. 70-е годы XIX – начало XX в. М., 1982. С. 136, 406-412.
- ²⁴ См.: Трифонов В.В. Основоположник русской баллистической школы // Военно-исторический журнал. 1973. № 5; Шухардин С.В. А.В.Гадолин // Люди русской науки. Кн. 4. М., 1965.
- ²⁵ Там же. Ст. 220.
- ²⁶ Там же. Ст. 233.
- ²⁷ Черняк А.Я. Н.В.Калакуцкий. М., 1989. С.99.
- ²⁸ Там же. С.113-114.
- ²⁹ ПСЗ-2. Т.XXXII. №31989.
- ³⁰ Трифонов В.В. Ук.соч. С.12.
- ³¹ Техника в ее историческом развитии. 70-е годы XIX – начало XX в. С.408.
- ³² Там же.
- ³³ См.: Нилус А.А. История материальной части артиллерии. Т. 1-2. –СПб; 1904. История Отечественной артиллерии. Т. 1-2. Кн.1-5. М.-Л., 1959-1970; Мавродин В.В., Мавродин Вал.В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка и др.
- ³⁴ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-70 гг. в России. С. 156.
- ³⁵ Черняк А.Я. Ук.соч. С.124-131.
- ³⁶ Положение о Техническом комитете Главного инженерного управления // Ивков Д.П. Ук.соч. Приложение № 4. С.227. С.171.
- ³⁷ СВП (1869 г.) Ч.1. Кн.1. Ст.273.
- ³⁸ Положение о Техническом комитете Главного инженерного управления // Ивков Д.П. Ук.соч. Приложение №4. С.227.
- ³⁹ Воспоминания об Э.И.Эвертце // Инженерный журнал. 1873. № 3. С.1-11.
- ⁴⁰ Там же. С.8-9.
- ⁴¹ Об управлении Электротехнической частью Инженерного корпуса. Приказ ВМ №326 от 31.10.1891 // Приказы по военному ведомству за 1891 г. СПб., 1892. См. также: Краткий исторический очерк Технического гальванического заведения. СПб., 1893.
- ⁴² Шнейберг Я.А. М.М.Борсков (1829-1898). М.-Л., 1951.
- ⁴³ СВП (1869 г.). Изд. 2-е. Ч.1. Кн.1. Ст.300.
- ⁴⁴ Там же. Ст.301-302.
- ⁴⁵ СВП (1869 г.). Изд.2-е. Ч.1. Кн.1. Ст.205.
- ⁴⁶ ПСЗ-3. Т.IX. № 5301а.
- ⁴⁷ СВП (1869 г.) Изд.2. Ч.1. Кн.1. Ст.156.
- ⁴⁸ ПСЗ-2. Т.XLIV. № 46611. Ст. 154-155.
- ⁴⁹ СВП (1869 г.). Ч.1. Кн.1. Ст.164.
- ⁵⁰ Программа для составления сборников военно-статистических сведений по губерниям и областям. СПб., 1865. 50 с.; Соображения по исполнению военно-статистических работ. СПб., 1866. 36 с.

- ⁵¹ РГИА, ф.1290, оп.2, д. 36, л.1-1об.
- ⁵² См.: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1859-1868. 27 т.; Военно-статистический сборник. Вып.4. Россия. / Ред. Н.Н.Обручев. СПб., 1871.
- ⁵³ РГИА, ф.1290, оп.2, д.36, л.1; оп.1, д.339, л.1-8.
- ⁵⁴ Рыбаков Ю.Я. Промышленная статистика России XIX в. М., 1976. С.207.
- ⁵⁵ ПСЗ-2. Т.XXXVIII. № 39423.
- ⁵⁶ Положение об общем обозревании Морского ведомства // Собрание узаконенных, постановлений и инструкций по Морскому ведомству 1866 г. СПб., 1866. С.19.
- ⁵⁷ Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства. С.229-230.
- ⁵⁸ ПСЗ-2. Т.XXXVI. № 37480.
- ⁵⁹ Министерство финансов. 1802-1902. Т.1. С.408-409.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Русское общество 40-50-х годов XIX в. Ч.1. Записки А.И.Кошелева. М., 1991. С.116-117.
- ⁶² Там же. С.117.
- ⁶³ Министерство финансов. 1802-1902. Ч.1. С.409.
- ⁶⁴ [Р.] В.П.Безобразов // Русский архив. 1889. Кн. II. С. 367.
- ⁶⁵ ПСЗ-2. Т.XLVII. №51717; Т.XXLVIII. № 51750.
- ⁶⁶ ПСЗ-2. Т.XLVII, № 51717.
- ⁶⁷ Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства путей сообщения за 100 лет его существования (1798-1898). СПб., 1898. С.88-89.
- ⁶⁸ РГИА, ф.211, оп.1, д. 1, л.6 об-7 об.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С.12.
- ⁷¹ См.: Головачев А.А. История железнодорожного дела в России. СПб., 1881; Погребинский А.П. Строительство железных дорог в пореформенной России и финансовая политика царизма (60-90-е гг. 19 в.) // Исторические записки. Т.47. М., 1954.
- ⁷² Соловьева А.М. Ук. соч. С.78.
- ⁷³ Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства путей сообщения... С.120.
- ⁷⁴ ПСЗ-2. Т.XL. № 42239.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ См.: РГИА, ф.211, оп.1. д.2.
- ⁷⁷ ПСЗ-2. Т.XLV. № 49092.
- ⁷⁸ Юбилей 50-летней службы в офицерских чинах сенатора, генерал-лейтенанта барона А.И.Дельвига. 16.06.1880. СПб., 1880. С.32.
- ⁷⁹ Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства путей сообщения... С. 160.

- ⁸⁰ Там же. С.49.
- ⁸¹ Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. С.120-121.
- ⁸² Филиппов Н.Г. Научно-технические общества России (1866-1917 гг.) М., 1976. С.13, 34.
- ⁸³ СЗ Т.1. Ч.2. Изд. 1906 г. Ст.720.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. С.223.
- ⁸⁶ Гинс Г.К. Шафранов П.А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности. Пг., 1914. С.334-335.
- ⁸⁷ Елина О.Ю. Наука для сельского хозяйства в Российской империи: формы патронажа // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 1. С.40-63.
- ⁸⁸ Гинс Г.К., Шафранов П.А. Ук. соч. С. 244,283.
- ⁸⁹ Там же. С.362.
- ⁹⁰ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности министерства государственных имуществ. Т.III. Отд. II. С.23-24.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Посчитано автором по: Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч.1. СПб., 1887. С. 72-84.
- ⁹³ Гинс Г.К., Шафранов П.А. Ук.соч. С.244.
- ⁹⁴ См.: Ермолов А.С. Высшее сельскохозяйственное образование в его отношениях к сельскому делу в России. СПб., 1872; Он же. Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севооборота. СПб., 1879; [Ермолов А.С.] Неурожай и народное бедствие (причины голода и борьба с ним) СПб., 1892. Последняя работа была опубликована А.С.Ермоловым анонимно.
- ⁹⁵ См.: Вешняков В.И. Обзор сельскохозяйственных учреждений Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Германии и Италии. СПб., 1866. В.И.Вешняков был также одним из первых историков сельскохозяйственного ведомства, публиковавший сам и инициировавший сбор и публикацию материалов по истории аграрной политики правительства в 30-е – 70-е гг. XIX в. См.: Систематическая опись делам бывшего V отделения Собственной е.и.в. канцелярии. СПб., 1887; Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. Вып. 1. СПб., 1891.
- ⁹⁶ РГИА, ф.382, оп.9, д.3, л.19.
- ⁹⁷ Там же. Л.8.
- ⁹⁸ Там же. Л.1.
- ⁹⁹ Там же. Л.3-3об.
- ¹⁰⁰ Там же. Л.3.
- ¹⁰¹ Там же. Л.52-53.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ ПСЗ-3. Т. XIV. № 10457.
- ¹⁰⁴ Там же. §59.
- ¹⁰⁵ Там же. §62.
- ¹⁰⁶ Там же. §61.
- ¹⁰⁷ Там же. §25.
- ¹⁰⁸ Там же. §32.
- ¹⁰⁹ Краткий очерк деятельности Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ за время с апреля 1894 по декабрь 1898 г. СПб., 1899. С. 6-7,48.
- ¹¹⁰ ПСЗ-3. Т.II. № 614.
- ¹¹¹ Романовский С.И. История организации в России государственной геологической службы // Вопросы истории естествознания и техники. 1981. № 3. С.116-121.
- ¹¹² ПСЗ-3. Т.II. № 614.
- ¹¹³ ПСЗ-3. Т. XIV. № 10457. §9.
- ¹¹⁴ Романовский С.И. А.П.Карпинский. М., 1981. С.128, 136-139.
- ¹¹⁵ Там же. С.127.
- ¹¹⁶ Там же. С.143.
- ¹¹⁷ ПСЗ-2. Т.XXXI. № 30470, 30594; Т.XXXVIII. № 39751.
- ¹¹⁸ ПСЗ-2. Т.XXXI. № 30594.
- ¹¹⁹ С 1874 г. Ученым комитетом МНП проводился конкурс с присуждением премий императора Петра Великого за лучшие учебные пособия. (Георгиевский А.И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. № 12. С.74.)
- ¹²⁰ Георгиевский А.И. К истории ... // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. № 11. С.56.
- ¹²¹ Там же. С.18-52.
- ¹²² Там же. С.88.
- ¹²³ Георгиевский А.И. К истории ... // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. № 4. С.44-46.
- ¹²⁴ См.: ПСЗ-2. Т.XXXI. № 30470, 30594; Т.XXXVIII. № 39751.
- ¹²⁵ РГИА, ф.1290, оп.2, д.82, л.159.
- ¹²⁶ ПСЗ-2. Т.XXXVIII. №39566.
- ¹²⁷ Общий обзор записей по ведомствам и главным управлениям империи /Сост. Е.К.Огородников. СПб., 1867. С.ХI.
- ¹²⁸ Там же. С.IV.
- ¹²⁹ РГИА, ф.1290, оп.2, д.82, л.2-2об.
- ¹³⁰ Там же. Л.2об.
- ¹³¹ См.: Полшко Б.Г. Елисева И.И. История статистики. М. 1990. С.173-177. Мельникова О.Б. П.П.Семенов-Тянь-Шанский и российская статистика // Вестник МГУ. Сер.8. История. М., 1988. № 1. С.51-52.
- ¹³² РГИА, ф.1290, оп.2, д.82, л.3.
- ¹³³ Там же. Л.3об.
- ¹³⁴ Там же. Л.3об., 172об.
- ¹³⁵ ПСЗ-2. Т.Л. № 54742. Ст.1,7,8.

- ¹³⁶ См.: Сборник в память Первого русского статистического съезда 1870 г. СПб., 1872.
- ¹³⁷ Мельникова О.Б. Ук.соч. С.51.
- ¹³⁸ Гозулов А.И. Очерки истории отечественной статистики. М., 1972. С.148.
- ¹³⁹ См., например: Гозулов А.И. Ук.соч. С.148-149; Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. С.131.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ См.: Миронос А.А. Земская и административная статистика России в 70-90-е гг. XIX в. // Проблемы истории и творческое наследие профессора Н.П.Соколова. Н.Новгород, 1998. С.224-226.
- ¹⁴² РГИА, ф.1290, оп.1, д.310, л.500об.
- ¹⁴³ Там же. Л.493-494об.
- ¹⁴⁴ Там же. Л.491.
- ¹⁴⁵ Там же. Л.470.
- ¹⁴⁶ РГИА, ф.1290, оп.2, д.260, л.2об.
- ¹⁴⁷ СВП (1869). Изд.2. Ч.1.Кн.1. Ст.780. Прил. XXXI.
- ¹⁴⁸ РГИА, ф.1290, оп.2, д.260, л.8-8 об.
- ¹⁴⁹ Там же. Л.11об.
- ¹⁵⁰ Там же. Л.17-20; 26-27.
- ¹⁵¹ Там же. Л.8 об.
- ¹⁵² Министерство земледелия и государственных имуществ. Департамент земледелия. По вопросу об объединении метеорологических наблюдений. Б.м. Б.г. С.6-7.
- ¹⁵³ РГИА, ф.382, оп.9, д.3, л. 8об.-9.
- ¹⁵⁴ Проект объединения сельскохозяйственных метеорологических наблюдений в России и деятельности метеорологического бюро Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ. СПб., 1896. С.3.
- ¹⁵⁵ Там же. С.11.
- ¹⁵⁶ Доклад комиссии по вопросу об объединении метеорологических наблюдений Императорской Академии Наук. Б.м. Б.г. 5 с.
- ¹⁵⁷ РГИА, ф.382, оп.9, д.3, л. 13.
- ¹⁵⁸ Министерство земледелия и государственных имуществ. Департамент земледелия. По вопросу об объединении метеорологических наблюдений. С. 15-16.
- ¹⁵⁹ В данном вопросе мы не можем согласиться с Е.В.Соболевой (См.: Соболева Е.В. Организация науки в пореформенное время. С.67-68), которая считает, что "технические комитеты" являлись новой, более соответствующей времени формой организации ведомственной науки и вытесняли ученые комитеты как устаревшие учреждения.

ГЛАВА 3

ЧИНОВНИКИ И УЧЕНЫЕ: СОСТАВ УЧЕНЫХ КОМИТЕТОВ

Успех или неуспех деятельности ученых установлений в гораздо большей степени, нежели деятельность "рядовых" министерских подразделений, определялся их кадровым составом. Следует учитывать, что ни бюрократическая модель управления как таковая, ни министерское руководство не были в состоянии определенно сформулировать методы и средства, при помощи которых ученым комитетам следовало бы разрешать задачи, стоявшие перед ними на практике. Ученым комитетам приходилось, по сути, самим вырабатывать набор этих средств. С учетом традиционного бюрократического сопротивления новациям можно говорить о значении не столько формальных параметров, определявших принадлежность членов комитетов к научной корпорации или чиновному миру, сколько о главенствующей роли индивидуальных качеств, позволявших добиваться конкретных результатов, нередко преодолевая инерцию правительственных структур. Не случайно имена таких выдающихся деятелей XIX в., как Ф.П. Литке, Ф.Ф. Шуберт, П.П. Семенов (Тян-Шанский) являют собой примеры сочетания как научных, так и административных способностей.

Ряд тенденций в развитии кадрового состава ученых комитетов и советов уже были отмечены в ходе рассмотрения эволюции организационного устройства ученых подразделений. В рамках настоящей главы мы попытаемся охарактеризовать, во-первых, внутреннюю структуру членства ученых комитетов и советов и, во-вторых, ответить на вопрос: в какой мере состав ученых комитетов комплектовался учеными?

Казалось бы, уже само название ученых подразделений очевидно свидетельствует о том, кто образовывал их кадровый состав. Большинство исследователей, так или иначе касавшихся этой темы, вполне определенно указывают, что ученые комитеты и советы комплектовались по преимуществу из числа ученых¹. Однако, заключения, базирующиеся на терминологических основаниях, как отмечалось выше, далеко не все-

гда и не в полной мере соответствуют действительности. Следует учитывать и тот факт, что становление "ученого сословия" как социально-профессиональной группы протекало в основном на протяжении первой половины XIX в., когда определялись и юридически закреплялись особенности "ученой" службы. К 60-м гг. XIX в. этот процесс, как убедительно показала Е.В. Соболева, был еще не в полной мере завершен². Таким образом рамки, отделяющие профессиональных ученых от чиновничества, оказываются до известной степени размытыми.

Тем не менее анализ имеющихся данных о персональном составе ученых подразделений министерств позволяет выявить интересные закономерности и в развитии самих ученых комитетов, и в отношениях государственной власти и научной элиты.

Штаты ученых комитетов как структурных подразделений министерств включали в себя несколько групп сотрудников, существенно различавшихся как своим статусом, так и ролью в их деятельности. В узком смысле — комитет составляли действительные и непременные (там, где эта категория была предусмотрена "Положениями") члены. Участие в заседаниях являлось их служебной обязанностью. Из среды действительных членов избирались, как правило, ученый секретарь комитета и редактор ведомственного издания. И действительные, и непременные члены обладали правом голоса при вынесении решения. Однако между этими двумя группами существовало большое различие: если действительные члены выступали в качестве специалистов-экспертов, и не только входили в состав коллегиального органа, но были его сотрудниками, то непременные члены являлись в первую очередь представителями интересов своих ведомств и подразделений в составе ученых комитетов и советов.

К следующей группе относились почетные и совещательные члены, участие которых в работе комитетов было спорадическим. Звание почетных членов в большинстве случаев сохраняли за собой вышедшие в отставку члены комитета и руководители министерств и министерских подразделений. Обременительных обязанностей на них не возлагалось. К примеру, "почетные члены Военно-Ученого Комитета — как определялось положением — особых обязанностей не имеют, но предоставляется им право, если пожелают, участвовать в заседаниях Общего присутствия Комитета"³. Совещательные члены приглашались в собрание при рассмотрении вопросов, где они могли быть привлечены в качестве экспертов. Права голоса в решении вопросов почетные и совещательные члены, как правило, не имели, либо оно ограничивалось.

Члены-корреспонденты составляли группу, наиболее дистанцированную от повседневной работы комитетов, и не принимали участие в его заседаниях. Наличие у ряда комитетов (но далеко не у всех) развитых корреспондентских сетей свидетельствовало о необходимости устанавливать тесные контакты, в первую очередь, с целью получения разнообразной информации в провинции. Кроме того, как и в научных корпорациях, статус члена-корреспондента использовался как средство выразить свое уважение и признание научных заслуг ученым, административным деятелям и т.п.

К последней группе сотрудников комитетов относился вспомогательный персонал: чиновники различных рангов, выполнявшие функции редакторов, делопроизводителей и т.д. Несмотря на то, что роль сотрудников комитетов в выполнении задач была велика, они не принимали участия в выработке коллегиальных решений, и формально не входили в состав "членов комитета".

Таким образом, в ходе нашего дальнейшего анализа мы ограничимся исследованием основного кадрового ядра комитетов: его действительных, непременных, совещательных и почетных членов и проследим развитие корреспондентских сетей ученых комитетов.

Ученые комитеты, несмотря на присущую им специфику, являлись частью бюрократической машины и не могли не нести на себе черт чиновного устройства. "Общее образование министерств" не определяло иерархического уровня или ранга "особенных установлений", к разряду которых относились ученые комитеты. На практике, даже если комитет структурно находился в составе департамента, а не министерства в целом, его статус, и, соответственно, положение лиц, в него входящих, было выше, чем "рядовых" министерских подразделений. Это определялось, в первую очередь, тем, что министерское руководство в лице товарищей министров и директоров департаментов либо возглавляло комитеты, либо входило в их состав в качестве непременных членов, а большинство действительных членов, как мы увидим ниже, имели высокие табельные чины.

Отмеченные выше особенности отнюдь не свидетельствуют о реальном значении науки в формировании правительственной политики в XIX в. Объяснить их возможно, опираясь на иные факторы, влиявшие на состав правительственного аппарата в дореформенное и, отчасти, пореформенное время.

Характерной чертой правящей бюрократии, особенно ее высшего слоя, в дореформенное время было фактическое отсутствие управленче-

ской специализации⁴. Более того, этот очевидный недостаток возводился в принцип, трактовался как универсализм, способность заменить знания и специальную подготовку дисциплиной и добросовестностью. Подобные подходы были особенно характерны для эпохи Николая I. Генералы не только пополняли высшие эшелоны центральной и местной бюрократии, но и вливались “по должности” в состав ученых комитетов.

Немаловажным оказывался и фактор престижа. Вхождение в состав ученого комитета позволяло в чиновной среде украсить свое реноме ореолом просвещенности и учености. Этими обстоятельствами, в частности, объясняется появление в составе членов комитетов лиц, далеких от науки. Наконец, нередки были случаи, когда членство или председательство в ученом комитете являлись sinecurой для высокопоставленного чиновника, пристроенного на нехлопотную генеральскую должность.

Таким образом, ученые комитеты представляли собой поле столкновения двух сколь объективных в условиях правительственного аппарата XIX в., столь и противоречивых тенденций: “бюрократизации” и “научной профессионализации” кадрового состава. Борьба этих тенденций во многом определяла внутреннюю эволюцию научно-прикладных подразделений, их реальные возможности.

Преобладание или замещение первой тенденции – второй, не поддается четкой периодизации. В каждом конкретном случае решающее значение оказывала зрелость всего комплекса предпосылок, коренящихся как в социально-политической сфере, так и в востребованности того или иного сектора научного знания системой государственного управления и народного хозяйства.

Каким же был и как изменялся с течением времени состав ученых комитетов? При формировании состава Ученой части Адмиралтейского департамента и Медицинского совета – ученых комитетов, созданных в первое десятилетие XIX в., – значительную роль действительно сыграли кадры Академии наук и столичной Медико-хирургической академии⁵. Но уже во втором десятилетии века, и тем более, в 30-е годы первоначальные подходы к формированию состава комитетов по преимуществу из числа ученых Академии и на основе принципов научной корпорации начинают уступать место бюрократическим схемам.

Так, Медицинский совет, переживший в 1809–1822 гг. период разделения между министерствами Народного просвещения и Полиции, был соединен в рамках МВД, но уже с новыми принципами формирования

кадрового состава. Избрание деканов, существовавшее с 1803 г., было ликвидировано, объединенное общее присутствие совета включало как действительных членов, назначавшихся министром, так и непременных: генерал-штаб-докторов военного и морского ведомств и директора медицинского департамента⁶. Ученая часть Адмиралтейского департамента в 1827 г. была преобразована в Морской ученый комитет. Его состав сократился до 4 человек, причем члены комитета не избирались, а назначались министром и утверждались императором⁷.

Вновь образуемые ученые комитеты – а большинство из них возникают в 20-30-е гг. XIX в. – в соответствии с “Положениями” включают в свой состав все вышеперечисленные группы членов и сотрудников, значительная часть которых назначается, а не избирается.

Ранг классовых чинов в первую половину XIX в. был закреплен штатами ученых комитетов только военных ведомств. “Положения” о Военно-ученом комитете предусматривали назначение председателя (с 1819 г. – директора) комитета – “из генералитета”, начальников отделений – “из генералов”, членов – “из генералов и полковников”⁸. Аналогичным образом строился штат и Морского ученого комитета в период 1827-1847 гг.⁹ На протяжении первых двух десятилетий своего существования все четверо членов, его составлявших, находились в чинах адмиралов и генералов.

Штаты гражданских министерств, далеко не всегда определяли табельный ранг членов комитетов, поскольку в части из них на протяжении всего исследуемого периода сохранялся принцип пополнения состава выборным путем. Однако состав действительных членов комплектовался по преимуществу лицами, принадлежавшими к IV-III классам табели о рангах. Приведенная ниже таблица содержит сведения о распределении по классовым чинам членов двух ученых комитетов: Министерства государственных имуществ и Горного ученого комитета, дающих наиболее представительную в количественном отношении выборку данных¹⁰.

Распределение по классовым чинам действительных и непременных членов ученого комитета МГИ и Горного ученого комитета за 1837–1885 гг.

Учреждение	III класс	IV класс	V класс	VI класс	VII класс	Всего	В том числе имевшие академические звания
Ученый комитет МГИ	9	8	5	5	1	28	2
Горный ученый комитет	16	7	1	—	—	25	2
Всего:	25	15	6	5	1	53	4

Как явствует из таблицы, в Ученом комитете МГИ 17 из 28, а в Горном ученом комитете 24 из 25 членов состояли в генеральских чинах, статских или военных. По данным П.А. Зайончковского и С.В. Мироненко, именно этот слой чиновничества соответствовал по своему рангу правящей бюрократической элите, занимавшей ключевые должности в органах государственного управления¹¹.

Столь очевидное преобладание в составах комитетов лиц, принадлежавших к высшим ступеням чиновной иерархии, указывает на наиболее общий, интегрированный критерий подбора кадров, в том числе и для таких специфических подразделений, какими были ученые комитеты. Служба и сопутствующее ей продвижение по иерархической лестнице в равной мере распространялось и на ученое сословие. В глазах правящего слоя ученый не воспринимался в отрыве от своего табельного чина. Просвещенная бюрократия, вызвавшая к жизни вспомогательные ученые подразделения как способ соединения науки и государственного управления, не могла, тем не менее, выйти за рамки корпоративных предубеждений и привлечь к работе в составе советов и комитетов более широкие и, следовательно, демократичные слои нарождающейся научной интеллигенции.

В соответствии с этими критериями далеко не все представители академической и вузовской науки могли сделаться в полной мере “своими” в коридорах власти. Как уже отмечалось, в первую половину XIX в. ординарный академик имел чин всего лишь шестого класса, а ординарный профессор – седьмого. Только с принятием нового Устава 1863 г. чины ученой корпорации были пересмотрены, и служебный ранг академика и ректора университета был поднят до “генеральского уровня”, стал соответствовать четвертому классу (действительный статский советник)¹². Тем не менее большинство ученых, если их служба ограничивалась только педагогической или научной карьерой, не достигали столь высокого рангового уровня.

В итоге, скорее можно говорить об обратной тенденции: привлечение ученых в состав высшей администрации влекло за собой повышение их табельного ранга, становилось источником карьерного роста, достичь которого иными способами было бы невозможно. Подсчеты, приведенные П.А. Зайончковским о численности профессоров, академиков и преподавателей в составе чиновников, принадлежавших к первым четырем классам, косвенно иллюстрируют процесс инкорпорирования научной элиты во власть. Если в середине XIX в. (в 1853 г.) эта категория лиц вместе с начальниками учебных заведений составляла

лишь 8,8% в составе чинов IV класса (48 человек, из них 10 ректоры и директора учебных заведений), то четверть века спустя, в 1878 г., таковых было уже 12,9% (258 человек, из них 110 возглавляли учебные заведения). К началу XX в. процент ученых и руководителей учебных заведений в составе чиновников IV класса вырос до 16,3%¹³.

Кто же из представителей науки входил в состав ученых комитетов и советов в должности действительных членов? По преимуществу лишь та часть ученых, кто тесно связывал в своей карьере науку и практическую административную деятельность, что давало им возможность подняться по служебным ступеням до высших рангов.

Эта тенденция могла быть наиболее последовательно и органично реализована лишь в деятельности ученых комитетов таких ведомств, где научная и техническая составляющие тесно переплетались со спецификой управления отраслью государственного хозяйства.

Так, Горный ученый комитет (по “Положению” 1834 г.), включал в свой состав ряд неперменных членов, в том числе, и несколько чиновников горного ведомства, назначаемых “высочайшей властью” и “действительных членов общих собраний”, избравшихся комитетом¹⁴. Последняя категория первоначально составила из числа членов Горного ученого комитета, существовавшего в 1825-1834 гг. при Горном корпусе. В последствии она пополнялась из числа наиболее известных ученых и практиков горного дела.

В составе неперменных членов Горного ученого комитета были: директор и вице-директор Горного департамента, директоры Горного института и Геологического комитета, представители военного и морского министерств, Императорского двора, Монетного двора, начальники Горных управлений во время нахождения в столице.

Рассмотрим персональный состав комитета в 30 – 90-е гг. XIX в. Большинство из его членов (что было типично и для других ученых комитетов за исключением случаев коренной реорганизации подразделений) занимали свои должности на протяжении длительного времени, поэтому изменение состава происходило эволюционным путем.

В течение исследуемого периода в состав Горного ученого комитета входили 3 члена Академии наук: академики Г.П. Гельмерсен, Н.И. Кокшаров и А.П. Карпинский как директор Геологического комитета по должности. Все они вряд ли могут быть отнесены к числу сугубо кабинетных ученых. Их научная деятельность тесно переплеталась с практическими задачами Горного ведомства.

Первым академиком в составе Горного ученого комитета (с 1837 по 1885 г.) был Г.П. Гельмерсен. По окончании Дерптского университета в 1828 г. он начал службу в Министерстве финансов, а с 1833 г. начинает регулярно командироваться для геологических изысканий. Г.П. Гельмерсену принадлежит заслуга создания первой геологической карты всей Европейской России – работа, удостоенная в 1842 г. Демидовской премии Академии наук¹⁵. С избранием в 1844 г. адъюнктом Академии, а с 1850 г. – ординарным академиком, Гельмерсен продолжает активно участвовать в делах горного ведомства. Он пропагандирует необходимость создания специального геологического подразделения в составе Горного департамента. Лишь в 1882 г. его старания увенчались успехом и он был назначен первым директором учрежденного Геологического комитета.

Выпускник Горного корпуса Н.И. Кокшаров (в составе Комитета с 1857 по 1891 г.) – ведущий специалист в области минералогии во второй половине XIX в. Избранный в 1855 г. адъюнктом Академии наук, двумя годами позже становится членом ученого комитета. Главным труд, создававшийся Кокшаровым в течение жизни – “Материалы для минералогии России”, – являлся главным пособием в стране, как для студентов, так и для практических горных инженеров. С 1866 г. Н.И. Кокшаров – ординарный академик, а с 1865 г. – директор Минералогического общества¹⁶.

А.П. Карпинский вошел в состав комитета в 1885 г. одновременно с назначением на должность директора Геологического комитета. Годом позже, в 1886 г., избирается академиком. Выдающемуся русскому геологу в это время было всего 40 лет. Его научной и административной деятельности в составе ученого комитета предшествовала разносторонняя практика в качестве преподавателя, полевого исследователя¹⁷.

Минералогическое общество – одно из старейших в России и, что особенно важно, тесно связанное в своих задачах и практической деятельности с интересами горного ведомства – представлял его президент – герцог Н.М. Лейхтенбергский.

Остальные члены комитета, за исключением представителей заинтересованных министерств, делегированных в состав в качестве непременных членов, представляли лучшие силы инженерных кадров Горного ведомства. Сочетание практической и научной деятельности для большинства горных инженеров XIX в. отвечало представлению о профессиональном предназначении. По воспоминаниям М.А. Павлова, каждый выпускник Горного института в прошлом веке считал делом

честь опубликовать хотя бы одну статью в “Горном журнале”¹⁸. Почти все они, кроме Г.П. Гельмерсена, окончившего Дерптский университет, были питомцами этой “кузницы” специалистов горного дела.

Вступлению в состав комитета для подавляющего большинства его членов предшествовала разносторонняя и многолетняя практика на инженерном, административном и научном поприще. Так, А.А. Иосса до вхождения в состав ученого комитета занимал должность начальника горного округа, а Н.А. Кулибин (внук механика-самоучки И.П. Кулибина) – заведующего лабораторией Министерства финансов.

Немалая часть будущих членов комитета стажировалась за границей, изучая лучший зарубежный опыт: Г.А. Иосса, Н.А. Кулибин, В.К. Рашет, К.А. Скальковский в разное время учились в иностранных учебных заведениях или посещали зарубежные предприятия горной отрасли. Последний – К.А. Скальковский – посетил Америку, Западную Европу, Индию, Китай и Японию.

Значительное число членов ученого комитета сочетали научную и преподавательскую деятельность. В разное время профессорами Института корпуса горных инженеров (Горного института) являлись Г.П. Гельмерсен, Г.А. Иосса, Н.А. Кулибин, Г.Д. Романовский и другие.

Достаточно типичной была профессиональная судьба И.А. Тимме (член Горного ученого комитета с 1873 г.), крупного специалиста в горнозаводской механике, металлургии и ряде других отраслей горного дела¹⁹.

Иван Августович родился в 1838 г. в семье медика, служившего “по горному ведомству” в Златоусте. По окончании Института корпуса горных инженеров в 1858 г. работал в Екатеринбургском горном округе, проявив себя талантливым механиком. В 1863 г. при расформировании Корпуса горных инженеров многим из них, в связи с сокращением штатов, предлагались зарубежные стажировки. И.А. Тимме отправляется на учебу в Германию и Англию, где занимается изучением железодельного производства и проектированием паровых машин. Уже во второй половине 60-х годов способности и богатый опыт Тимме оказались востребованными: начинается строительство казенного Лисичанского металлургического завода в Донецком бассейне. Это было первое отечественное предприятие современного по тем временам технического уровня, полностью оснащенное отечественным оборудованием. Все необходимое для оснащения нового завода проектировалось и изготавливалось под руководством И.А. Тимме. В 1870 г., в год пуска Лисичанского завода, И.А. Тимме защищает диссертацию по сопротивлению

материалов в Горном институте и становится его ординарным профессором. В 1873 году он принимает на себя обязанности члена Горного ученого комитета, став самым молодым его членом. К моменту избрания А.И. Тимме было 35 лет.

Высокопрофессиональный кадровый состав, сочетание богатого практического и административного опыта с высоким научным потенциалом, позволили Горному ученому комитету наряду с Горным институтом стать действительным средоточием ведомственной науки, оказав “весьма важные услуги, как горной технике, так и вообще горнозаводской промышленности России”²⁰.

Однако и этому ученому подразделению не удалось избежать конфликта профессионального и бюрократического начал. В 1875 г. директором Горного департамента был назначен Ф.И. Раселли, не являвшийся специалистом в области горного дела ни по образованию, ни по практическому опыту. Поскольку по “Положению” 1863 г. должность директора совмещалась с должностью председателя комитета, вопрос был вынесен на рассмотрение высших инстанций. Надо отдать должное министерскому руководству, по представлению которого высочайшим указом председателем ученого комитета был назначен А.А. Иосса, опытный горный инженер. С этого времени комитет возглавлялся только учеными и специалистами горного дела²¹.

Формальные статистические данные далеко не в полной мере могут отразить состав ученых комитетов и те изменения, которые в нем происходили. Тем более, что сами критерии отнесения тех или иных членов к числу “ученых”, “представителей бюрократии”, как это видно из анализа состава Горного ученого комитета, оказываются достаточно размытыми. Рассмотрим состав второго ученого комитета, давшего материал для количественного анализа в рамках приведенной выше таблицы: Ученого комитета МГИ.

Относительно небольшое число членов ученого комитета – менее половины – можно отнести к представителям профессиональной науки, составившим себе научное имя до вступления в состав комитета. У истоков Ученого комитета МГИ стоял академик П.И. Кеппен, возглавлявший III департамент, при котором было сформировано это ученое подразделение. Сам П.И. Кеппен был членом комитета в 1841-1864 гг. В конце 1850-х гг. в составе комитета работал и второй представитель академической элиты – Н.И. Железнов (адъюнкт Академии наук с 1853 г.). Во второй половине XIX столетия представительство профес-

сиональных ученых в составе действительных членов комитета расширяется. Это – И.И. Селезнев, В.И. Ковалевский, П.А. Костычев и другие.

Вкладом николаевского времени в состав комитета было участие в нем трех представителей военной бюрократии, причем генерал-адъютант И.Ф. Деллинсгаузен даже возглавлял комитет в 1837-1839 гг.²² Пришедший ему на смену Е.Ф. фон Брадке (председатель комитета в 1839-1844 гг.) представлял собой яркий пример “управленческого универсализма”. Окончив Петербургскую школу колонновожатых, до того, как возглавить Ученый комитет III департамента МГИ, он служил в Управлении военными поселениями, был попечителем Киевского учебного округа и т.п.²³

Весомым было представительство в составе комитета чиновников, сделавших карьеру в министерстве. Наука не была чужда им хотя бы в силу основательного образования и, нередко, специальной подготовки: все члены Ученого комитета МГИ имели за плечами либо университетское, либо другое высшее образование. Многие имели печатные труды, статьи в ведомственных изданиях Министерства госимуществ. Тем не менее их путь к участию в работах ученого комитета шел через ответственные министерские посты, а не через профессиональную научную или педагогическую деятельность. К числу таких “чиновников-ученых” можно отнести Н.Я. Данилевского, А.С. Ермолова, Е.А. Петерсона и других.

В составе ученого комитета может быть условно выделена и еще одна группа членов. Наиболее яркими ее представителями окажутся в первой половине столетия А.П. Заблоцкий-Десятовский и В.Ф. Одоевский, а во второй половине XIX в. – Ф.А. Баталин, на протяжении долгого времени совмещавший должность редактора министерского журнала с членством в ученом комитете. Их с полным основанием можно назвать популяризаторами сельскохозяйственных знаний, создателями книг для крестьянского чтения. Эта задача, которая являлась одним из самостоятельных направлений деятельности комитета с начала 40-х годов XIX в., и группировала своих приверженцев и исполнителей в составе его членов.

Выделенные группировки в составе членов комитета в 30-80 гг. носят условный характер и призваны лишь проиллюстрировать разнородность его состава. В отличие от Горного ученого комитета, Ученый комитет МГИ был предназначен для решения весьма широкого круга задач. Именно поэтому он формировался вплоть до начала 1890-х гг. не только представителями ученого мира в узком значении этого слова, но

и чиновничеством. Состав комитета отражал и степень зрелости, в первую очередь, – социальной – всего комплекса наук, обеспечивающего сельскохозяйственное производство, востребованность научных знаний и рекомендаций в государственном и народном хозяйстве.

Именно тревожные тенденции пореформенного развития аграрного сектора России, особенно аграрный кризис 80-х – начала 90-х гг. XIX в. вызвали в начале 90-х гг. коренную реорганизацию структуры этого ученого комитета. Новое “Положение” 1894 г. об Ученом комитете Министерства земледелия и государственных имуществ принципиально изменило подходы к комплектации состава действительных членов. С этого времени каждый член ученого комитета не только являлся специалистом в конкретной отрасли сельскохозяйственного знания, но и руководил одним из специализированных бюро комитета²⁴. Существенными были и изменения в статусе неперменных членов: все они присутствовали в комитете только “по предметам их ведомства”, что существенно повышало роль профессионального ядра его действительных членов²⁵.

Несмотря на кажущуюся очевидность, объективность тенденции к усилению роли специалистов в кадровом составе ученых комитетов, сила отторжения “чужеродных” для бюрократического аппарата элементов, каковыми нередко оказывались представители научной и инженерно-технической интеллигенции, была значительной.

Медицинский совет, как отмечалось выше, переживал на протяжении первых четырех десятилетий своего существования несколько кардинальных реорганизаций, и вплоть до 1842 г. главной линией реформирования этого подразделения была бюрократизация его структуры и состава.

Подготовленный в 1823 г. в Медицинском департаменте МВД проект реорганизации Медсовета предлагал заменить выборный состав совета двенадцатью медицинскими чиновниками, каждый из которых получит “особенную обязанность по каким либо из частей врачебную науку составляющих”, а президент будет назначен “из гражданских чиновников третьего класса”²⁶. Доработку проекта должен был осуществить особый комитет “О лучшем устройстве гражданской медицинской части ...”, действовавший при министерстве А.А. Закревского. В последующие годы “творческая мысль” руководителей департамента сосредоточенно трудилась над уменьшением расходов на Медицинский совет, и, соответственно, над сокращением его численности. Так, к 1836 г. – когда было утверждено новое Положение о Медицинском совете, – число

членов сократилось с 12- (проект 1823 г.) до 9 (проект 1828 г.), а затем в итоге до трех²⁷.

Жалование членам Совета было сокращено с 3 тыс. до 2 тыс., а общая смета с 42,7 тыс. до 15,2 тыс. руб. серебром²⁸. Особенно симптоматично выглядит данная эволюция на фоне страшной эпидемии холеры, разразившейся в России в 1830-1831 гг. Именно Медицинский совет являлся тем государственным органом, который был призван выработать меры борьбы с эпидемиями. Беспомощность правительства и масштабные последствия этого бедствия хорошо известны и неоднократно описаны в литературе.

Тем не менее объективная потребность в государственной координации и руководстве врачебной наукой заставили руководство МВД пересмотреть принципы комплектования Медицинского совета и придать ему на деле характер научного коллегиального органа. В рамках принятого по инициативе Л.А. Перовского нового “Положения о Медицинском совете” (1842 г.), наряду с неперменными членами (управляющими медицинскими ведомствами гражданской, военной и морской частей), состав Совета комплектуется из числа врачей – “чиновников медицинских и фармацевтических, известных по их знаниям, опытности и общему уважению, в ученом свете ими приобретенному”²⁹. Отдельным параграфом Положения определялось, что председатель Совета мог быть назначен только из числа врачей³⁰. Выработанная структура Медицинского совета сохранялась вплоть до начала XX в. (до 1904 г.).

Предпринятые меры действительно позволили привлечь к работе в составе “высшего врачебно-ученого места” высококлассных специалистов-медиков, ученых, работавших в смежных областях знания, в первую очередь, химиков. Члены Медицинского совета: Н.И. Пирогов, С.П. Боткин, Н.Ф. Здекауэр, В.В. и Е.В. Пеликан, В.В. Пашутин, Н.В. Склифассовский и другие известные врачи; химики – Н.Н. Зинин и Д.И. Менделеев представляли лучшие силы российской науки XIX в.

Приведенные выше примеры достаточно наглядно иллюстрируют основные тенденции и противоречия, которыми определялось развитие кадрового ядра в составах ученых комитетов – действительных и неперменных членов комитетов и советов.

Стремление организовать деятельность ученых подразделений в тесном контакте с более широким кругом ученых и практиков предопределило построение ряда ученых комитетов подобно академическим кор-

порациям, заимствование традиционной для научных организаций практики “дистанцированного” членства.

Члены-корреспонденты не были сотрудниками комитетов в узком значении этого понятия. Численность корреспондентов не определялась штатами, вознаграждения за труды им не полагалось, соответственно, и вклад в работы комитета не являлся строго регламентированным. В истории большинства ученых комитетов эта группа членов не сыграла существенной роли. Утверждение тех или иных лиц в звании члена-корреспондента ученого комитета носило большей частью статусный характер, как свидетельство признания заслуг в научной или практической деятельности, или, если речь шла о представителе чиновного мира, как знак уважения к его служебному положению, чинам, титулу.

С учетом изложенных выше обстоятельств особенно интересной представляется попытка создания реально действующих корреспондентских сетей во второй половине 30 – 40-х гг. XIX в. Ученым комитетом III департамента МГИ и Статистическим отделением Совета МВД.

При всех различиях, общих и частных в задачах этих подразделений, они остро нуждались в получении разнообразной информации с мест. Органы губернского административного управления не могли снабдить ученые комитеты надежной информацией, как с точки зрения качества, так и оперативности. Система отчетности, громоздкая и не обеспеченная должной подготовкой лиц, ее исполняющих, не отвечала потребностям даже текущей ведомственной статистики. Тем меньше были возможности ее использования для решения научно-прикладных задач. Таким образом, стремление ученых комитетов найти среди жителей провинции – чиновников, помещиков, немногочисленных представителей интеллигенции – соратников и помощников в выполнении своих программ, было вполне очевидным.

К.И. Арсеньев, вдохновитель и организатор созданного в декабре 1834 г. при Совете МВД Статистического отделения, возлагал большие надежды на помощь членов-корреспондентов в деле расширения статистических исследований. Уже к середине 1835 г. в звании членов-корреспондентов было утверждено 53 человека³¹. Каждому из избранных отправлялся диплом и пожелания принять деятельное участие в делах Статистического отделения. Состав корреспондентов пополнялся “из людей, отличающихся сведениями и опытностью в делах внутреннего управления”, как определяло главные требования

к членам-корреспондентам “Положение” о Статистическом отделении³².

Состав этих лиц весьма показателен по своим социальным характеристикам и территориальному распределению. Основные параметры сведены в приведенную ниже таблицу³³:

Численный состав членов-корреспондентов
Статистического отделения в 1835 г.

Чин, сословная принадлежность	Санкт-Петербург	Москва	Губернии Центра	Губернии Юго-запада	Сибирь, Урал	Польша	Грузия	Всего
II класс	6							6
III класс	5	1			2	1		9
IV класс	1	2	5	1			1	10
V класс		3		1			1	5
VI класс	2						1	3
VII класс			2					2
VIII класс			1	1				2
Священнослужители			4	1				5
Прочие		2				1		3
Всего:	14	8	12	4	2	2	3	45

Последующее увеличение численного состава членов-корреспондентов Статистического отделения лишь в малой степени изменило сложившиеся пропорции.

Как видно из таблицы, наиболее значительную часть корреспондентов составляли жители столиц: суммарно 22 человека (41,5%). Следующей по численности группой были члены-корреспонденты губерний Центра (Владимирская, Казанская, Костромская, Нижегородская и др.) и черноземной зоны (Курская, Тамбовская). Губернии Юго-запада, Урала, Сибири и национальных окраин были представлены лишь единичными корреспондентами (26,5% в общей сложности).

По формальным параметрам социальная принадлежность членов-корреспондентов выглядела следующим образом: численно превосходящей группой было чиновничество – 44 человека (83%), духовенство – 5 человек (9,4%), в составе оставшихся 4 человек, данные по которым неполны, – три представителя титулованной знати и городской голова.

Санкт-Петербург был представлен главным образом высшей бюрократической элитой: М.М. Сперанский, Е.П. Ковалевский, Л.А. Перовский и др., и многочисленными представителями ученого мира, занимавшими в то же время высокие административные посты: М.А. Балугьянский, А.Н. Оленин, Ф.Ф. Шуберт. В составе членов-корреспондентов провинциальных центров самостоятельной группой выделяются губернаторы: Восточной Сибири – С.Б. Броневский, Оренбургской – В.А. Перовский, Тверской – А.П. Толстой и др. Духовенство в числе членов-корреспондентов было представлено предстоятелями митрополий и епархий: Киевской, Владимирской, Костромской, Нижегородской и Тамбовской.

Таким образом, в целом состав членов-корреспондентов Статистического отделения был образован представителями высшей столичной и провинциальной бюрократии. Трудно было ожидать, что эта категория корреспондентов в силу своей загруженности многими делами сможет стать реальной опорой отделения. И министерство предпринимает попытку расширить круг за счет мобилизации сил провинции. В сентябре 1836 г. товарищем министра Внутренних дел гр. А.Г. Строгановым было направлено письмо всем начальникам губерний. В этом послании губернаторам предлагалось сообщить в министерство о лицах, «кои бы по своим нравственным качествам, знанию местности и готовности содействовать трудам Статистического отделения могли быть избраны в члены-корреспонденты онаго»³⁴.

Списки были представлены, но итоговый результат был мизерным. Кандидатами в члены-корреспонденты были предложены большей частью крупные помещики, действующие и отставные чиновники. Реакция последних на предложение войти в состав корреспондентов комитета была крайне «прохладной». Так, из 29 человек, предложенных к избранию по Нижегородской губернии, согласились принять на себя обязанности членов-корреспондентов лишь 6, остальные отговорились занятостью и нездоровьем³⁵.

Провинциальное дворянство в основной своей массе отнюдь не чувствовало в себе призвания и не видело практической нужды пускаться в ученые занятия. Шаблонное для николаевского времени решение опереться на дворянство и в этом вопросе потерпело неудачу.

Статистическому отделению, тем не менее, удалось расширить корреспондентскую сеть к концу 1836 г. до 125 человек³⁶. Уровень активности большинства из них оказался невысок. К следующему, 1837 г. от членов-корреспондентов было получено 14 материалов, т.е. чуть более

10% общей численности избранных представили в МВД свои работы³⁷. Качество и практическая ценность сообщений членов-корреспондентов также весьма разнились. Наряду с описаниями городов, промышленных предприятий и т.п., Статистическое отделение получало в свой адрес данные «о собирании простонародных лекарственных способов» (присланы членом Тамбовского приказа общественного призрения), предложения об устройстве в городе Рыбинске «каменной набережной с решетками», проекты по развитию и переустройству Новороссийского края от члена-корреспондента из Одессы Гладкого. В отчете за 1842 г. К.И. Арсеньев вынужден был отметить, что «результаты работ членов корреспондентов год от года становятся несравненно беднее»³⁸.

Причины малой эффективности корреспондентской сети Статистического отделения, как и вопрос о результатах иных попыток наладить широкое взаимодействие между учеными комитетами и общественностью на местах в первой половине XIX в., был связан с широким комплексом факторов и выходят за рамки сугубо количественных и качественных характеристик состава членов-корреспондентов.

Опыт Статистического отделения МВД достаточно убедительно, на наш взгляд, демонстрирует отсутствие в провинции 30-40 гг. XIX в., особенно среди дворянства и чиновничества, сложившихся интересов, стимулов, общественных настроений, которые могли бы способствовать развитию сколь-нибудь заметной социальной активности. Только начинавший формироваться слой провинциальной интеллигенции, более демократичный по своему составу, не мог быть востребован как из-за сословных предубеждений николаевской бюрократии, так и из-за их малочисленности в составе населения российской провинции второй четверти XIX столетия.

Активное комплектование корреспондентской сети Ученого комитета Министерства государственных имуществ также осуществлялось во второй половине 30-х, в сороковых годах XIX в. С момента образования ученого комитета (1837 г.) до начала пятидесятых годов, т.е. за 15 лет, численность членов-корреспондентов выросла до 108 человек³⁹.

Избрание в члены-корреспонденты происходило либо по предложению одного или нескольких действительных членов комитета, либо по личной просьбе соискателя. Мотивами к принятию положительного решения служили, как правило, наличие у кандидата публикаций по сельскохозяйственной тематике, активная переписка с комитетом, предоставление интересующих сведений, практические успехи помещиков

в развитии конкретных отраслей хозяйства (овцеводство, картофелеводство, лесоразведение в южных районах и т.п.)⁴⁰.

Вопросы, находившиеся в сфере внимания Ученого комитета МГИ, казалось бы, должны были быть ближе к насущным проблемам помещика, нежели статистические работы МВД. Хозяева, перестраивающие аграрное производство в соответствии с рекомендациями науки, могли найти в Ученом комитете МГИ просвещенного и заинтересованного союзника. В какой степени оказалась реализованной эта потенциальная возможность сотрудничества сельскохозяйственного ведомства и прогрессивных хозяев из числа помещиков? Сколь значительным было представительство научных кадров? Как выглядели на уровне членов-корреспондентов зарубежные связи Ученого комитета МГИ?

Комплекс данных о членах-корреспондентах МГИ, как и сведения о корреспондентских сетях других ученых комитетов, не содержат, к сожалению, информации для детальной характеристики лиц, избравшихся членами-корреспондентами. Как опубликованные списки, так и сведения, отложившиеся в архивных фондах, включают данные о классных чинах для лиц, находившихся на государственной службе, либо служивших ранее, и место проживания. Для тех членов-корреспондентов, которые не входили в разряд чиновников, как правило, указывалась сословная принадлежность или род занятий (мещане, почетные граждане, помещики и т.п.).

Ряд существенных черт, характеризующих состав членов-корреспондентов, тем не менее выявить можно. Рассмотрим данные, находящиеся в нашем распоряжении.

В таблице (См. Приложение 2. "а" и "б") представлены в формализованном виде сведения о составе членов-корреспондентов Ученого комитета МГИ на конец 1853 г. без учета иностранных корреспондентов⁴¹. В графах 4 – 8 количественные показатели даны в виде дробных значений: в числителе – члены-корреспонденты, живущие в губернских городах, в знаменателе – в уездных и в сельской местности.

Подавляющее большинство лиц, состоявших членами-корреспондентами комитета, так же, как и члены-корреспонденты Статистического Отделения Совета МВД, были чиновниками, действующими или в отставке (см. табл. "а"). В классных чинах состояли 84 человека (77,7%). Из них наиболее крупную группу образовывали чиновники IV–V классов: 44 человека (40,7%).

Попытаемся, насколько возможно, дифференцировать эту группу, тем более что статус государственного служащего был более чем универсальным, объединяющим самых разнообразных людей.

Членов-корреспондентов, имеющих ученые степени и ученые звания, (см. табл. "б") было 24 человека (22,2%). Это достаточно высокий показатель, свидетельствующий о стремлении привлекать к сотрудничеству имеющиеся научные силы. Среди них: шестеро – ординарные академики Академии наук, 13 – профессора высших учебных заведений, трое из числа членов-корреспондентов имели степень доктора и двое – магистра. В числе ученых, тесно сотрудничавших с Ученым комитетом, известные естествоиспытатели, академики Ф.Ф. Брандт, К.М. Бэр, А.Я. Купфер, Ю.Ф. Фрише, талантливый русский химик А.А. Воскресенский, зоолог С.С. Куторга и другие.

Более половины (64%) от общего числа ученых – представители Санкт-Петербургской академии, столичного университета и Медико-хирургической академии. Провинциальные университетские центры были представлены в существенно меньшей степени, за исключением Гельсинфорса, – по одному человеку.

Как видно из таблицы (см. Табл. "а"), к категории помещиков (по роду занятий) в списках отнесены лишь три человека. Это, естественно, не означало, что данная группа была представлена столь малым числом членов-корреспондентов. В определенной степени, косвенно, о примерном количестве сельских хозяев, в том числе из числа бывших чиновников, позволяет судить разбивка состава корреспондентов по месту жительства.

Соотношение жителей столиц и губернских центров к жителям уездных и сельских населенных пунктов в целом близко к 3 : 1 (на 78 жителей столиц и губернских городов приходилось 30 членов-корреспондентов, проживавших в уездах), то есть лишь один из четырех членов-корреспондентов проживал за пределами крупных городов. Однако, если мы рассмотрим данный показатель по отдельным регионам, то в губерниях Центра и Юга России, Юго-Западных губерниях (Украина и Новороссия) и в Белоруссии данное соотношение будет близко к 1:1.

Вероятно, что определенная часть членов, проживавших в уездных центрах и сельской местности, могли принадлежать к служилому чиновничеству, и их сотрудничество с Ученым комитетом МГИ не было основано на опыте и интересах ведения собственного помещичьего хозяйства. В то же время и жители губернских центров могли иметь поме-

ства. Тем не менее представляется вероятным, что отмеченное количество лиц, проживавших в уездах, было близко к количеству землевладельцев, что составляет около 30% общего состава членов-корреспондентов комитета. В пользу высказанного предположения говорит и тот факт, что именно перечисленные губернии являлись основными сельскохозяйственными районами империи и давали вторую по численности после Санкт-Петербурга и Москвы группировку членов-корреспондентов (44 против 49 членов-корреспондентов – жителей столиц).

Состав иностранных членов-корреспондентов комитета – в 1853 г. их численность составляла 18 человек – не нашел отражения в таблице. Данные об этой категории членов-корреспондентов трудно поддаются систематизации. В их числе английский и французский аристократы-землевладельцы, плантатор в Техасе, шесть профессоров европейских высших учебных заведений, писатели, представители чиновничества⁴². Из представителей европейской науки к числу действительно известных ученых может быть отнесен лишь В. Гукер, выдающийся английский ботаник-систематик, создатель обширной ботанической коллекции. Итак, зарубежные связи Ученого комитета МГИ на уровне членов-корреспондентов если и являлись обширными в плане географическом, то вряд ли могут быть сочтены представительными.

Таким образом, состав корреспондентской сети Ученого комитета Министерства государственных имуществ не может быть охарактеризован как оптимальный с точки зрения стоявших перед ним задач. Скорее, в нем отразились те реалии и возможности, которыми располагало российское общество во второй четверти XIX в. и которыми было готово воспользоваться правительство.

Последнее немаловажно. Оценивая совокупный состав членов-корреспондентов комитета, нельзя не заметить четкой сословной ориентации, избегавшей представителей податных групп населения. Если помещик, активно развивавший товарные отрасли хозяйства, проявлявший интерес к новинкам земледелия и животноводства, обращался с запросом в Ученый комитет, то нередко получал предложение стать его членом-корреспондентом⁴³. Иное отношение проявлялось к талантливым хозяевам из числа крестьян.

Принципиальные установки государственной политики на поддержку помещичьего землевладения вгоняли деятельность Ученого комитета в “прокрустово ложе” сословных ограничений. Наглядным примером бессилия членов комитета перед бюрократическими заслонами является

их попытка помочь тверскому государственному крестьянину Н.М. Серову.

Нил Михайлович Серов был одним из многих самородков, умевших и в условиях России середины XIX столетия демонстрировать чудеса хозяйственной предприимчивости. По оценке Московского императорского общества сельского хозяйства, наградившего Н.М. Серова золотой медалью, этот крестьянин, “не получив никакого образования, собственным умом и опытом достигает в своем хозяйстве превосходных результатов”⁴⁴.

В 1858 г. Серов купил неподалеку от г. Бежецка 169 десятин земли за 12 тыс. 800 руб. (!) “Осознав, что в данной местности земледелие без скотоводства немыслимо”, он заводит десятипольный севооборот с посевом клевера и льна и стадо в 40 голов крупного рогатого скота. Помимо рекордных для Тверской губернии урожаев, Н.М. Серов получал по 6 пудов “чухонского масла” в год на одну корову. Причиной, побудившей Н.М. Серова обратиться в высокие инстанции, стала его попытка завести “племенной рассадник” местной породы коров. Для получения ссуды он предлагал под залог свое имение и брал на себя обязательства ежегодно продавать по фиксированной цене определенное количество бычков и телок⁴⁵.

Ученый комитет, получивший дело на рассмотрение после долгих мытарств крестьянской просьбы по министерским кабинетам, не нашел иных способов помочь ему, как исходатайствовать в виде исключения серебряную медаль от Министерства государственных имуществ. (В соответствии с законодательством награды предназначались только “для помещиков и лиц всех вообще неподатных сословий”⁴⁶).

Таким образом, круг контактов Ученого комитета искусственно суживался, оказываясь подчиненным узко понимаемым интересам правительственной политики, зачастую в ущерб реальному делу.

Эффективность корреспондентской сети Ученого комитета МГИ также не может быть оценена однозначно. На протяжении 40–50-х гг. XIX в. в истории комитета есть примеры чрезвычайно плодотворного сотрудничества с членами-корреспондентами. Например, избранный в 1867 г. членом-корреспондентом помещик Екатеринославской губ. П.В. Бураков активно содействовал комитету в его начинаниях: он был отмечен золотой медалью МГИ за лесоразведение в степной зоне России, регулярно публиковал статьи по овцеводству, выступил как эксперт при отборе экспонатов на Парижскую выставку и пр.⁴⁷ В то же время немалое число корреспондентов ничем не проявило своего уча-

ствия в делах комитета. Необходимо также учитывать, что главная задача, которая ставилась при создании столь обширной сети членов-корреспондентов – была задача информационная. И именно она, как свидетельствует опыт участия членов корреспондентов в конкретных программах комитета, решалась совершенно неудовлетворительно⁴⁸.

Интегрированной оценкой эффективности корреспондентской сети может служить динамика численности членов-корреспондентов.

Во второй половине 1850-х гг. темпы, с которыми расширялась корреспондентская сеть, существенно снижаются. Так, в 1859 г. численность российских членов-корреспондентов составила 112 человек, т.е. увеличилась за 50-е гг. лишь на четыре новых члена, а численность иностранных – 19 (увеличение на 1 человека)⁴⁹. Качественно новые подходы к взаимодействию с силами провинции намечаются в деятельности Ученого комитета МГИ лишь в 80-е гг. XIX в., что было вызвано заинтересованностью ведомства в сборе оперативной информации о состоянии сельскохозяйственного производства.

Нельзя не отметить значительного сходства в составах корреспондентских сетей Статистического отделения Совета МВД и Ученого комитета МГИ. И в первом, и во втором случае основная масса членов-корреспондентов представлена чиновничеством. Из них, в свою очередь, более половины принадлежали к V и выше классам по табели о рангах, иными словами, представляли основной костяк бюрократической системы. Несмотря на стремление распространить корреспондентскую сеть в провинцию, около половины всех корреспондентов являлись жителями столиц – Санкт-Петербурга и Москвы. Представители ученого мира, входившие в состав членов-корреспондентов этих подразделений, были представлены членами Академии наук и столичных высших учебных заведений, составляя менее одной пятой части от общего числа членов.

Эти черты, характеризующие корреспондентские сети рассмотренных ученых подразделений, были типичными и для остальных ученых комитетов министерств и ведомств.

В развитии корреспондентских сетей ученых комитетов можно выделить два этапа: на первом из них (30 – 50-е гг. XIX в.) численность членов-корреспондентов существенно возрастает. Причиной активного и целенаправленного расширения корреспондентской сети было стремление наладить сбор информации по интересующим вопросам главным образом в провинции. Постигшая ученых комитеты фактическая неудача и поиск иных путей совершенствования информационной деятельно-

сти предопределили возврат к традиционному, академическому статусу звания члена-корреспондента, когда последние не отягощались какими либо обязательными поручениями, а ученые комитеты получали от своих корреспондентов в добровольном порядке сведения о проводимых работах, экземпляры издаваемых научных трудов и т.д. Новый характер взаимоотношений начинает складываться с 60-х гг. XIX в. и может быть обозначен как второй этап в развитии корреспондентских сетей исследованных ученых комитетов.

Полученный Ученым комитетом МГИ опыт, пусть не вполне удачный, позволил Министерству государственных имуществ в 80-е гг. XIX в. вернуться к созданию корреспондентской сети с информационными целями, но на совершенно новой основе. В 1880 г. по инициативе деятельного члена Ученого комитета МГИ А.С. Ермолова, будущего министра земледелия, и временно управлявшего Министерством государственных имуществ В.И. Вешнякова был организован сбор сведений о состоянии и ближайших перспективах сельскохозяйственного производства при помощи добровольных корреспондентов.

При организации этих работ был учтен не только имевшийся опыт, но и использован в качестве образца пример собирания текущих статистических сведений по сельскому хозяйству в Северо-Американских Соединенных Штатах. Наиболее существенным отличием новой схемы работы с корреспондентской сетью было использование четко разработанных и сравнительно простых вопросников, включавших главные опорные сведения: о видах на урожай, ценах на сельскохозяйственные продукты, рабочие руки и т.п. Кроме того, информация предоставлялась в четко фиксированные сроки: на 1 июня, 1 августа и 1 октября. С 1894 г. сведения собирались уже не три, а шесть раз в год.

С 1892 г. для ответов корреспондентам начали высылать оплаченные почтовым сбором конверты, а в 1897 г. Министерство утвердило особый нагрудный знак за аккуратное доставление сведений в течение 10 лет⁵⁰. Имена всех корреспондентов ежегодно публиковались в регулярном издании "Год 18... в сельскохозяйственном отношении по ответам, получаемым от хозяев", а затем в "Обзорах деятельности Министерства земледелия и государственных имуществ" за каждый год.

Успех предпринятой попытки был впечатляющим: если в 1881 г. в составе добровольных корреспондентов Департамента сельского хозяйства было 1257 человек, то к началу XX столетия их число превысило 5 тыс.⁵¹

¹ См.: Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. С.174; Павлова Г.Е. Организация науки в России ... С.106 и др.

² Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. С.36-41.

³ Положение о Военно-ученом комитете. СПб., 1836. С.26.

⁴ Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С.66.

⁵ Павлова Г.Е. Организация науки в России ... С.107-110.

⁶ ПСЗ-1. Т.XXXVIII. № 29057.

⁷ ПСЗ-2. Т.II. № 1325. §207.

⁸ Положение о Военно-ученом комитете. С.26.

⁹ ПСЗ-2. Т.II. Приложения. К № 1325.

¹⁰ Таблица составлена по данным: Списки личного состава служащих Министерства государственных имуществ // Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Т.1. Приложение. С.VIII-X, XX-XXI.

¹¹ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С.139-142; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. С.55.

¹² Рождественский С.В. Историческое обозрение деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. С.420.

¹³ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат ... С.91.

¹⁴ ПСЗ-2. Т.IX. № 6747; Т. XLII. № 44661.

¹⁵ Гельмерсен Г.П. // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т.3. С.743-744.

¹⁶ См.: Шафрановский И.И. Н.И.Кокшаров. М.-Л., 1964.

¹⁷ Романовский С.И. А.П.Карпинский. Л., 1981.

¹⁸ Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М., 1953. С. 43.

¹⁹ Добронизский А.В. Жизнь и деятельность И.А.Тимме // Записки Горного института. 1909. Т.2. Вып.2. С.84-107.

²⁰ Лоранский А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России. 1700-1900 гг. СПб., 1900. С.67.

²¹ Там же. С.95.

²² Списки личного состава Министерства государственных имуществ... С.VIII.

²³ Бадке фон Е.Ф. // Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т.2. С.247.

²⁴ Краткий очерк деятельности Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ за время с апреля 1894 по декабрь 1898 г. СПб., 1899. С.4.

²⁵ ПСЗ-3. Т.XIV. № 10457.

²⁶ Моисеев А.И. Ук. соч. С.13.

²⁷ ПСЗ-2. Т.XI. № 9319.

²⁸ Моисеев А.И. Ук. Соч. С.16.

²⁹ ПСЗ-2. Т.XVII. № 15202.

³⁰ Там же. §5.

³¹ РГИА, ф.1290, оп.3, д.201, л.6-7об.

³² ПСЗ-2. Т.XI. № 9319.

³³ Таблица составлена по данным: РГИА, ф.1290, оп.3, д.201, л.6-7об.

³⁴ РГИА, ф.1290, оп.3, д.203, л.1.

³⁵ ГАНО, ф.61, оп.1, д.3, л.2об-3; 4-18.

³⁶ РГИА, ф.1290, оп.1, д.104, л.3об.

³⁷ Там же. Л.6-6об.

³⁸ Там же. Л.39.

³⁹ Начальствующие лица Департамента сельского хозяйства [в 1853 г.]. СПб., 1854. С.12-17.

⁴⁰ РГИА, ф.398, оп.6, д.1546, л.1-32.

⁴¹ Таблица составлена по данным: Начальствующие лица Департамента сельского хозяйства [в 1853 г.]. С.12-17.

⁴² Начальствующие лица Департамента сельского хозяйства. С.17.

⁴³ См. например: РГИА, ф.398, оп.6, д. 1546, л.1-32.

⁴⁴ РГИА, ф.382, оп.1, д.70, л.5-5об.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ СЗ.Т.I. Устав об особых знаках отличия, ст. 836,112,113

⁴⁷ РГИА, ф.382, оп.1, д.38, л.2-2об.

⁴⁸ Из более чем 280 человек, принимавших участие в конкурсах Ученого комитета МГИ в 1841-1853 гг., членов-корреспондентов комитета было лишь 5 человек. Подробнее см. гл. III.

⁴⁹ Список членов-корреспондентов Ученого комитета МГИ в 1859 г. СПб., 1859.

⁵⁰ Гинс Г.К., Шафранов П.А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет. С.379-380.

⁵¹ Там же. С.380.

ГЛАВА 4

ОРГАНИЗАЦИЯ И ВАЖНЕЙШИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНЫХ КОМИТЕТОВ

4.1. Структура задач ученых комитетов

Задачи, ставившиеся перед учеными комитетами и советами, принципы и организация их деятельности в том виде, как они определялись нормативными документами, чрезвычайно важны для нашего исследования, поскольку дают возможность ответить на главный вопрос: какова была роль этих подразделений в системе административного управления?

В рамках настоящего параграфа предпринимается попытка систематизировать структуру задач (сферы ведения) ученых комитетов в том виде, как они были поставлены законодательными актами. Конечно, жизнь постоянно вносила свои коррективы, менялась иерархия целей и задач, ставившихся перед комитетами и советами, многие из функций, заложенных "Положениями", либо оказывались невостребованными, либо постепенно вытеснялись иными задачами. Тем не менее анализ комплекса нормативных документов позволяет более четко выявить специфику деятельности министерских ученых подразделений и ее изменения на протяжении XIX столетия.

Как уже отмечалось, в имеющейся литературе нет однозначного определения функционального назначения ученых комитетов. Их рассматривают и как органы ведомственного руководства наукой¹, и как форму организации науки². Имеются и иные формулировки³, которые отмечают соединение учеными комитетами исследовательских и управленческих функций. В какой мере эти утверждения отражают реально существовавший набор функциональных обязанностей ученых министерских подразделений на разных этапах их существования?

Материал, содержащийся в многочисленных нормативных "Положениях" о создании и реорганизации ученых комитетов и советов, сведен в две таблицы, отражающих структуру задач (предметы ведения) уче-

ных комитетов и советов в первую половину XIX в., и в пореформенный период. (См. Приложение 1 "а" и "б") Необходимость группировки по конкретным направлениям и неизбежная формализация отдельных задач заставили в данном случае пожертвовать некоторыми особенностями конкретных формулировок. Ряд положений, свойственных лишь отдельным ученым комитетам, также не нашли отражения в таблице. Тем не менее таблицы наглядно иллюстрируют основное содержание деятельности комитетов и советов в том виде, как они были сформулированы в законодательных актах.

Спектр задач распадается на три основных направления:

- Деятельность ученых комитетов и советов в сфере научной информации и распространения научных и технических сведений.
- Руководство и (или) контроль учебного процесса в ведомственных учебных заведениях, организация повышения квалификации кадров.
- Научно-консультативная, экспертная деятельность, руководство научно-исследовательскими работами ведомственных подразделений, координация научных и технических работ, научные контакты.

В общей сложности спектр задач включает в себя 14 пунктов (см. расшифровку значений столбцов к Приложению 1).

Самый общий взгляд на характер задач, ставившихся перед исследуемыми подразделениями, свидетельствует, что ни одно из предлагавшихся в литературе определений функциональной сущности ученых комитетов не соответствует в полной мере реальному положению и отражает лишь часть, причем не самую основную, набора их обязанностей. В наименьшей степени в деятельности комитетов играли роль управленческие задачи. Это не случайно: комитеты и советы, как было показано в главе I, создавались за пределами исполнительной вертикали и их решения "самостоятельной власти" не имели.

В первую половину столетия, как наглядно видно из таблицы (см. таблицу "а"), в задачах ученых подразделений преобладали информационные функции: распространение "ученых сведений" среди служащих ведомства, сбор научной информации, издание профильной научно-технической литературы и т.п. Заметную роль занимала и деятельность по надзору за ведомственными учебными заведениями. Собственно научно-исследовательские задачи комитетов и советов ограничивались большей частью рассмотрением изобретений и предложений, с которыми к ним обращались.

В пореформенное время картина меняется (см. таблицу "б"). Специализация комитетов и дробление их функций, во-первых, уменьшают

в целом набор задач ведомственных научных подразделений. Во-вторых, в значительно большем объеме оказывается представлена собственно научно-исследовательская функция и задачи по координации прикладных научных работ.

Данные таблицы позволяют выявить и еще один процесс: намечается разделение научных министерских подразделений на две типологически обособляющихся формы по принципу охвата различных сфер деятельности. Наряду с учеными комитетами, продолжающими решать широкий круг вопросов научного обеспечения правительственной деятельности, такими как Горный ученый комитет, Ученый комитет МГИ, появляются подразделения с относительно узким набором функций, сосредоточенные на решении немногих, большей частью экспертных задач: Технический комитет Главного интендантского управления, Педагогический комитет Главного управления военно-учебных заведений, Инженерный совет МПС и некоторые другие подразделения.

Между этими формами ведомственных ученых подразделений нет четкой грани. Большинство подразделений во второй половине XIX в. несли на себе признаки и той и другой группы. Однако это все более заметное обособление показывает объективно обозначившийся вектор эволюции вспомогательных ученых подразделений в структуре министерств и главных управлений империи.

Рассмотрим основное содержание деятельности ученых комитетов и советов в порядке уже выделенных направлений.

Функции сбора научной информации, как для сугубо внутриведомственного использования, так и в более широких просветительских целях, с момента возникновения первых ученых подразделений занимали важное место в их работе. Наиболее наглядным проявлением этой деятельности становятся библиотеки ученых комитетов, выполнявшие в ряде случаев роль ведущих научных собраний в рамках определенной отрасли знаний.

Накопление научных сведений осуществлялось в тесной связи и с издательской деятельностью комитетов и советов, что вполне закономерно. Например, Горный ученый комитет создается в 1825 г. именно для издания "Горного журнала". Издательские программы комитетов включали в себя выпуск периодических и продолжающихся изданий: журналов, записок, трудов, а так же отдельных монографий. В первую половину XIX в. в общей сложности 8 из 9 постоянных научно-вспомогательных подразделений, учтенных в таблице "а", комплектова-

ли свои библиотеки, а 7 из 9 в тех или иных формах осуществляли издательские программы.

В пореформенное время эти количественные соотношения снижаются, однако связано это было с выделением издательской деятельности, в первую очередь, редакций ведомственных периодических изданий в качестве самостоятельных структурных подразделений министерств. На практике ученые комитеты продолжали принимать активное участие в ведомственной периодике, зачастую включая редактора издания в состав своих членов. Характерно, что большинство ученых комитетов, созданных в первой половине столетия, и во второй половине XIX в., продолжают комплектовать свои библиотеки, осуществляют широкую издательскую деятельность (см. Таблицу "б"). Итак, информационная функция занимала существенное место в структуре задач ученых комитетов и советов, причем как в первую, так и во вторую половину XIX в. Мы подробно рассмотрим ее ниже в рамках V главы.

Курирование системы ведомственной подготовки кадров так же являлось постоянной сферой деятельности ученых комитетов и советов. Первой функцией, порученной комитетам в начале XIX в., становится аттестация государственных чиновников (в военных министерствах — офицеров), претендовавших на занятие должностей, требовавших специальных познаний.

Первым ученым подразделением, на которое были возложены эти задачи, стал Медицинский совет. В его обязанности входило "рассмотрение, каким из вызываемых или приезжающих в Россию иностранных врачей можно дозволить свободную здесь практику и на каком основании"⁴. Предполагалось, что Совет мог либо подвергнуть претендента испытанию, либо направить его для экзамена в Медико-хирургическую академию, либо "тем, кто сделали себе имя в ученом свете", дозволить практику безо всяких испытаний⁵. Задачи по аттестации кадров врачей перешли к Медицинскому совету от Первого департамента Медицинской коллегии, который так же был "предназначен для управления дел ученых"⁶.

Помимо испытаний иностранных врачей Медицинский совет в соответствии с "Положением" 1803 г. рассматривал по поручению Медицинской управы учебные планы медицинских учебных заведений, его члены принимали участие в выпускных экзаменах⁷. В последующем тесная связь Медицинского совета с системой подготовки кадров обеспечивалась вхождением в его состав в качестве неперменного члена начальника Императорской медико-хирургической академии и присвое-

нием всем членам Совета звания почетных членов главного военно-медицинского учебного заведения⁸.

Аналогичным образом осуществлялся контроль уровня квалификации офицеров в "ученых корпусах" Военного министерства. Члены первого ученого подразделения, созданного в структуре военного ведомства – Артиллерийского комитета – в числе прочих обязанностей проводили экзамены "всем к производству по артиллерии представляемым юнкерам и фейерверкерам"⁹. В 1810-1840-е гг. Военно-ученый комитет был обязан подвергать экзамену всех претендентов на замещение должностей в артиллерийском и инженерном ведомствах¹⁰. Были выработаны и соответствующие инструкции. В 1835 г. обязательные испытания в науках для артиллерийских офицеров делаются ежегодными¹¹. Отделения Военно-ученого комитета курировали профильные ведомственные военно-учебные заведения. На их экспертизу передавались программы преподавания, члены отделений принимали участие в экзаменах. В пореформенное время эти функции переходят к профильным комитетам Главных управлений Военного министерства, в состав которых с середины 50-х гг. XIX в. входят профессора Михайловского артиллерийского и Николаевского инженерного училищ (позже – академий)¹², а надзор за учебными программами и ходом обучения в Николаевской академии Генерального штаба и в Военно-топографическом училище осуществлял Военно-ученый комитет¹³.

Традиционно тесными были и связи Горного ученого комитета и Горного кадетского корпуса (Горного института), в структуре которого в 1825 г. и был учрежден этот комитет. Члены Горного ученого комитета, многие из которых были одновременно и действующими преподавателями, регулярно рассматривали вопросы преподавания в высшем учебном заведении горного ведомства. В соответствии с установленными правилами, выпускники института по окончании курса в течение года проходили практику, по итогам которой составляли отчет, поступавший на рассмотрение местного горного начальства и в Горный ученый комитет. Лишь при одобрении отчета этими инстанциями молодой инженер мог быть представлен к следующему чину¹⁴.

Таким образом, содержание деятельности большинства ученых комитетов в вопросах контроля и развития ведомственной системы подготовки кадров концентрировалось на аттестации специалистов в наиболее важных для государства сферах.

В несколько ином ключе приходилось решать вопросы сельскохозяйственного образования Ученому комитету Министерства государст-

венных имуществ. В конце 30-х – 40-е гг. XIX столетия, когда начинает разворачиваться деятельность этого научного подразделения, на повестке дня стоял вопрос не столько контроля, сколько создания системы подготовки сельскохозяйственных кадров, причем, как высшего уровня квалификации, так и в рамках начальных сельскохозяйственных школ.

Подготовка агрономов была развернута в Горы-Горецком земледельческом институте (с 1840 до 1848 г. – земледельческая школа), предложения по созданию которой были выработаны еще Комитетом по усовершенствованию земледелия в России и утверждены в 1836 г. Комплект студентов в первое десятилетие составлял всего 25 человек, допускались частные пансионеры¹⁵. Ученый комитет МГИ активно участвовал в разработке программ, рецензировании учебной литературы, в последующей послевузовской подготовке выпускников Земледельческого института. Для получения ученой степени магистра агрономии лучшие из них посылались в европейские учебные заведения. Так, уже в 1842 г., т.е. за два года до первого выпуска учеников "высшего разряда" – будущих агрономов, Ученый комитет по предложению профессора Горы-Горецкой земледельческой школы Б.А. Целлинского достиг договоренности с Тарандской академией в Саксонии о подготовке выпускников, помимо агрономических дисциплин и лесоводства, еще и в области геологии¹⁶.

Наиболее масштабной, в силу выраженной заинтересованности государства и лично министра – П.Д. Киселева, стала работа по созданию в ведомстве госимуществ сети низших сельскохозяйственных школ, в которой Ученый комитет принимал самое непосредственное участие. В планах реформы Киселева шаги по административному и хозяйственному устройству государственных крестьян были тесно увязаны с мероприятиями по созданию сельских школ, повышению уровня земледельческой техники, организации медицинской и ветеринарной помощи крестьянам и другими мерами¹⁷.

"Положение" об учебных фермах было подготовлено к 1841 г. и в мае того же года получило силу закона. Сеть этих образцовых учебных заведений складывается в период с 1843 по 1848 гг. На устройство каждой из 8 учебных ферм выделялось 15 тыс. рублей, в обучение принимались казенные и помещичьи крестьяне в возрасте 17-20 лет, знающие начала грамоты¹⁸. За период с 1841 по 1856 гг. Министерство государственных имуществ затратило в общей сложности 616 тыс. 133 руб. на устройство и содержание учебных ферм и 305 тыс. 418 руб. на обучение молодых крестьян в земледельческих и ремесленных заведениях¹⁹.

Как и большинство других направлений реформы 1839 – 40-х гг., попытка создания системы сельскохозяйственного образования для государственных крестьян носила противоречивый характер и в конечном счете не привела к сколь-нибудь заметным результатам. Малая эффективность осуществленной работы не может быть объяснена только традиционными ссылками на недостаток финансирования, произвол чиновников палат государственных имуществ на местах и т.п.

Существенным тормозом становилась вполне объяснимая недоверчивость крестьянства к новым начинаниям правительства вкпе с традиционным консерватизмом в навыках ведения земледельческого хозяйства. По данным отчета Департамента сельского хозяйства за период 1844-1854 гг. при открытии сельскохозяйственных школ, первоначально, “молодые люди считались выбывшими из родного села наравне с рекрутами”²⁰. И лишь в 50-е гг. стали поступать первые просьбы от крестьян о зачислении на учебу.

Результаты деятельности учебных ферм за 1844 – 1853 гг. представлены в таблице :

Численность обучающихся и выпуск воспитанников учебных ферм МГИ за период 1844 – 1853 гг.

Годы	Число воспитанников	Выпущено по экзамену по окончании полного курса
1844	40	0
1845	99	0
1846	259	0
1847	429	0
1848	579	24
1849	692	105
1850	675	142
1851	749	226
1852	813	77
1853	852	173

В таблице представлены обобщенные результаты деятельности всех учебных ферм. Каждый год две и более фермы не делали выпусков вообще. Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что учащиеся

* Источник: Обзор действий Департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течение 10 лет с 1844 по 1854 год. Ч. II. С. 48. Таблица составлена автором.

составляли бесплатную рабочую силу в государственных хозяйствах, каковыми являлись эти учебные заведения.

К числу задач Ученого комитета Департамента сельского хозяйства относилось рассмотрение проектов учебных планов, отбор и подготовка учебной литературы. Так, в 1858 г. был объявлен конкурс на составление “Учебника естественных наук” для земледельческих школ и училищ²¹.

Наиболее заметным моментом в деятельности Ученого комитета было обсуждение вопроса об устройстве образцовых усадеб государственных крестьян. Проекты разрабатывались в 1849-1851 гг., и хотя их положения не стали принятой практикой в организации землепользования государственного крестьянства, они дают интересный материал для характеристики малоизвестного направления в дальнейших планах развития реформы Киселева.

Общий замысел состоял в том, чтобы выпускникам учебных ферм, отлично окончившим курс, выделять целинную землю под отдельные хозяйства и малые хутора, снабжать их для обустройства средствами, инвентарем, освобождать на определенный срок от рекрутской повинности и, таким образом, создавать очаги прогрессивного хозяйствования²². Таким образом, наряду с законодательным закреплением общинных форм регулирования крестьянского землепользования планировалось создание и отдельных, обособленных хозяйств.

Члены комитета с большой ответственностью отнеслись к подготовке проекта, уделив главное внимание налаживанию благоприятных условий хозяйствования и законодательной фиксации перечня льгот поселенцам. Они отклонили предложения по использованию создаваемых хозяйств в качестве опытной базы для испытания новых способов земледелия, экспериментов в скотоводстве и т.п. дополнительных “повинностей” для хуторян²³. Поскольку решение всей суммы вопросов требовало многочисленных согласований, выработка “Положения” затягивалась. Комитет не рекомендовал начинать расселение без решения всего комплекса вопросов о льготах выпускникам учебных ферм, несмотря на нетерпение министра²⁴. Вставший на повестку дня вопрос об освобождении крестьян окончательно похоронил проект в недрах министерских канцелярий.

И в последующем, в пореформенное время, Ученый комитет МГИ принимал деятельное участие в развитии сельскохозяйственного, а с вхождением в состав Министерства лесного ведомства, – и лесного образования. На рассмотрение комитета поступали проекты “Уставов” и

“Положений” об учебных заведениях, новые учебные планы, и т.п. материалы. С развитием общественной инициативы в сельскохозяйственном образовании и созданием негосударственных сельскохозяйственных учебных заведений Ученый комитет рассматривал и подготовительные материалы об их открытии, на средства меценатов проводил конкурсы на создание новых учебных пособий²⁵.

Типичной иллюстрацией работы ученых комитетов в сфере контроля ведомственного образования, причем не только для ведомства госимуществ, но и других министерств и их ученых комитетов, может быть рассмотрение в 90-х гг. XIX в. в Специальном лесном комитете и Ученом комитете МЗИГИ проектов “Устава” и учебного плана Санкт-Петербургского лесного института. В лице членов научно-консультативных подразделений преподавательский состав вузов всегда встречал заинтересованную и конструктивную поддержку новым начинаниям в подготовке специалистов.

Проекты этих документов, подготовленные комиссией Департамента с участием членов ученых комитетов и представителей института, были рассмотрены в объединенном заседании Ученого и Специального лесного комитетов и переданы Совету института. Окончательный проект, одобренный всеми совещательными органами, поступал на утверждение. Наиболее существенным изменениям была подвергнута структура учебных и опытных подразделений института. Были созданы новые кафедры как за счет разделения существовавших, так и введения совершенно новых. В частности, в курс подготовки была введена прикладная механика, так как в лесном хозяйстве началось использование заводов для механической и химической обработки древесины. Существенно была расширена практика студентов за пределами базового Лисинского лесничества, которые после III и IV курсов направлялись в казенные лесничества различных зон России и т.д. Штат преподавателей и сотрудников был увеличен с 22 до 37 человек, а финансирование – с 141 тыс. 800 руб. до 185 тыс. 550 руб.²⁶

Третье направление в деятельности ученых комитетов объединяло большой круг вопросов, связанных с экспертно-консультативной и научно-исследовательской деятельностью. К перечисленным направлениям примыкает координация прикладных научных работ в рамках ведомства и установление и поддержание научных контактов в стране и за ее пределами. Развитие этого направления в многообразии его форм осуществлялось постепенно, что хорошо видно из сравнения таблиц “а” и “б” (Приложение 1).

Первой по времени возникновения и наиболее распространенной задачей ученых комитетов была задача по рассмотрению изобретений и предложений, поступавших в центральные органы административного управления. Комитетам вменялось в обязанность не только выносить суждения о применимости того или иного новшества, но и по возможности способствовать его “доводке”, приспособлению к нуждам ведомства.

Разбор поступающих предложений занимал существенную долю времени и усилий в работе членов комитета. Архивные фонды этих ученых подразделений содержат десятки и сотни предложений, по каждому из которых делалось мотивированное заключение. Для большинства ученых комитетов работа с изобретениями ограничивалась отбором тех предложений, которые представляли интерес для ведомства. Однако два совещательных подразделения: Мануфактурный совет и Ученый комитет МГИ исполняли более широкие обязанности по работе с изобретателями и изобретениями.

Увеличивающаяся доля капиталистического предпринимательства в промышленности, базировавшаяся не только на вольном найме, но и на применении все более совершенных и производительных механизмов, распространение либеральных правовых ценностей, поставили в начале XIX в. на повестку дня вопрос о защите авторских прав на изобретения и усовершенствования. В решении вопроса о привилегиях, т.е. о предоставлении монопольного права распоряжаться на протяжении определенного времени изобретенным механизмом, методом производства и т.п., Россия шла тем же путем, что и наиболее развитые страны. Законодательные акты о защите авторских прав появляются в Англии – в 1623 г., во Франции – в 1791 г., в Северной Америке – в 1787 г.²⁷ В России права изобретателей на сделанные ими открытия были установлены Манифестом 1812 г.²⁸

В начале 30-х гг. XIX в. с учреждением Мануфактурного совета рассмотрение просьб о выдаче привилегий, относящихся к ремесленной и заводской промышленности, было поручено Министерству финансов²⁹. В конце 1820-х – 1833 г. в Мануфактурном совете велась подготовка нового закона, регулирующего защиту авторских прав³⁰. В представленных членами Мануфактурного совета мнениях проводилась мысль о том, что само развитие законодательной базы, защищающее права изобретателя, “полезно, как действительнейший способ поощрения к новым открытиям и к развитию промышленности”³¹.

С 1840 г. вопрос о привилегиях на изобретения в сфере сельскохозяйственной промышленности перешел под контроль МГИ³². Представление о количественных параметрах работы Ученого комитета МГИ по рассмотрению привилегий дают сведения отчетов Департамента сельского хозяйства. В 1844-1853 гг. было выдано в общей сложности 30 привилегий на срок от 3 до 10 лет, причем “по неприведению в действие”, 6 из выданных привилегий были уничтожены. Из числа авторов изобретений: четверо – крестьяне, столько же – помещики и 10 человек – иностранные подданные³³. В конце рассматриваемого периода только за два года (1894-1896 гг.) Ученым комитетом МЗиГИ было рассмотрено 77 и одобрено 33 заявки на выдачу привилегий³⁴.

Однозначно оценить практическую значимость и результативность этого направления деятельности ученых комитетов нельзя. Наряду с регулярными предложениями “*regretium mobile*” и других фантастических проектов, поступало немало дельных, многие из которых рано или поздно находили применение в практике. Состав авторов предложений был не менее разнообразен. В числе изобретателей были представители всех социальных слоев с разным уровнем образования.

Важнее другое: на начальном этапе развития прикладной науки в рамках министерств, особенно в первой трети XIX в., характерной была именно ориентировка на использование предложений, поступающих “извне”. Иными словами, имела место пассивная, ожидательная политика власти, направленная на адаптацию уже имеющихся разработок. Как отмечалось выше, подобные подходы были обусловлены как достигнутым в тот период уровнем взаимодействия научного знания и сфер практической деятельности, так и фактическим отсутствием собственной научно-опытной базы ученых комитетов, сложностью постановки исследовательских задач.

Целенаправленное руководство ведомственной наукой было возможно только при соответствующем уровне научного знания, его готовности решать насущные прикладные задачи. Было необходимо накопление и соответствующего управленческого опыта, повышения компетенции чиновников, осуществляющих руководство ведомственными научными подразделениями. Этот опыт нарабатывался небыстро и не просто. Условия для успешной реализации данного направления деятельности ученых комитетов и советов вызревают лишь во второй половине столетия. Именно с этого времени можно говорить о постепенной трансформации задач по рассмотрению предложений и изобретений

в задачу по руководству необходимыми прикладными научными исследованиями.

Первые попытки создания опытных, исследовательских подразделений, временных групп специалистов для изучения важных в практическом и научном отношении вопросов начинают предприниматься уже во второй четверти XIX в., но особенно заметной эта деятельность становится со второй половины 1840-х и в 1850-е гг.

Эволюция подходов к интересующему нас вопросу наглядно прослеживается на примере деятельности Министерства государственных имуществ. Эффективное управление казенной собственностью, перешедшей под управление этого министерства, как вскоре убедилось его руководство, было невозможно без коренного обновления управленческого инструментария. Во-первых, без налаживания статистического учета государственных имуществ, в первую очередь земельного фонда и, во-вторых, без соответствующего научного обеспечения: поиска эффективных путей сохранения и возобновления “доходных статей”, к которым относились леса, рыбные ловли и т.д.

Итоги ревизии деятельности Ученого комитета МГИ в вопросах лесоводства, проведенной в 1841 г. товарищем министра Н. Гамалеей, представляют собой пример разочарования, которое было неизбежным в условиях традиционной для начала века системы организации ученых комитетов и советов. Собирая разнородные научные сведения, разрозненные рекомендации, выработанные большей частью иностранными учеными, комитет был не в состоянии дать реальные рекомендации о налаживании “правильного лесного хозяйства” в различных климатических зонах России.

В соответствии с предложениями, сделанными Гамалеей, были намечены и новые шаги “к будущему устройству лесного хозяйства на принципах науки”³⁵. В их числе предполагалась организация в каждом лесном округе 1-2 “образцовых лесничеств”, которые бы стали базой для накопления данных о ведении хозяйства в каждой климатической зоне. “Образцовые лесничества” подчинялись ученым лесничим, которым поручалось проведение опытов по разведению лесов на различных почвах и в условиях различного климата, определению спелости лесов и скорости роста древесных пород и т.п.³⁶ Уже в мае 1842 г. ученые лесничие – члены Ученого комитета МГИ М.Б. Бульмеринг и Е.А. Петерсон отправляются для инспекций лесных округов и выбора образцовых участков³⁷.

От первых опытов лесное ведомство достаточно быстро стало переходить и к попыткам внедрения рекомендаций науки на государственных землях. Уже в 40-е гг. XIX в. на р. Молочной в Таврической губернии колонистами – менонитами было начато степное лесоразведение. Общая площадь менонитских лесов в Таврической и Екатеринославской губ. спустя десятилетие достигла 1425 десятин. В 1840-е гг. были образованы и первые опытные лесничества – Вико-Анадольское лесничество и Бердянская лесная плантация в Екатеринославской губернии. В дальнейшем к ним добавились Тенгутинское и Яшкульское лесничества в Астраханской, Медвежинское – в Ставропольской губернии³⁸ и другие казенные опытные заведения. Перед опытными лесничествами, создаваемыми в степных и горных зонах, ставились и такие задачи, как изучение мер по борьбе с летучими песками и облесение гор. В 1845 г. по результатам опытной деятельности была подготовлена инструкция для производства “культурных” работ, т.е. работ по лесоразведению³⁹. Результаты деятельности этих лесничеств во второй половине XIX в. уже не в полной мере удовлетворяли руководство лесного ведомства. Характерно, что с позиций конца XIX столетия, в качестве главного недостатка опытной деятельности, осуществлявшейся в 1840-е – 1860-е гг., отмечался эмпиризм проводившихся работ: деятельность сводилась “не к установлению лесоводственных принципов, а к преподаванию лесотехнических наставлений”⁴⁰.

Во второй половине XIX в. лесное ведомство и Специальный по лесной части комитет в качестве основы для выработки рациональных принципов лесоводства и эксплуатации лесных ресурсов стремятся использовать широкий комплекс научных данных, далеко выходящих за рамки собственно лесотехнических приемов. Наглядное представление об эволюции подходов ведомства к этому вопросу дает расширение и усложнение тематики исследований и экспедиций, субсидируемых Лесным департаментом. В 1880-е гг. ученым подразделением лесного ведомства были проведены в течение 10 лет обширные по охвату территории сравнительные исследования искусственного и естественного лесовосстановления⁴¹. Последнее десятилетие XIX в. было отмечено такими масштабными научно-исследовательскими предприятиями Лесного департамента, как экспедиция В.В. Докучаева “по испытанию и учету способов и приемов лесного и водного хозяйства в степях России”, и организованная по инициативе А.С. Ермолова экспедиция “для исследования источников главнейших рек Европейской России”, руководство которой осуществлял А.А. Гилло⁴². Данные работы, как известно, по-

ложили начало комплексному изучению природной среды в многообразии факторов, влияющих на природные процессы. Сходным образом развивалась деятельность МГИ и по другим направлениям, требовавшим научного обеспечения.

Тенденции к усложнению и расширению работы ученых комитетов по организации научного обеспечения деятельности ведомств нашли свое отражение и в изменении задач, нормативно закрепленных за этими подразделениями. Во второй половине XIX столетия, как свидетельствует таблица “б” (Приложение 1) набор задач ученых комитетов в сфере научно-исследовательской, экспертной деятельности расширяется. Ученые комитеты начинают играть координирующую и организующую роль в рамках складывающейся системы ведомственной науки, расширяют свое взаимодействие с научными структурами за пределами ведомства, в рамках национального научного сообщества. Процесс оформления этого направления деятельности ученых комитетов – как наиболее существенный и интересный с точки зрения истории организации науки – рассматривается более подробно во втором параграфе данной главы.

Как была организована практическая деятельность ученых комитетов и советов?

Организация работы этих коллегиальных органов регламентировалась как статьями “Общего учреждения министерств”, так и другими нормативными документами, в том числе внутриведомственными инструкциями.

Общим принципом деятельности всех коллегиальных органов являлось решение дел в заседаниях комитета или совета. Для их проведения, как правило, назначались определенные дни и часы. Так, Медицинский совет собирался, если не возникало экстренных обстоятельств, дважды в неделю⁴³. Некоторые ученые комитеты, особенно те из них, где категория постоянных членов была представлена значительным их числом, как, например, в Горном ученом комитете, могли проводиться “два рода заседаний: частные, состоящие ... из определенного числа членов, и собрания общие, в коих присутствуют все другие члены, в том числе, и почетные”⁴⁴.

В “Положениях” строго регламентировался порядок прохождения дел в коллегиальных ученых подразделениях. Решения комитета или совета, принятые большинством голосов его членов, фиксировались в журнале заседаний, вслед за тем представлялись министру или главному управляющему и лишь с его подписью принимали силу административного решения.

Поскольку далеко не все задачи могли быть выполнены с помощью вышеизложенных процедур, основной акцент в практической деятельности комитетов смещался в сторону закрепления за его отдельными членами тех или иных направлений деятельности. С 30-х гг. это находит и свое организационное закрепление в создании в структуре комитетов отделений (например, Военно-ученый комитет, Ученый комитет Департамента сельского хозяйства МГИ), а во второй половине столетия – в организации в структуре комитетов отделов (Артиллерийский комитет) и бюро (Ученый комитет МЗиГИ).

Велика была и роль вспомогательного персонала комитетов и советов: делопроизводителей, секретарей, штат которых комплектовался квалифицированными чиновниками, на плечи которых ложилась значительная часть текущей работы комитета. Как мы отмечали выше (см. главу II), в рамках канцелярии Инженерного комитета, например, было создано специальное Искусственное отделение в составе начальника (до генерал-майора по должности) и четырех его помощников в штаб-офицерских чинах для исполнения ряда текущих обязанностей комитета.

Интересные данные о тематике вопросов, вносившихся в Медицинский совет МВД, и количестве сделанных Советом заключений, приводит в юбилейном издании к его 100-летию Совет А.И. Моисеев*. Приводимые автором данные мы объединили в таблицу, укрупнив тематические группировки рассматривавшихся проблем и заменив хронологическую разбивку с 5 на 10 лет.

Тематика вопросов, рассмотренных в заседаниях
Медицинского совета МВД в 1812 – 1902 гг.

Рассмотренные вопросы	1812-1822	1823-1832	1833-1842	1843-1852	1853-1862	1863-1872	1873-1882	1883-1892	1893-1902
Водоснабжение	0	0	1	1	0	1	4	10	16
Загрязнение воды, почвы, воздуха, открытие фабрик	0	8	6	3	21	76	66	104	186
Питание и фальсификация пищевых продуктов	11	41	59	19	15	40	18	34	51
Борьба с заразными болезнями, распространением эпидемий	76	347	92	96	172	100	78	178	272

* Моисеев А.И. Медицинский совет Министерства Внутренних Дел. СПб., 1913. С.41. Группировка материала осуществлена автором.

В своем обзоре А.И. Моисеев указывает, что столь заметное увеличение объема работы создавало немалые трудности для работы Совета. Многие из вопросов, в том числе исследование ввозимых в Россию лекарственных средств, необходимые химические и бактериологические анализы, удавалось выполнять лишь потому, что в распоряжении членов совета имелись принадлежащие их ведомствам лаборатории⁴⁵. О том же упоминает в своих воспоминаниях и В.В.Пашутин – председатель Медицинского совета в 1890-е гг.⁴⁶ Таким образом, Медицинский совет фактически направлял деятельность и использовал данные различных, в том числе, и по конкретной ведомственной принадлежности, лабораторий, опытных подразделений, не обладая собственной исследовательской базой. Лишь в 1898 г. в МВД была создана комиссия по переустройству центральных учреждений министерства, начавшая работу над новым “Положением” о Медицинском совете (утверждено в 1904 г.), в котором нашли отражение новые задачи и условия деятельности этого подразделения, и была существенно усилена его материальная база⁴⁷.

Таким образом, осуществленный выше обзор структуры задач и функций ученых комитетов и советов позволил, как представляется, реконструировать спектр направлений их деятельности и выявить основные тенденции их развития. В структуре органов государственного управления ученые комитеты и советы министерств выполняли вспомогательные функции, связанные с решением комплекса информационных, административных (контрольных и организационных) и научно-прикладных (исследовательских, опытных, экспертных) задач. В ходе эволюции министерских ученых подразделений акценты в их работе смещались. Если на начальных этапах преобладало информационное направление деятельности и контроль над ведомственной системой подготовки кадров, то с 1840-х гг., и в еще большей степени в пореформенное время, на первый план выходят задачи организации и координации научных и технических работ в интересах ведомства. Отдельные направления научного обслуживания ведомств находят свое организационное закрепление в более дробной специализации отдельных вспомогательных подразделений.

4.2. Ученые комитеты в системе национальных научных учреждений

Ученые подразделения министерств существовали не изолированно в ряду других научных учреждений как государственной, так и

негосударственной принадлежности. Они решали свои задачи в тесном сотрудничестве с Петербургской академией наук, ведомственными учебными заведениями и научными обществами. Национальная система научных учреждений формировалась в основном в продолжение первой половины XIX столетия⁴⁸, и по мере ее создания связи ученых комитетов министерств становились все более насыщенными. Если в первую половину века сотрудничество осуществлялось в первую очередь с Петербургской академией и ведомственными учебными заведениями, то во вторую – спектр контактов существенно расширяется, значительное место начинают играть связи с научными обществами.

Без учета этого взаимодействия невозможно оценить результаты деятельности ученых комитетов. Кроме того, попытка проанализировать положение ученых комитетов в системе других форм организации науки выводит нас и на вопросы координации деятельности национальных научных учреждений в решении значимых прикладных научно-технических проблем.

Роль Петербургской академии наук в строительстве системы высшей школы, участие академиков в деятельности научных учреждений, в том числе и некоторые аспекты их сотрудничества с учеными комитетами и советами, обстоятельно рассмотрены в работах М.С. Бастраковой, Г.Е. Павловой, Е.В. Соболевой, М.Ф. Хартанович и ряде других публикаций⁴⁹. Это позволяет нам ограничиться систематизацией основных направлений сотрудничества, складывавшихся между учеными комитетами министерств и Академией.

В соответствии с основополагающим документом – Регламентом – Академия была обязана “направлять ... познания ко благу общему, приспособляя к практическому употреблению теории и полезные следствия опытов и наблюдений” (§ 1 Регламента Академии 1803 г.). В Уставе 1836 г. эта мысль выражена еще конкретнее: “Академии надлежит обращать труды свои непосредственно в пользу России, распространяя познания о естественных произведениях Империи, изыскивая средства к умножению таковых, ... к усовершенствованию фабрик, мануфактур, ремесел и художеств, как источников богатства и силы государства”⁵⁰. В период создания первых ученых комитетов кадровый резерв российской науки был чрезвычайно узок, ограничиваясь, по преимуществу, учеными, работавшими в стенах Санкт-Петербургской академии наук. Вполне очевидно, что иных сил в первые десятилетия XIX в. государственная власть мобилизовать не могла, и российские академики начинают пополнять ученые комитеты министерств, а сама Академия стано-

вится первым научным учреждением, с которым ученые комитеты налаживают постоянные и плодотворные связи. В главе, посвященной анализу кадрового состава ученых комитетов и советов, участие академических сил в деятельности ведомственных научных подразделений охарактеризовано.

Какие формы сотрудничества возникали на уровне учреждений между академическими структурами и ведомственными подразделениями?

Ведомства регулярно прибегали к помощи Академии для получения консультаций по интересующим их научным вопросам, для проведения экспертиз, участия в комиссиях и т.п. Тесные связи существовали между Академией и подразделениями министерства финансов. Мануфактурный совет регулярно привлекал в качестве экспертов академиков В.К. Вишневого, И.Х. Гаммеля, Г.И. Гесса, Э.Х. Ленца и Ю.Ф. Фрицше⁵¹. В 1827 г. Академия наук приняла участие в разработке чрезвычайно важного для развития российской промышленности и экономики вопроса: приведении в единообразие национальной системы мер и весов. Николай I одобрил создание объединенной комиссии из числа академиков и чиновников Министерства финансов⁵². В комиссию вошли академики В.К. Вишневский и Э.Д. Коллинс. В 1829 г. были выписаны эталонные, официально засвидетельствованные меры и веса “главнейших иностранных государств”. Задачей комиссии являлось “с возможной по нынешнему состоянию наук точностью определить нормальные меры и веса Российской империи, сравнить с заграничными и составить сравнительные таблицы”⁵³. К работам по изготовлению русских эталонов был подключен академик А.Я. Купфер и механик академии Гиргенсон, который изготовил ряд уникальных измерительных инструментов.

В 1835 г. работа комиссии была завершена, а с 1845 г. вводились в употребление однообразные российские меры. В соответствии с “Положением” Министерству финансов поручалось впредь не только хранить и изготавливать копии мер и весов, но и разрешать общие вопросы метрологии, что потребовало создания соответствующих вспомогательных подразделений⁵⁴.

Тесными были связи главного научного центра страны с Военным и Морскими министерствами. Так, до создания в этих ведомствах своих оснащенных лабораторий Академия проводила для Артиллерийского департамента экспертизы пороха, селитры и других материалов⁵⁵. Обмен картами, литературой регулярно осуществлялся между военно-топографической и гидрографической службами министерств и Акаде-

мией. Она часто снабжала экспедиции Морского ведомства своими приборами. Тесные связи поддерживались и избранием выдающихся специалистов военной науки в состав Академии. Почетным членом Академии в 1827 г. становится Ф.Ф. Шуберт, руководитель топографической и гидрографической служб, а позже – Военно-ученого комитета, членом-корреспондентом был избран профессор Военной академии, будущий военный министр Д.А. Милютин. Эти традиции сохраняются и в дальнейшем.

Как главное научное учреждение страны Академия принимала участие в создании новых научных структур, в том числе и научных учреждений, обслуживающих нужды государственного управления. При подготовке предложений о создании новых подразделений, особенно межведомственных советов, ее мнение запрашивалось, принимались предложения по конкретизации целей и задач новых подразделений. Как отмечалось выше, и во второй половине XIX в. члены Академии входили в большинство общеминистерских ученых комитетов и советов в качестве постоянных членов.

Однако Петербургская академия наук, как и другие учреждения, имевшие научные подразделения, обладали лишь ограниченными возможностями в решении задач, стоявших перед органами имперского управления. Поручения, дававшиеся им министрами, зачастую отрывали научные подразделения от выполнения их собственных программ и планов. Опытно-лабораторная база Академии, высших учебных заведений сама постоянно нуждалась в серьезном расширении и укреплении. Вмешивались и ведомственные амбиции, которых были не чужды и руководители Академии.

В этих условиях ученым комитетам приходилось искать формы сотрудничества с научными силами, включая и непрофессиональных ученых, на иных основах, за рамками официальных, ведомственных контактов.

Одной из таких форм работы Ученых комитетов в 20-50-е годы XIX в. были конкурсные задачи. Отличительными признаками проводившихся конкурсов были прикладной характер, конкретность и локальность темы. Конкурсы в истории организации ведомственной вспомогательной науки явились первой попыткой выявить и реализовать масштабные научные программы. Кроме того, они явились отправной точкой для развертывания целого спектра форм и направлений в последующей деятельности Ученых комитетов.

Сама по себе идея конкурсных задач не была и не представлялась новой. Еще в XVIII столетии конкурсные задачи широко использовались старейшим из российских научных обществ – Вольным Экономическим обществом. Конкурсы, проводившиеся учеными комитетами, во многом унаследовали эти более чем полувековые традиции, направив их на достижение собственных целей.

Ни по своей структуре и составу, ни по финансовым возможностям в первую половину XIX столетия ученые комитеты не обладали необходимыми силами и средствами для решения конкретных научно-прикладных проблем. В этой ситуации наиболее реальным средством было обращение к возможно более широкому кругу ученых и практиков. Организовать и координировать их разрозненные усилия, поощрить идеи и таланты, привлечь имевшиеся силы для решения актуальных, как представлялось, научных и хозяйственно-технических проблем – вот комплекс идей, стимулировавших обращение к конкурсам, как форме работы.

Ученые комитеты министерств унаследовали не только форму, но и демократические традиции проведения конкурсов. Конкурсы на решение задач, предлагаемых учеными комитетами, проводились открыто. Списки конкурсных заданий и условия проведения конкурсов публиковались в ведомственных изданиях министерств. Все представлявшиеся на конкурс сочинения передавались на рассмотрение под девизами, а имена участников оставались скрытыми в запечатанных конвертах вплоть до вынесения решения об избрании лучших работ. Экспертизу конкурсных сочинений и проектов проводили члены комитетов или, в некоторых случаях, приглашаемые специалисты. Итоги конкурсов обязательно публиковались и назывались имена победителей и присужденные награды.

Впервые конкурсные задачи как форма работы ученых подразделений начинают использоваться уже в двадцатых годах XIX в. В частности, с 1813 г. Инженерный комитет при Инженерном департаменте Военного министерства начинает регулярно предлагать для решения офицерам темы конкурсных задач. Победители конкурса получали за отличное решение весьма существенное вознаграждение: премию в размере годового оклада. Результатами конкурсных работ зачастую становились полезные и значимые изобретения. Так, в 1844 г. по итогам представленных конкурсных решений, вознаграждения была удостоена работа подполковника Чернявского. Для точного определения расстояний и направлений, по которым находятся видимые инженерные работы

неприятеля, он предложил использовать прибор собственного изобретения⁵⁶.

Попытки координации научной деятельности специалистов в интересующих ведомство научных вопросах предпринимало во второй половине 1860-х гг. и Министерство путей сообщения. Учрежденному в 1865 г. Ученому комитету МПС вменялось в обязанность привлекать представителей науки к разработке актуальных научно-технических проблем⁵⁷. Однако в связи с непродолжительным периодом существования комитета эта инициатива не получила серьезного развития⁵⁸.

Естественно, далеко не все ученые комитеты использовали конкурсы в своей работе в равной степени. Это определялось как конкретными задачами этих подразделений, так и инструкторскими положениями, регламентировавшими их деятельность.

Наиболее полное представление о данной форме работы и тенденциях ее развития дают материалы Ученого комитета III департамента (Департамента сельского хозяйства) Министерства государственных имуществ. Именно это подразделение, как отмечалось выше, и в своем возникновении, и в последующем развитии было тесно связано с Вольным Экономическим обществом. Оно, во многом благодаря Мордвинову, унаследовало задачи ВЭО⁵⁹, переведя их на уровень государственной политики. Таким образом, не случайно, что Ученый комитет МГИ активно использовал конкурсы на начальных этапах своей деятельности.

Третий департамент МГИ, столкнувшись с необходимостью на практике вырабатывать меры и рекомендации по развитию сельскохозяйственного производства, достаточно быстро осознал всю бедность находящихся в его распоряжении возможностей. Иностраный опыт, изложенный в литературе, не мог быть применен без апробации в местных условиях. Кроме того, сами эти условия, с учетом разнообразия природных, почвенных и климатических зон требовали специального научного изучения. В этой ситуации выход приходилось искать за пределами традиционных бюрократических методов управления. Да и сам "объект управления" – сельское хозяйство – требовал иных подходов.

"Одной из первых своих обязанностей – отмечалось в отчете сельскохозяйственного ведомства за десятилетний период – Департамент поставляет раскрывать обстоятельства и условия, из познания которых вытекает необходимость соответственных распоряжений". В числе мер, направленных к этому, наряду с "собираанием сведений порядком административным", конкурсные задачи Ученого комитета рассматривались как наиболее действенное средство в достижении поставленных целей⁶⁰.

Уже в декабре 1838 г., т.е. спустя менее года после своего учреждения, Ученый комитет МГИ проводит специальное заседание, посвященное составлению программы, "коею должны быть приглашаемы хозяева и ученые для разрешения избранных комитетом задач".

Программа первого конкурса включала в себя пять вопросов:

- усовершенствование луговодства, как в "ботаническом отношении", так и механических средств уборки трав;
- выявление наиболее удобоисполнимого способа "сделать удобнейшими для хлебопашества солонковатые земли";
- добывание воды в Южной и Юго-Восточной частях Европейской России;
- способы изготовления топлива из торфа;
- пятая задача, предложенная к конкурсу членом-корреспондентом комитета А.П. Заблоцким-Десятовским, строго говоря, выходила за рамки сельскохозяйственной тематики и отвечала скорее потребностям развивающейся промышленности. Им было предложено инициировать с помощью конкурса поиски залежей каменного угля⁶¹.

Именно эти задачи представлялись первоочередными членам Ученого комитета. Действительно, в условиях России первой половины XIX в. эти проблемы составляли и много позже продолжали составлять "камень преткновения" в развитии сельскохозяйственного производства.

Для награждения победителей конкурса члены комитета предложили учредить специальные медали. Решение этого последнего вопроса затянулось до конца 1840 г. В итоге по представлению Ученого комитета первоначально отпущенная для поощрения лучших конкурсных работ сумма в 857 руб. серебром была увеличена, а денежные премии были заменены медалями: большой и малой золотой и серебряными с надписями: "За полезные труды" и "От Ученого Комитета Министерства Государственных Имуществ". Большая золотая медаль выполнялась стоимостью в 150 червонцев, малая – в 50. Представляя это решение, министр государственных имуществ гр. П.Д. Киселев особо отмечал, что медали Ученого комитета будут выдаваться по примеру Вольного экономического общества⁶².

Первый из конкурсов Ученого комитета МГИ был объявлен в 1841 г. в составе первых трех вопросов программы, разработанной в 1838 г., и стал наиболее представительным по числу участников. По итогам рассмотрения рукописей было присуждено 7 медалей: две большие и две малые золотые и три серебряных. Работы, удостоенные высших наград,

были изданы отдельной книгой⁶³. Казалось бы, столь удачное начало конкурсов Ученого комитета МГИ должно было повлечь за собой столь же продуктивное продолжение этой работы. Как надеялись организаторы, с объявлением конкурсов будет открыта “возможность людям практическим, обнимающим дело с разных сторон или долговременной опытностью изучившим местные условия известного края, сообщать свои знания и мысли правительству, а через то и всем, принимающим участие в успехах сельского хозяйства”⁶⁴.

Однако, результаты последующих конкурсов, как с точки зрения общего количества участников, присылавших ответы на конкурсные вопросы, так и с точки зрения качества полученных материалов, свидетельствуют об ином.

В нижеприведенной таблице представлены некоторые количественные параметры, которыми характеризуются конкурсы Ученого комитета МГИ за период с 1841 по 1853 гг., в течение которого деятельность комитета в данном направлении была наиболее активна.

Основные количественные показатели конкурсов
Ученого комитета МГИ (1841-1853 гг.)

Количество и состав участников	1841	1844	1846	1847	1848	1849	1851	1853	Всего
Количество поданных рукописей	8 4	49	52	27	32	10	15	12	281
Отмечено наградами и поощрениями	1 7	16	16	17	1	5	3	4	79
Из них:									
Ученые, преподаватели учебных заведений	5	2	3	3	—	—	2	—	15
Помещики	6	1	5	7	—	1	1	—	21
Чиновники, состоящие в классных чинах, офицеры	3	8	4	5	—	2	—	2	24
Мещане, купцы	1	2	1	—	—	—	—	—	4
Крестьяне, казаки	—	3	2	—	—	—	—	—	6
Прочие	2	2	1	2	1	2	—	1	11
В том числе члены-корреспонденты УК МГИ	3	2	—	—	—	—	—	—	5

Таблица составлена по данным: Обзор действий Департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течение 10 лет, с 1844 по 1854 год. СПб., 1855. С.2-17; Ответы на задачи Ученого комитета Министерства государственных имуществ на конкурсы 1841-1842 годов. СПб., 1843.

В таблице, помимо общего количества принявших участие в конкурсах, приведены данные о социальном составе награжденных медалями Ученого комитета или получивших одобрение присланных рукописей.

Разбивка по графам, отражающим социальную принадлежность, носит вынужденно формальный характер, что связано с особенностями сохранившихся данных в источниках. Так, графа “в” — чиновники, состоящие в классных чинах, офицеры — естественно, может включать в себя и известное количество помещиков — графа “б”, но поскольку точных данных об имущественном положении этой категории награжденных мы не имеем, то эти группы пришлось разнести по формальному признаку. В графу “е” — прочие — вошли иностранные подданные (1846 и 1847 г.), единственная женщина, принимавшая участие в конкурсах комитета, — М.Ф. Голембиовская — жена чиновника, получившая в 1848 г. малую золотую медаль за рукопись книги для крестьянского чтения, и два священника (1849 г.). Последняя социальная категория встречена только один раз, поэтому также включена в графу “прочие”. Социальная принадлежность оставшихся не ясна.

Итак, начиная с 1844 г., количество участников, присылавших ответы на конкурсные задачи, неуклонно падает. Особенно явно эта тенденция обозначилась с 1847 г., когда число поступивших в Ученый комитет рукописей снизилось почти вдвое по сравнению с предшествующим конкурсом 1846 г. Количество награжденных и отмеченных по итогам рассмотрения рукописей вплоть до того же 1847 г. относительно стабильно — 16-17, но затем стремительно падает. Создается впечатление, что столь большое количество награжденных и отмеченных почетными отзывами работ, — а это более половины в составе поданных рукописей, было вызвано не только и не столько их высоким качеством, сколько, возможно, стремлением поддержать активность корреспондентов Ученого комитета.

Весьма интересно вырисовывается и социальный портрет участника конкурсов. Наиболее стабильно награды получали помещики и представители чиновничества. Их доля в составе награжденных составляла около 50%, а в некоторые годы, как например, в 1847 и 1849 гг. — более половины. Данное обстоятельство вряд ли требует особого комментария. Именно землевладельцы, точнее, те из них, кто был ориентирован на внедрение прогрессивных методов хозяйствования, проявляли интерес к новациям в сельскохозяйственной науке. Для чиновничества участие и, тем более, победа в конкурсе и получение почетной медали Уче-

ного комитета становились возможной предпосылкой дальнейшего карьерного роста.

Симптоматичными оказываются данные об участии в конкурсах ученых, преподавателей и членов-корреспондентов Ученого комитета МГИ. Именно эти категории участников были потенциально наиболее подготовлены для разработки серьезных материалов по конкурсным задачам. Со второй половины сороковых годов они перестают принимать в конкурсах сколь-нибудь заметное участие. Лишь в 1851 г. наград были удостоены рукописи двух преподавателей сельского хозяйства духовных семинарий. Члены-корреспонденты Ученого комитета МГИ после 1844 г. также отсутствуют в числе лауреатов конкурсов.

Таким образом, из состава участников фактически выходят наиболее квалифицированные представители профессиональной науки, а цели, поставленные организаторами конкурсов в части привлечения лиц, "наиболее опытных", оказываются реализованными далеко не в полной мере.

Интересным фактом является успешное участие в конкурсах представителей крестьянства. В 1844, 1846 и 1853 гг. награды и поощрения присуждались крепостным крестьянам. Наиболее существенная из них — малая золотая медаль Ученого комитета МГИ, — которой был удостоен в 1853 г. "крепостной человек тайного советника Галызина, Александр Никольский" за хозяйственно-статистическое описание Балашевского уезда Саратовской губернии⁶⁵. В этих фактах наглядно проявились те демократические принципы, которые были заложены в условия экспертизы и подведения итогов конкурсов. В результате наиболее значимые и талантливые работы, вне зависимости от социальной принадлежности их авторов, удостоивались наград.

Итак, анализ итогов конкурсов Ученого комитета МГИ на протяжении 1841 — 1853 гг. выявляет определенные тенденции в изменении как общего числа, так и состава участников. Обращение к тематике конкурсных задач позволяет, как представляется, объяснить эти тенденции⁶⁶.

Как уже отмечалось выше, на конкурс 1841-1842 гг. было вынесено три конкурсных задачи: о средствах к усовершенствованию луговодства, о способах добывания воды в степных местах южной и юго-восточной России и о средствах использования для хлебопашества солонцеватых земель.

На конкурс 1844 г. были выдвинуты также три задачи: "о причинах экономических и нравственных", препятствующих развитию хозяйства

у крестьян-земледельцев. Здесь же требовалось составить "краткое, но точное наставление, заключающее в себе основные правила земледелия доступные понятиям и средствам крестьян". Таким образом, ответ на первый, достаточно провокационный в условиях крепостнической России вопрос, уже угадывался и должен был быть выдержан, во всяком случае, в рамках политической лояльности. Оставшиеся два вопроса были посвящены поиску средств к улучшению породы крестьянских лошадей и увеличению поголовья крупного рогатого скота. Последняя задача, как не решенная удовлетворительно, была повторена на конкурс 1846 г.

Конкурс 1846 г., помимо указанной выше задачи, включал еще две: "составить описание сельских промыслов известного края" и "написать рассуждение о крестьянских постройках, дешевых, прочных и наиболее безопасных от огня". Как мы увидим далее, описания — статистические, экономические — станут одной из ведущих тем в конкурсных задачах Ученого комитета.

Конкурсные задачи 1847 г. — а именно этот год, как выявил анализ таблицы, обозначил резкий спад всех количественных показателей конкурсов — фактически повторили задачи 1846 и 1844 г.: описания сельских промыслов, руководство по уходу за рогатым скотом и общее руководство по ведению крестьянского хозяйства. И вновь лишь по последней из предложенных задач были получены материалы, правда, на немецком языке, которые были сочтены полностью удовлетворительными и отмечены большой золотой медалью.

Попыткой выхода из сложившегося положения стало сокращение количества конкурсных задач. Начиная с 1848 г., Ученый комитет МГИ объявляет, как правило, к конкурсу лишь одно задание: в 1848 г. — "сочинение простонародных книг"; 1849 г. — хозяйственно-статистические описания губерний и уездов; 1851 г. — руководство по садоводству и огородничеству для крестьянских хозяйств; 1853 г. — повторение задачи о хозяйственно-статистических описаниях и т. п.

Начиная с 1853 г., конкурсы Ученого комитета приобретают иной характер: сроки конкурсов по тем или иным задачам назначаются или индивидуально, до нескольких лет, или вплоть до получения удовлетворительного решения. Меняется и система поощрения: помимо медалей Ученого комитета назначаются в ряде случаев премии. Ученый комитет принимает на себя обязательства опубликовать книгу определенным тиражом и т.д.⁶⁷ Все эти изменения явились объективным итогом нако-

пленного в течение первого десятилетия работы опыта и ввели процесс в его естественные рамки.

Анализируя развитие тематики конкурсных задач за рассматриваемый период, нельзя не увидеть усиливающегося влияния интересов собственно ведомства как бюрократической структуры. Как и некоторые другие центральные административные органы (Министерства внутренних дел и финансов), МГИ было тесно связано с управлением народным хозяйством, процессами, протекающими на обширных территориях империи. Оно остро нуждалось в совершенствовании системы сбора информации. Традиционные “административные” способы, опирающиеся на управленческую вертикаль, не могли обеспечить правительственный аппарат информацией необходимого качества. Итогом стали неоднократные повторения конкурсных задач по хозяйственно-статистическому описанию губерний и уездов. Присылаемые материалы позволяли как получить собственно сведения, так и отбирать наиболее удачные описания по форме, совершенству систему отчетности и инструкций для чиновников министерства, отправляемых для “обозрения” губерний. Значительное влияние на тематику проводившихся конкурсов в сороковые – начале пятидесятых годов оказывала главная задача министерства – реформа управления и обустройство быта государственных крестьян.

При всей реальной важности и значимости вышеперечисленных задач концентрация усилий участников конкурсов именно на этих направлениях не могла не сказаться на их составе и количестве, т.к. из числа потенциальных авторов исключался целый ряд категорий, в первую очередь, большинство профессиональных ученых и преподавателей высшей школы. Немногие из них располагали данными о состоянии сельского хозяйства в провинции и далеко не все чувствовали себя популяризаторами научных знаний. В конечном счете, крен в конкурсной тематике в сторону сугубо утилитарных задач входил в противоречие с обозначенными положениями о конкурсах Ученого комитета МГИ. Эти тенденции и нашли свое отражение в таблице, раскрывающей состав и численность участников конкурсов.

Таким образом, конкурсы ученых комитетов, как одно из направлений их деятельности, сыграли неоднозначную роль. Опыт Ученого комитета МГИ свидетельствует, что, усилив информационно-аналитические возможности ведомства, конкурсы, тем не менее, не смогли решить своей главной задачи: обеспечить действенное участие науки в решении действительно актуальных проблем сельского хозяй-

ства. С течением времени эта задача все более и более уходила на второй план. Отход от первоначальных идей конкурсов предопределил и постепенное их затухание в “массовой” форме.

Следует учитывать, что наряду с конкурсами МГИ, конкурсные задачи по сельскохозяйственной и близкой к ней тематике продолжало практиковать и Вольное экономическое общество. Наибольший период активности Общества в этом направлении деятельности так же приходится на первую половину XIX столетия. С 1765 г. по 1865 г. ВЭО было объявлено 243 конкурсные задачи. Следует отметить, что тематика конкурсов ВЭО во второй четверти XIX в. в большей степени соответствовала научным и техническим запросам сельского хозяйства России. Лучшие ответы на конкурсные задачи регулярно публиковались в “Трудах” этого научного общества⁶⁸.

Патронаж и просветительские программы, адресованные крестьянству, – как направление деятельности сельскохозяйственного ведомства – было сохранено и в пореформенный период. Ученый комитет продолжал регулярно проводить конкурсы написание учебников, руководств и т.п. литературы для крестьянского хозяйства и быта. В 1856 г. “в память управления Министерством государственных имуществ гр. П.Д. Киселевым” была учреждена премия, “состоящая из золотой медали”, которая присуждалась в награду за сочинения по крестьянскому быту⁶⁹.

В 1858 г. был объявлен, а в 1861-64 гг. повторен, конкурс на написание учебника естественных наук для земледельческих сельских училищ. В качестве награды победителю предполагалась большая золотая медаль стоимостью в 300 р. и денежная премия 2 тыс.руб. серебром⁷⁰. Во второй половине XIX в. в сельскохозяйственном ведомстве учреждаются и специальные премии, организованные на средства благотворителей, для поощрения авторов, создающих литературу для крестьян. Так, в 1893 г. на средства кн. М.К.Тенишевой учреждается премия за лучшее руководство по сельскому хозяйству для двухклассных училищ средней полосы России⁷¹.

Снижение интереса Ученого комитета МГИ к развитию конкурсов как средству направления усилий ученых и любителей сельскохозяйственной науки, по всей видимости, было связано и с бурным ростом сельскохозяйственных обществ в середине – второй половине XIX в., руководство которыми осуществляло МГИ в лице Департамента сельского хозяйства. Таким образом, у сельскохозяйственного ведомства появлялся новый спектр возможностей для получения данных опытной

сельскохозяйственной науки. Ниже мы подробнее остановимся на основных направлениях взаимодействия сельскохозяйственного ведомства и сельскохозяйственных обществ, как одном из примеров научной координации в рамках общегосударственной системы организации науки.

Во второй половине XIX столетия сектор негосударственных научных учреждений по своим возможностям, научным силам и средствам встает в один ряд с академической и вузовской наукой, существенно опережая их по темпам роста. В связи с этим для ведомственных учебных подразделений взаимодействие и координация усилий с научными обществами становится важным направлением деятельности.

Истории научных обществ, как наиболее крупных и значительных – Вольному экономическому, Русскому географическому, Русскому техническому, – так и отдельным группам научных обществ (естественно-научным, техническим, историческим и т.п.) посвящена обширная историография, где содержится развернутая характеристика их вклада в национальную науку⁷². Рассмотрим, как складывались отношения органов государственной власти и конкретно ученых комитетов министерств, с негосударственными научными организациями, каковыми являлись научные общества.

Следует отметить, что в условиях России XIX в., с устоявшимися традициями жесткого социально-политического регулирования, существование структур, дистанцированных от власти, было вряд ли возможно. Автономность обществ опиралась на достаточно узкий сектор либеральных свобод, дарованных неподатным сословиям, и правовые ценности, которые с трудом укоренялись в российском обществе XIX в.

В целом, резкое противопоставление научных обществ государственным структурам применительно к условиям, существовавшим в XIX в., является скорее тенденцией отдельных исторических сочинений, нежели исторической реальностью. Вопрос этот, несомненно, заслуживает дальнейшей углубленной научной разработки, свободной от стереотипов и штампов.

Государство пристально контролировало самостоятельные организации на всех этапах создания, существования и деятельности. Государственный надзор и управление научными организациями, научными обществами в том числе, был сосредоточен в Министерстве народного просвещения. Контроль в реалиях имперской власти тесно смыкался и переплетался с патронажем и опекой.

Данные о развитии науки и ее организационных форм, причем не только в России, но и в Европе XVIII-XIX вв. в целом, свидетельствуют, что патронаж как частных лиц, так и государственных структур, играл ведущую роль в развитии институтов науки и ее отдельных направлений⁷³. В социальной истории российской науки вопрос о соотношениях разных форм патронажа лишь начинает исследоваться. В одной из немногих работ⁷⁴, посвященных этому интересному вопросу, автором статьи – Д.А.Александровым была предложена схема последовательной смены форм патронажа науки в России: “патронаж аристократов, и приходящий [ему] на смену патронаж ассоциаций, наконец, патронаж государства”⁷⁵. В свете конкретных исторических материалов данная последовательность форм представляется несколько общей и не вполне отражающей специфику взаимоотношений государственной власти и науки в России.

Для крупных научных обществ, бюджеты которых были сопоставимы с бюджетами государственных учреждений, государственное субсидирование с момента их образования являлось ведущим источником средств для осуществления конкретных исследовательских программ. Наглядным примером данному утверждению являются конкретные шаги правительства по поддержке ведущих научных обществ как в первую, так и во вторую половину XIX столетия.

Уже в начале XIX в. (1801 г.) Александр I устанавливает ежегодную субсидию для ВЭО в размере 5 тыс. рублей ежегодно. Кроме того, обществу было пожаловано для опытов место на Петровском острове в Санкт-Петербурге, а в 1803 г. высочайшим повелением было объявлено, что “впредь на почтах от членов и корреспондентов общества принимать письма, сочинения и отправляемые в общество посылки до 1 пуда безденежно”⁷⁶. При учреждении Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) в 1818 г. ему одновременно было пожаловано 10 тыс. рублей, пустошь в 170 десятин и льготы по почтовым пересылкам⁷⁷. К 1845 г. сельскохозяйственные общества ежегодно получали 32 426 рублей (ВЭО – 16999 руб., МОСХ – 13999 руб., Общество сельского хозяйства юга России – 1428 руб.)⁷⁸.

Весьма значительны были правительственные средства, затрачивавшиеся и на другие научные общества. РГО, РТО, Минералогическое общество постоянно получали государственные субсидии, в первую очередь, на осуществление конкретных программ. Так, с 1860-х гг. правительство выделяло Минералогическому обществу ежегодно 3 тыс.

рублей на осуществление работ по созданию геологической карты России⁷⁹.

Столь тесные финансовые связи научных обществ и государственной власти не могли не иметь и соответствующего “встречного движения”. Оно проявлялось в выполнении обществами ряда конкретных прикладных задач в интересах государственного управления. В известном смысле имело место определенное “огосударствление” научных обществ, когда они рассматривались правительственными чиновниками как некие “приложения” к государственному аппарату.

Раньше всего эти тенденции коснулись штатных сотрудников обществ. На протяжении первой половины XIX в. устанавливаются правила службы “по ученым обществам”. Высочайше утвержденными уставами обществ, лицам, служащим в них, предоставлялось право государственной службы. С течением времени их круг расширялся, включая и некоторые выборные должности. Так, в 1849 г. права действительной службы были предоставлены секретарям ученых сельскохозяйственных обществ⁸⁰. А в 1861 г. права государственной службы были предоставлены “даже не состоящим в оной лицам, которые будут отправляемы Императорским Русским географическим обществом в дальние экспедиции с ученой целью”⁸¹.

Двойственное положение научных обществ наглядно характеризует своеобразная ситуация, когда потребовалось специальное разъяснение о том, что общества сельского хозяйства освобождаются от дачи отчетности Государственному контролю в расходуемых ими (обществами) суммах⁸².

Система взаимоотношений научных обществ и министерских ученых комитетов во многом определялась общностью научных задач и целей. Эти отношения строились на взаимном дополнении и сотрудничестве, которое не исключало и неизбежных противоречий. Весьма интересными данными, подтверждающими приведенный выше тезис о тесных связях, существовавших между обществами и учеными учреждениями министерств, являются сведения о членах-учредителях и руководителях крупнейших российских научных обществ, возникающих в XIX в.

В 1845 г. образовалось Русское географическое общество (РГО). По данным П.П. Семенова (Тян-Шанского), идею о создании общества высказали Ф.П. Литке и К.И. Арсеньев⁸³. Первый – в 1846 г. возглавил Морской ученый комитет, второй – являлся руководителем Статистического отделения. В составе его членов – учредителей – Ф.П. Врангель,

Г.П. Гельмерсен, П.И. Кеппен, И.Ф. Крузенштерн, П.И. Рикорд, В.Ф. Одоевский. Все эти ученые были действительными (и активными) членами ученых комитетов Морского министерства и Министерства государственных имуществ, некоторые из них в разные годы возглавляли эти подразделения. Таким образом, 8 из 17 членов – учредителей, фактически половина, была теснейшим образом связана с учеными комитетами министерств.

Сходную картину можно наблюдать, обращаясь к составу других научных обществ. Активное участие в организации Русского технического общества (РТО) принимал бар. А.И. Дельви́г, бывший первым председателем РТО, а по службе в Министерстве путей сообщения тесно связанный с его научно-консультативными структурами. Академик Н.И. Кокшаров, член Горного ученого комитета, с 1865 по 1891 г. являлся директором Минералогического общества. Академик Н.Н. Зинин – член Медицинского совета МВД, один из основателей и первый президент (1868-1878 гг.) Русского химического общества. Н.Ф. Здекауэр – также член Медицинского совета (в 1884-89 гг. его председатель) стал одним из главных вдохновителей и организаторов, а затем и председателем Русского общества охранения народного здравия⁸⁴.

По подсчетам Н.Г. Филиппова, который проанализировал списки членов РТО по данным на 1868 г., в его составе было 9% крупных военных и 4,5% гражданских чиновников⁸⁵, что в сумме дает 13,5% общего состава членов общества. Институт почетных членов позволил инкорпорировать в состав РТО “почти всех министров царского правительства, которые могли быть действительно полезными обществу”⁸⁶. Присутствие в составе РТО значительного числа представителей высшей администрации – по справедливому замечанию того же автора, – “ускоряло процесс доведения до правительственных кругов пожеланий научно-технической общественности ... и буржуазии”⁸⁷.

Количество примеров можно множить. Большинство из членов ученых комитетов принимали участие в создании научных и технических обществ и активно сотрудничали с ними, это лишь дополнительно подтверждает уже отмеченную тенденцию. В чем она заключалась?

Во-первых, научная элита оказывалась одинаково востребованной как властью, так и коллегами по цеху науки. Положение члена ученого комитета, возможность доступа в коридоры власти, создавали, без сомнения, дополнительные возможности для лидерства в научном сообществе.

Во-вторых, члены ученых подразделений министерств реально оценивали ограничения, существовавшие в статусе ученых комитетов, прекрасно сознавали условия, в которых протекала их деятельность. В итоге они оправданно стремились к развитию сектора науки, наименее стиснутого административным регулированием, где более свободно могла быть организована совместная работа широкого круга ученых, техников, представителей делового мира и правительственной администрации. Таким образом, роль ряда крупных столичных научных и технических обществ оказывалась более сложной и многогранной, чем фиксировалось в их уставах.

Ведущие ученые, входившие в состав комитетов, в громадном большинстве своем отличались выраженной гражданской позицией. Их деятельность на пересечении науки и администрации сама по себе являлась способом поставить науку на службу России, ее народу. Участвуя в силу статусного положения в решении вопросов организации науки, они стремились к целесообразному разделению функций между отдельными научными структурами.

В этом плане показательной является формулировка задач РГО, в том виде, как она была обозначена Ф.П.Литке при открытии общества 6 октября 1845 г.: «Географическое общество ... есть как бы распространение Академии для некоторой самостоятельной цели»⁸⁸. Ф.П.Литке, таким образом, своеобразно проводит грань между универсальным – по спектру направлений, и государственным – по ведомственной принадлежности, научным сообществом – Академией, и специализированным и самостоятельным – научным обществом. Спустя менее чем год, в апреле 1846 г., Литке представил на высочайшее рассмотрение проект преобразования Морского ученого комитета, в котором была четко определена роль вспомогательного научного учреждения – это анализ всей суммы научно-технических новшеств, относящихся к ведомству, «из коих все требуют рассмотрения и обсуждения, чтобы отличить полезное от неосновательного»⁸⁹.

Таким образом, руководители ученых подразделений министерств целенаправленно принимали участие в создании национальной системы научных обществ, усматривая в них одно из средств реализации наукой своей социальной роли. Характерно, что уставы практически всех российских научных обществ XIX в. в формулировке своих целей и задач исходят из соображений общественной и государственной пользы создающегося научного объединения⁹⁰.

Научные общества и правительственные подразделения, в первую очередь, в лице своих ученых подразделений, были связаны разнообразными механизмами взаимодействия. В рамках нашей темы мы не рассматриваем политику Министерства народного просвещения в отношении научных обществ, ограничившись комплексом связей, установившихся между обществами и профильными учеными подразделениями министерств.

В целом спектр таких взаимодействий можно свести к нескольким основным направлениям:

- Направление усилий научных обществ на выполнение программ в интересах государственного управления и развития национальной экономики путем предоставления целевого финансирования конкретных направлений их деятельности.

- Контроль и обобщение результатов работы научных обществ посредством законодательно закрепленных механизмов надзора за их деятельностью. Данное направление, как правило, сопровождалось нецелевой финансовой и другой поддержкой обществ.

- Инициирование создания и последующая поддержка научных обществ, использующихся как средство реализации конкретных направлений правительственной политики.

- Наконец, трудно формализуемым, но важным каналом взаимодействия являлся комплекс неформальных связей обществ и министерских ученых подразделений, обеспечивавшийся членством, и, нередко, руководством обществами представителями ученых комитетов министерств.

Первый из выделенных типов взаимодействия достаточно явственно просматривается на примере крупнейших научных обществ: Вольного экономического (особенно в первую половину XIX в.), Русского географического, Русского технического и Минералогического обществ.

Старейшее из российских научных обществ – Вольное экономическое – в первой половине XIX в. сумело существенно активизировать свою деятельность. Успехи были достигнуты во многом благодаря деятельному руководству делами президента общества – Н.С.Мордвинова, который возглавлял его на протяжении 1823-1840 гг. Удивительна энергия этого человека. При вступлении на президентский пост Мордвинову было уже 69 лет.

В 1826 г. общество взяло на себя чрезвычайно важную и трудную в условиях крепостнической России работу по оспопрививанию. С 1824 по 1845 г. оспа была привита 41 млн. грудных детей. ВЭО от лица правительства награждало фельдшеров и организаторов прививания оспы

специальными медалями⁹¹. Правительство в качестве субсидии выделило первоначально по 1 тыс. рублей из земских повинностей в течение 10 лет, затем эти средства были заменены иными источниками финансирования⁹².

В 1833 г. по ходатайству Н.С.Мордвинова было возбужден вопрос "об усилении способов Вольного экономического общества". В записке, поданной на имя Николая I, Мордвинов испрашивал 78 тыс. руб. на изыскание способов усовершенствования земледелия в России. Решение вопроса затянулось, послужив, как отмечалось выше, исходным пунктом в создании государственного ученого сельскохозяйственного учреждения. Тем не менее ВЭО было выделено 20 тыс. рублей "на посылку молодых людей в чужие края"⁹³.

В 1845-1852 гг. ВЭО принимало участие в программе правительства по собиранию статистических сведений о сельском хозяйстве страны. В 1851 г. по предложению Министерства государственных имуществ ВЭО через своих членов и корреспондентов осуществило сбор данных "о действительных нуждах" сельского хозяйства в различных регионах России⁹⁴.

Наиболее масштабной программой по изучению аграрного производства и его условий стала осуществленная уже в пореформенный период совместно с Русским географическим обществом (1867-1868 гг.) программа исследования хлебопроизводящих районов России. Обществом было организовано 8 экспедиций, по материалам которых в 1870-1874 гг. были изданы 8 выпусков материалов, сведенных в 4 тома и включивших монографии известных экономистов-членов обществ: И.Ф. Барковского, В.П. Безобразова, В.И. Чаславского, Ю.Э. Янсона и др.⁹⁵

Постоянными и плодотворными были связи, объединявшие Русское географическое общество и статистические учреждения МВД, а также с научными учреждениями Генерального штаба. Их налаживанию послужили и тесные личные контакты Д.А. Милютин и П.П. Семенова (Тян-Шанского) с руководством общества и его статистическим отделением. П.П. Семенов (Тян-Шанский) с 1864 г. возглавил ЦСК МВД, одновременно являясь председателем Отделения физической географии РГО, а с 1873 г. стал вице-председателем и фактическим руководителем Общества. Для работы в ЦСК им были привлечены многие видные статистики из числа членов Статистического отделения РГО: в их числе, А.И. Артемьев, Е.К. Огородников, И.И. Вильсон, Н.Б. Штиглиц⁹⁶.

Важным вопросом, затрагивавшим всю систему административного управления, являлся вопрос совершенствования системы статистического учета в государстве. От его решения напрямую зависели успехи осуществлявшихся в 60-70 гг. XIX в. реформ. Со второй половины 50-х гг. МВД как ведомство, где сосредотачивалась административная статистика, предпринимает ряд систематических шагов по совершенствованию, как центральных статистических учреждений, так и комитетов в губернских центрах⁹⁷.

Наряду с организационными вопросами, существенной являлась и проблема научно-методической разработки способов и форм сбора и обработки статистических данных. В 1859 г. по ходатайству президента РГО Министерством внутренних дел были выделены средства и составлена совместная комиссия для проведения конкурса на тему: "Об оценке существующих у нас способов собирания статистических данных и об указании наилучших средств к усовершенствованию этой части в нашем отечестве"⁹⁸. Полученные результаты конкурса не удовлетворили ни РГО, ни руководство МВД, и конкурс был повторен в 1861-1863 гг. по более узкой программе: "О наилучших статистических приемах народоисчисления"⁹⁹. Победителем конкурса с присуждением полной премии в 1 тыс. рублей стал А.Б. фон Бушен, бывший в тот период старшим редактором Центрального статистического комитета МВД.

В данном случае мы не случайно упомянули имя этого талантливого русского ученого-статистика. Его профессиональная судьба наглядно показывает, сколь тесной была интеграция различных по ведомственной принадлежности структур, но объединенных единой деятельностью.

Артур Богданович фон Бушен после окончания столичного университета в 1851 г. начал службу в канцелярии РГО в чине титулярного советника и одновременно – на должности младшего производителя работ ЦСК без жалования. Дело в том, что эта должность в реестре чинов предусмотрена не была, и желание заниматься статистикой на первых порах приходилось осуществлять безденежно. Дополнительным заработком в первой половине 50-х гг. становится должность адъюнкт-профессора истории и географии в Александровском лицее. В 1855 г. Бушен избирается действительным членом РГО, с которым и в последующие годы продолжал тесно сотрудничать. В дальнейшем его судьба была связана с ЦСК МВД, Министерством финансов, где он также занимался налаживанием статистического учета. В 1859 и 1861 гг. командировался за границу для практического изучения работы статистиче-

ских служб в Англии, Пруссии, Швеции и Франции. Наконец, в 1865 г. он становится делопроизводителем и членом Комиссии "по устройству в России правильной регистрации", в рамках которой были объединены как специалисты ведомственной статистики, так и силы научных обществ и Академии¹⁰⁰.

Этот пример наглядно показывает, как в конкретных судьбах деятелей науки активное участие в деятельности научных обществ органично переплеталось с государственной службой, научной деятельностью, преподаванием.

Правительство во второй половине XIX в. систематически передавало на рассмотрение обществам вопросы текущей политики, требующие как широкого согласования с кругами буржуазии и техническими специалистами, так и основательной научной проработки.

Многоплановым было и участие в правительственных программах Русского технического общества. Так, I отдел РТО, курировавший в том числе металлургию и горное дело, создал в 1874 г. представительную комиссию под председательством начальника уральских горных заводов и члена Горного ученого комитета А.А.Иоссы для изучения запасов руды в Криворожском бассейне. Чтобы подкрепить полученные данные, РТО ходатайствовало о назначении повторной комиссии, уже правительственной, из специалистов горного ведомства для детального анализа пригодности месторождения к промышленному освоению. Выводы, полученные РТО и подкрепленные Горным департаментом, стимулировали интерес промышленников к разработке бассейна, которая была начата в 1881 г.¹⁰¹

В 1876 г. при поддержке министра финансов М.Х.Рейнтерна в обществе действовала комиссия по изучению состояния нефтяной промышленности в России и определению мер для ее дальнейшего развития. Министерство командировало ее членов: Д.И.Менделеева и К.И.Лисенко для изучения нефтяной промышленности за рубежом. Выводы комиссии повлияли на выработку новых правил для Кавказских нефтяных промыслов и снятие акциза на продукты нефтепереработки¹⁰².

РТО и ВЭО в 70-80-е гг. принимали активное участие в обсуждении тарифов на ввозимый металл и оборудование и пошлин на вывоз сельскохозяйственной продукции. Обществами была проделана громадная аналитическая работа, привлечены ведущие специалисты и предприниматели, что позволяло им выступать с детально обоснованными программами в защиту русского товаропроизводителя¹⁰³.

Зачастую отношения научно-технической общественности и властных структур складывались конфликтно. Отказ в поддержке тех или иных предложений, высказанных научными обществами, определялся влиянием конкретных политических и деловых кругов, и, что наиболее болезненно воспринималось членами обществ, боязнь со стороны правительственных кругов использования трибуны научных обществ для обсуждения "политических вопросов". В литературе, посвященной деятельности научных обществ в России XIX в., приведено немало примеров именно такого развития событий при попытках обществ реализовать многие ценные инициативы¹⁰⁴.

Это не только объективно вредило экономическому и научно-техническому развитию страны, но и подчеркивало и укрепляло складывающиеся стереотипы восприятия власти как антагониста научной интеллигенции. Упорное нежелание правительства искать и находить формы для расширения общественного участия в принятии политических решений становилось во второй половине XIX в. все более заметным препятствием на пути национального развития, в том числе продуктивной эволюции социальных организаций научной и технической интеллигенции.

Наряду с участием научных обществ в разработке отдельных направлений правительственной политики, широчайшим полем их деятельности являлась работа по выявлению прикладных аспектов использования научного знания и тесно связанная с ней – по пропаганде передовых приемов производства и хозяйствования. В деятельности сельскохозяйственных обществ, количество которых на протяжении второй половины XIX в. увеличивается быстрыми темпами¹⁰⁵, эти аспекты работы являлись первоочередными.

С созданием Министерства государственных имуществ в центральных органах государственного управления фактически оформилась двухуровневая система контроля над деятельностью научных обществ: при сохранении руководства большинством из них со стороны МНП вновь создаваемые "отраслевые" общества оказывались в подчинении профильного министерства. МГИ было куратором крупнейшей по численности группы научных обществ – сельскохозяйственных. Помимо данного ведомства, контроль осуществляли МВД и некоторые другие центральные органы, но в несравненно меньших масштабах.

В "Наказе" министру государственных имуществ в статьях 56 и 57 вменялась обязанность по "организации сельскохозяйственных обществ и содействию этим обществам в достижении их целей"¹⁰⁶. Непосредст-

венное руководство “агрономическими и лесными обществами” осуществлялось I отделением III Департамента и состоящим при департаменте Ученым комитетом¹⁰⁷. В 1866 г. министру было предоставлено право утверждать уставы вновь образуемых сельскохозяйственных обществ¹⁰⁸.

Первой из задач, которую приходилось решать Ученому комитету и I отделению, — это налаживание системы сбора информации с мест. Аккумуляция этих сведений в департаменте и их публикация в журнале “Сельское хозяйство и лесоводство” позволяли соединять разрозненные данные опытов по использованию новых сортов и культур, применению образцов сельскохозяйственной техники и т.п. В апреле 1879 г. Департамент сельского хозяйства обратился к обществам с запросом о предоставлении основных сведений об обществах: численность, состав и структура общества, размер годовых взносов и материальные средства, наличие изданий, опытных и других заведений¹⁰⁹. С 1887 г. этот перечень сведений становится обязательной формой отчетности.

Сельскохозяйственные общества во второй половине XIX в. представляли собой серьезную научную силу. В их составе объединялись хозяйства-практики, заинтересованные в совершенствовании аграрного производства, видные ученые различных специальностей. По данным отчетов в 1870-е — 1880-е гг., крупнейшее сельскохозяйственное общество — ВЭО — насчитывало в своем составе более 1000 человек, в том числе, около половины действительных и почетных членов, остальные — члены-корреспонденты (сотрудники). МОСХ — более 500, ОСХЮР около 200 и т.п.¹¹⁰ С сельскохозяйственными обществами во второй половине столетия активно сотрудничали такие известные российские ученые, как В.П. Безобразов, А.Н. Бекетов, Б.Б. Веселовский, В.В. Докучаев, П.А. Костычев, Д.И. Менделеев, А.В. Советов и многие другие.

Крупные общества имели в своем распоряжении опытные поля и участки, лаборатории. Кроме того, исследовательская и опытная деятельность обществ тесно смыкалась с частной инициативой. Общество выступало либо как научно-методический центр (например, программа для Запольской опытной станции фон-Бильдерлинга, подготовленная ВЭО), либо брало на себя часть издержек по проведению опытов (программа Д.И. Менделеева в Боблово)¹¹¹.

Таким образом, аккумуляция научных результатов, получаемых обществами, становилось для Ученого комитета МГИ одним из важных направлений деятельности. Журнал министерства “Сельское хозяйство и лесоводство” регулярно помещал материалы обществ. На его страницах публиковались доклады членов обществ, отчеты об их деятельно-

сти, обзоры периодических изданий и отдельных монографий, выпускавшихся обществами.

Наглядным примером взаимодействия Ученого комитета министерства, сельскохозяйственного общества и других заинтересованных сторон может служить опытная программа Полтавского общества сельского хозяйства, которая начала реализовываться с 1883 г.

Решение об открытии Песчанского опытного поля было принято совместно обществом и местным земством, которое явилось главным патроном проводившихся исследований. Земство выделило 7,5 тыс. рублей единовременных субсидий и обязалось оказывать ежегодную помощь в размере 3050 руб. В 1885 г. была приобретена 21 десятина земли и возведены необходимые постройки. Годом позже 1,5 тыс. рублей было выделено на нужды опытного поля Департаментом сельского хозяйства. Программа опытного поля была составлена на основании запросов членов Полтавского сельскохозяйственного общества. На 400 опытных делянках проводились посевы многолетних трав и травяных смесей, различных сортов хлеба, картофеля и кукурузы¹¹². Департамент земледелия и сельской промышленности, поддержав начинание Полтавского общества, неоднократно обращался к нему с просьбами о проведении на опытном поле испытаний новых сортов. Так, в 1888 г. по его просьбе испытывались 5 сортов американского табака и ставился эксперимент по выевке китайского хлебного дерева¹¹³.

Несмотря на проявившиеся признаки аграрного кризиса, правительство не особенно спешило в развертывании государственного сельскохозяйственного опытного дела. Первые казенные опытные станции начали возникать лишь в 90-е гг. XIX в. (Энгельгардтовская в Смоленской губ., Шатиловская в Тульской, Валуйская (Костычевская) в Самарской, Ташкентская в Туркестане, Сухумская и Сочинская садовые и винодельческая в Кишиневе). Даже на рубеже XIX и XX столетий негосударственные формы организации сельскохозяйственной экспериментальной науки преобладали над учреждениями МЗиГИ. В 1899 г. из 47 опытных учреждений казенных было 17, земских — 14, обществам принадлежало 11, а 5 являлись частными¹¹⁴. Таким образом, при очевидном запаздывании России в создании сети государственных опытных станций ведомственная сельскохозяйственная наука стремилась опереться на существовавшие земские и частные опытные учреждения и находила поддержку.

МГИ привлекало общества и для проведения общероссийских исследований анкетного характера. В 1880 г. сельскохозяйственным об-

ществам была предложена программа сбора сведений о состоянии овцеводства и шерстяной промышленности в России. Собранные материалы подкрепили и дополнили данные экспедиций и комиссий МГИ по исследованию этой важной отрасли народного хозяйства. В 1882-84 гг. собранные материалы были опубликованы в виде трехтомного издания: "Исследование современного состояния овцеводства в России" (СПб. 1882-1884.) В 1883 г. сельскохозяйственным обществам были предложены анкеты о мерах к поощрению винокурения, поставкам хлеба Главному интендантскому управлению, перевозкам скота по железным дорогам и др.¹¹⁵

Третье из выделенных направлений правительственной политики – инициирование создания обществ – было достаточно мало распространено в практике деятельности центральных административных органов. Тем не менее о нем следует упомянуть уже потому, что оно достаточно ярко иллюстрирует бюрократический взгляд на общественные объединения и их назначение.

Правительство неоднократно предпринимало прямые шаги к созданию "ученых обществ", способствующих решению государственных задач. Выше мы уже говорили о попытках учреждения таких обществ на горных заводах и в горнозаводских округах. Типичным примером подобного мероприятия, осуществленного Министерством финансов, является попытка учреждения в 1832 г. Общества для поощрения лесного хозяйства в Санкт-Петербурге. Целью общества являлось "обращать внимание публики, особенно лесовладельцев, на крайнюю необходимость заниматься без отлагательства важным предметом сбережения лесов"¹¹⁶. Общество по § 5 его устава находилось под покровительством императора, получало ежегодную субсидию в размере 12 тыс. рублей в год и помещение в здании Министерства финансов¹¹⁷.

Государственная инициатива в создании обществ требовала больших финансовых затрат на его поддержку и, как правило, не приносила сколько-нибудь масштабных результатов. Последнее – вполне очевидно, поскольку общество превращалось фактически в бюрократическое учреждение, лишённое инициативы и субсидируемое бюджетом. Обществом поощрения лесного хозяйства был налажен выпуск "Лесного журнала" и издано несколько руководств по правильному ведению лесного хозяйства. Однако, привлечь сколько-нибудь заметное число лесовладельцев ему не удалось и в 1845 г. оно было присоединено к ВЭО на правах отделения¹¹⁸. Условия для возникновения и результативной деятельности подобного общества созрели лишь четверть века спустя, и в 1871 г.

Лесное общество было воссоздано. МГИ по прежнему продолжало оказывать обществу поддержку, однако новое объединение было уже целиком плодом частной инициативы. Если при организации общества в 1871 г. состав его учредителей составлял 137 человек, то к 1887 г. численность общества достигла 220 членов. Лесному обществу удалось воссоздать "Лесной журнал", заглохший в 1851 г., осуществить издание "Лесохозяйственного статистического атласа России" и провести в 70-е – первой половине 80-х гг. 6 съездов лесохозяев¹¹⁹.

Таким образом, деятельность ученых комитетов тесно переплеталась с работой других учреждений в рамках национальной системы организации науки. На практике имело место единое пространство науки, где межведомственные перегородки были более чем проницаемы. По мере развития структуры научных организаций в России усложнялись и связи, существовавшие между ними. С ростом научного потенциала экспериментальной базы происходило постоянное перераспределение функций между отдельными секторами организации науки. Значительную роль в выполнении учеными комитетами и советами своих функциональных обязанностей играли обширные связи их членов, обеспечивавшиеся тесными контактами вспомогательных ученых подразделений министерств с Академией наук, учебными заведениями, научными обществами.

В последней четверти XIX столетия наглядно обозначается тенденция к более тесной интеграции и координации прикладных научных исследований. Этому способствовала как логика развития науки, так и задачи и потребности в научном обеспечении государственного управления.

¹ Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. С. 67.

² Павлова Г.Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. С.105-106.

³ См.: Степанский А.Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. Учебное пособие; Харганович М.Ф. Императорская Академия наук в системе государственных и общественных научных учреждений // Вопросы истории техники и естествознания. 1999. №2. С.56-76. и др.

⁴ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21105.

⁵ Там же.

⁶ Мирский М.Б. Медицинская коллегия: из истории медицины в России XVIII в. // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. 1995. №2. С.56-57.

⁷ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21105.

- ⁸ ПСЗ-1. Т. XXX. № 23185.
- ⁹ Богданов Л.П. Русская армия в конце XVIII – первой четверти XIX вв. (Организация, управление, комплектование, вооружение). Дисс. ... д.и.н. М., 1981. С.309.
- ¹⁰ ПСЗ-1. Т. XXXII. № 24971.
- ¹¹ ПСЗ-2. Т. X. № 8661.
- ¹² ПСЗ-2. Т. XXXII. № 31989.
- ¹³ СВП (1869 г.) Изд. 2. Ч. 1. Кн. 1. Ст. 156.
- ¹⁴ Добронизский А.В. Жизнь и деятельность И.А.Тимме // Записки Горного института. 1909. Т. 2. Вып. 2. С. 91.
- ¹⁵ Цитович С.Г. Горьгорский земледельческий институт – первая в России высшая сельскохозяйственная школа (1836 – 1864 г.). Горки, 1960. С. 15-17.
- ¹⁶ РГИА, ф. 398, оп. 6, д. 1589, л. 5-6.
- ¹⁷ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т. 1. М.-Л., 1946. С.
- ¹⁸ СЗ изд. 1842 г. Т. XIII. Устав о городском и сельском хозяйстве. Ст. 242-328.
- ¹⁹ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч. 1. С. 72.
- ²⁰ Обзор действий Департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течение 10 лет с 1844 по 1854 год. Ч. II. С. 121.
- ²¹ РГИА, ф. 398, оп. 25, д. 9867, л. 14.
- ²² РГИА, ф. 398, оп. 13, д. 4471, л. 89-114.
- ²³ Там же. Л. 121.
- ²⁴ Там же. Л. 121-122.
- ²⁵ См., например: Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Л., 1991. С. 142.
- ²⁶ Краткий обзор деятельности казенного лесного управления за 1893 – 1902 гг. СПб., 1903. С. 256-263.
- ²⁷ Шапиро А. К вопросу о привилегиях на изобретения в России в 30-х гг. XIX в. // Красный архив. 1939. Т. 5 (96). С. 148, 162.
- ²⁸ ПСЗ-1. Т. XXXII. № 25143.
- ²⁹ Министерство финансов. 1802-1902 гг. Т. 1. С. 245.
- ³⁰ Шапиро А. Ук. соч.; ПСЗ-2. Т. VIII. № 6588.
- ³¹ Шапиро А. Ук. соч. С. 153.
- ³² ПСЗ-2. Т. XV. № 13888. МГИ осуществляло выдачу привилегий в сфере сельскохозяйственной промышленности до 1896 г., когда все дела о привилегиях были объединены в ведении Комитета по техническим делам при Департаменте торговли и мануфактур МФ.
- ³³ Обзор действий Департамента сельского хозяйства ... с 1844 по 1854 гт. Ч. 1. С. 55. Приложение 6. С. 35-38.
- ³⁴ Краткий очерк деятельности Ученого комитета Министерства Земледелия и государственных имуществ за время с апреля 1894 по декабрь 1898 г. С. 46.
- ³⁵ РГИА, ф. 398, оп. 6, д. 1586, л. 15.
- ³⁶ Там же. Л. 16-17.
- ³⁷ Там же. Л. 29-30.
- ³⁸ Краткий обзор деятельности казенного лесного управления за 1893-1902 гг. СПб., 1903. С. 271-272.
- ³⁹ Празднование столетия Лесного департамента. СПб., 1898. С. 13; Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч. III. Отд. II. С. 175.
- ⁴⁰ Краткий обзор деятельности казенного лесного управления за 1893-1902 гг. С. 272.
- ⁴¹ Там же. С. 119-120.
- ⁴² Там же. С. 273, 282-283.
- ⁴³ ПСЗ-2. Т. XI. № 9319 § 9.
- ⁴⁴ Там же. Т. IX. № 6716. § 10.
- ⁴⁵ Моисеев А.И. Ук. соч. С. 40.
- ⁴⁶ Пашутин В.В. Академик, заслуженный профессор В.В.Пашутин, начальник Военно-медицинской академии и председатель Медицинского совета МВД. Автобиография. СПб., 1899. С. 10.
- ⁴⁷ Моисеев А.И. Ук. соч. С. 18.
- ⁴⁸ Павлова Г.Е. Организация науки... С. 167.
- ⁴⁹ Бастракова М.С. Академия наук и университеты // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1974. № 4; Она же. Академия наук и власть: Второе столетие. От Академии Императорской к Российской // Российская академия наук. 275 лет служения России; Павлова Г.Е. Организация науки в России; Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России; Хартанович М.Ф. Ученое сословие России и др.
- ⁵⁰ ПСЗ-2. Т. XI. № 8765. § 3.
- ⁵¹ Павлова Г.Е. Организация науки ... С. 115.
- ⁵² Хартанович М.Ф. Императорская Академия наук в системе государственных и общественных научных учреждений // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 67.
- ⁵³ Цит. по: Министерство финансов. 1802-1902. Т. 1. С. 348-349.
- ⁵⁴ Там же. С. 349.
- ⁵⁵ Хартанович М.Ф. Императорская Академия наук в системе ... С. 64, 66.
- ⁵⁶ Отчет за 1844 г. по управлению Генерал-инспектора инженеров // Савельев А. Исторический очерк инженерного управления в России за время царствования императора Николая I. Приложение. С. 85.
- ⁵⁷ ПСЗ-2. Т. X. № 42239.
- ⁵⁸ РГИА, ф. 211, оп. 1, д. 2, л. 1-58; См. так же: Краткий исторический очерк Ведомства путей сообщения за 10 лет. С. 120, 141.
- ⁵⁹ Вешняков В.И. Ук. соч. С. 22.
- ⁶⁰ Обзор действий Департамента сельского хозяйства ... за 1844-1854 год. С. 1.

- ⁶¹ РГИА, ф.398, оп.2, д.354, л.1-2об.
- ⁶² Там же. Л.75.
- ⁶³ Ответы на задачи Ученого комитета Министерства государственных имуществ на конкурс 1841-1842 годов. СПб., 1843. С.1-11.
- ⁶⁴ Обзор действий Департамента ... С.2.
- ⁶⁵ Там же. Добавление к главе I. Ч.1. С.1.
- ⁶⁶ Тематика конкурсных задач см.: Обзор действий Департамента ... С.4-17.
- ⁶⁷ РГИА, ф.398, оп.25, д.9867, л.14об.-15.
- ⁶⁸ Ходнев А.И. История Императорского Вольного экономического общества с 1765 по 1867 год. СПб., 1865. С. 314.
- ⁶⁹ ПСЗ-2. Т. XXXI. № 31303.
- ⁷⁰ РГИА, ф.398, оп.25, д.9867, л.13-14.
- ⁷¹ Краткий очерк деятельности Ученого комитета Министерства земледелия ... СПб., 1899. С.47. См. также: Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Л., 1991. С.142.
- ⁷² См.: Орешкин В.В. Вольное экономическое общество в России. 1765 – 1917 гг. М., 1963; Семенов-Тянь-Шанский П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845-1895. Т.1. СПб., 1896; Филиппов Н.Г. Научно-технические общества России (1866-1917 гг.) М., 1975 и др.
- ⁷³ См.: The Patronage of Science in Nineteenth Century. / Ed. by G. L'E. Turner. Leyden, 1976.
- ⁷⁴ См.: Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4.
- ⁷⁵ Там же. С.10.
- ⁷⁶ ПСЗ-1. Т. XXVI. № 19832; № 19896; См. так же: Орешкин В.В. Вольное экономическое общество в России. С. 35.
- ⁷⁷ ПСЗ-1. Т. XXXVI. № 27623.
- ⁷⁸ Пахман Ю.М. Ук.соч. С.26.
- ⁷⁹ См.: Романовский С.И. А.П.Карпинский. С.120-121.
- ⁸⁰ ПСЗ-2. Т. XXIV. № 22938.
- ⁸¹ Там же. Т. XXXVI. № 37758.
- ⁸² Там же. Т. XIX. № 18161.
- ⁸³ Семенов (Тянь-Шанский) П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845-1895. СПб., 1896. Т.1. С.7-8.
- ⁸⁴ См.: Юбилей пятидесятилетней службы в офицерских чинах бар. А.И.Дельвига. С.10-11; Шафрановский И.И. Н.И.Кокшаров; Фигуровский Н.А., Соловьев Ю.И. Н.Н.Зинин. М., 1957; Здекауэр (Николай Федорович) // Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Т.5. С.199.
- ⁸⁵ Филиппов Н.Г. Научно-технические общества ... С.25.
- ⁸⁶ Там же. С.29.
- ⁸⁷ Там же. С.26.
- ⁸⁸ Записки Русского географического общества. Кн. I и II. СПб., 1847. Изд. 2. С.16.
- ⁸⁹ РГА ВМФ, ф.162, оп.1, д.145, л.2.
- ⁹⁰ Ср.: Устав Русского географического общества // ПСЗ-2. Т. XXIV. № 23778; Устав Русского технического общества // ПСЗ-2. Т. XLI. № 43219 и др.
- ⁹¹ Орешкин В.В. Ук.соч. С.30.
- ⁹² Ходнев А.И. История Императорского Вольного экономического общества. С. 147.
- ⁹³ Пахман Ю.А. Ук.соч. С.35.
- ⁹⁴ Орешкин В.В. Ук.соч. С.36.
- ⁹⁵ См.: Труды экспедиции, снаряженной Вольным экономическим и Русским географическими обществами для исследования хлебной торговли и производительности России. Т.1-4. СПб., 1870-1874.
- ⁹⁶ Мельникова О.Б. П.П.Семенов-Тянь-Шанский и Российская статистика. С.50.
- ⁹⁷ РГИА, ф.1290, оп.1, д.310, л.64-65,211.
- ⁹⁸ Там же, д.306, л.1-2.
- ⁹⁹ Там же, л.10-10об.,15.
- ¹⁰⁰ Там же, оп.3, д.33, л. 1-13,85об.
- ¹⁰¹ Филиппов Н.Г. Ук.соч. С.63.
- ¹⁰² Там же. С.82.
- ¹⁰³ Орешкин В.В. Ук.соч. С. 41; Филиппов Н.Г. Ук.соч. С.102-103.
- ¹⁰⁴ См.: Орешкин В.В. Ук.соч. С.43-44,47 и др.; Филиппов Н.Г. Ук.соч. С.84,120-121 и др.; Соловьев С.П. Всесоюзное минералогическое общество и его роль в развитии геологических наук. М., 1967. С. 32.
- ¹⁰⁵ Морачевский В.В. Сельскохозяйственные общества в России. СПб., 1911. С.11.
- ¹⁰⁶ ПСЗ-2. Т. XII. № 10834.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Чернуха В.Г. Сельскохозяйственные общества России в 60-70-е гг. XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С.188-189.
- ¹⁰⁹ Сельское хозяйство и лесоводство. 1879. №4. С.2-3.
- ¹¹⁰ Чернуха В.Г. Ук.соч. С.193.
- ¹¹¹ Елина О.Ю. Наука для сельского хозяйства в Российской империи: формы патронажа // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. №1. С.51-53.
- ¹¹² Отчет по опытному полю Полтавского общества сельского хозяйства за 1885-1887 годы // Сельское хозяйство и лесоводство. 1889. №1. С.15.
- ¹¹³ Отчет по опытному полю Полтавского общества сельского хозяйства за 1888 г. // Там же. С.89.
- ¹¹⁴ Гинс Г.К. Шафранов П.А. Ук.соч. С.244.

¹¹⁵ Историческая записка о тридцатилетней деятельности Императорского Московского общества сельского хозяйства // Сельское хозяйство и лесоводство. 1890. №5. С.55.

¹¹⁶ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч.III. Отд. С.229.

¹¹⁷ ПСЗ-2. Т.VII. № 5186.

¹¹⁸ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч.III. Отд.II. С.229.

¹¹⁹ Там же. С.230.

ГЛАВА 5

УЧЕННЫЕ КОМИТЕТЫ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ

Одним из важнейших направлений деятельности ученых комитетов была работа по аккумуляции и распространению научных сведений в тех отраслях науки и техники, которые представляли непосредственный интерес для системы государственного управления и опекаемых ею отраслей народного хозяйства.

Выделение "ученой части" в качестве самостоятельного элемента в структуре органов государственного управления предполагало, во-первых, создание эффективно действующей системы сбора и накопления научной и технической информации. Этой задаче отвечали специализированные библиотеки, создававшиеся при ученых комитетах и советах. И, во-вторых, поскольку эта информация должна была быть использована в непосредственной деятельности ведомства, и не только в рамках центрального аппарата, но и в низовых звеньях, необходимым пунктом в информационной работе комитетов становились вопросы распространения научных и технических сведений среди служащих ведомства. Последняя задача выполнялась посредством выпуска специальных периодических и повременных изданий или отдельных рубрик в ведомственных периодических изданиях министерств, а также издания отдельных монографий и сборников.

Распространение научной информации было связано для ученых министерских подразделений с решением целого комплекса непростых проблем. Значительная их часть определялась необходимостью адаптации научной информации, как языковой (поскольку подавляющая часть научных трудов издавалась, в том числе и в России, на иностранных языках), так и содержательной – учитывая уровень ее "массового" потребителя. Результатом этой работы становилось создание на протяжении XIX столетия ведомственной системы научной и технической информации, существенно отличающейся по принципам отбора, целям и задачам организации научного материала от тех "информационных мас-

сивов”, создание которых было связано с академической наукой, учеными обществами, высшей школой.

“Информационная составляющая” в работе ученых учреждений министерств по своей объективной роли далеко выходила за пределы сугубо ведомственных целей и задач, являясь новым и существенным элементом в становлении единого национального научного информационного поля. Создававшаяся учеными подразделениями министерств система специализированной прикладной научной и технической информации, ранее, в предшествующий период развития науки в XVIII в., была лишь структурно намечена немногими, по преимуществу частными изданиями и библиотечными собраниями. Причем, прикладные аспекты наук в изданиях XVIII в. носили более просветительский и подчеркнуто-популярный характер¹.

Научно-информационная деятельность ученых комитетов министерств смыкалась с задачами, решавшимися органами государственной власти в сфере повышения уровня общего и специального образования чиновничества. Результатом этой работы было расширение сферы использования научной информации, расширения аудитории, для которой она предназначается и которая ее использует. Выше отмечалось, что шаги правительства по поиску конкретных сфер прикладного использования научных достижений в целом опережали реальные запросы экономики в силу существовавших социально-экономических условий. Таким образом, развитие системы ведомственной прикладной научной и технической информации объективно выполняло культуртрегерские функции.

С позиций длительной исторической перспективы не столь важными представляются практические, изначально предусмотренные цели научно-информационной деятельности министерств. Итогом становилось формирование “сложного, глубокого социально-культурного контекста, в рамках которого” существует наука. В него “войдут, как справедливо отмечает Н.И. Кузнецова, и ... культурные традиции отношения к книге, знанию. В частности, развитие европейской науки в существенной мере опирается на уходящий корнями в древность ритуал ... обмена сведениями в рамках некоторых имплицитных правил, обычай “информационного поведения”². Таким образом, информационная деятельность ученых министерских подразделений объективно способствовала расширению социальной ниши науки, ее встраиванию в социальные структуры российского общества.

Библиотечные собрания ученых комитетов и советов, издававшаяся научными министерскими подразделениями периодика, серийные и монографические издания представляют существенный научный интерес и в еще одном качестве. Они продолжают составлять, теперь уже в источниковедческом плане, весомый блок в комплексе российской научной информации XIX столетия.

5.1. Библиотеки ученых комитетов

Хотя библиотечные собрания при органах государственного управления начинают активно пополняться уже в XVIII в., однако в большинстве случаев они концентрировали лишь законодательные материалы, научные издания если и попадали в них, то только в случайном порядке. Ведомственный архив и библиотека, как правило, не были разделены структурно. Таким образом, говорить о систематической работе центральных административных органов по составлению специализированных научных библиотечных собраний в рамках XVIII в. вряд ли возможно.

Принципиально иной становится ситуация в XIX в. Развитие научного знания, вызвавшее количественный рост научной информации как в зарубежных, так и в российских изданиях, и – главное – осознание реальной потребности в таковой информации, стимулируют с начала XIX в. активный рост специализированных ведомственных библиотек, причем ориентированных именно на научные сведения.

Одним из первых таких библиотечных собраний, призванных аккумулировать выходящую в свет литературу по самому широкому кругу научных вопросов, стала библиотека Адмиралтейского департамента. Библиотека была учреждена в 1805 г. в составе музея, принадлежащего Ученой части департамента. В ней должны были быть собираемы “все любопытнейшие сочинения”, касающиеся мореплавания и наук, связанных с морским делом. По распоряжению П.В. Чичагова, возглавлявшего Морское министерство, для фундаментального основания адмиралтейской библиотеки в Копенгагене была закуплена библиотека умершего датского министра гр. Бернсторфа за 15 тыс. рублей. Библиотека не была закрытой. По разрешению руководства Адмиралтейского департамента “всякий с дозволения ... входить и пользоваться чтением книг может”. На содержание музея, библиотеки, закупку литературы и жало-

вание штатным сотрудникам выделялась немалая по тем временам сумма: 10 тыс. рублей серебром ежегодно³.

В 20 – 30-е гг. XIX в., по мере становления и развития системы ведомственных ученых подразделений, создаются и развиваются принадлежащие им библиотеки.

В первой половине XIX столетия большинство из них играли роль общеминистерских библиотек, предназначенных для пользования всех сотрудников того или иного ведомства. В частности, библиотека Ученого комитета Министерства финансов, созданная в 1824 г., в соответствии с инструкцией должна была “служить справочным местом при занятиях служащих в министерстве”⁴. Более того, уже имевшиеся в распоряжении отдельных департаментов библиотеки зачастую объединялись или передавались в состав библиотек ученых подразделений. Так, в 1835 г., спустя год после создания Статистического отделения при Совете МВД, на базе его библиотеки создается общая библиотека министерства, сформированная из книжных собраний отдельных департаментов⁵.

Подобный подход к организации и использованию библиотек ученых комитетов был не случаен. Комплектование библиотечных фондов находилось в начальной стадии. Не было выработано системы пополнения библиотек. Эти проблемы наиболее успешно могли быть разрешены именно членами ученых комитетов. Кроме того, необходимо учитывать, что ученые комитеты пользовались правами академий и университетов в приобретении литературы из-за рубежа, что позволяло обходить многие бюрократические и цензурные рогатки.

На первом этапе существования библиотек ученых комитетов в 20 – 30-е гг. XIX в. главной проблемой являлось именно пополнение фондов как новыми, так и ранее вышедшими изданиями. В правилах для библиотеки Ученого комитета Министерства финансов указывалось, что “если в библиотеке не окажется сочинений, приобретение которых необходимо и полезно, то всякое о том заявление будет принято с благодарностью, и сочинения будут по возможности приобретены”⁶.

Заметным источником пополнения библиотек на протяжении всего исследуемого периода были безвозмездные пожертвования книг, карт, рукописных материалов. При формировании библиотеки Статистического отделения Совета МВД в 1834-1835 годах книги были переданы чиновниками министерства, научными учреждениями: Санкт-Петербургской и Российской академиями, Московским обществом сельского хозяйства, частными лицами. Наиболее существенные вклады

были сделаны министром Внутренних дел Д.Н.Блудовым – Труды французского статистического общества за 30-е годы XIX в., и А. Германом, сыном организатора русской административной статистики К.Ф. Германа, – часть архива отца⁷.

Сравнительно быстро библиотеки ученых комитетов превращаются в солидные по объему и составу собрания специальной литературы, рукописей и других материалов. Так, созданная в 1837 г. библиотека Ученого комитета МГИ в 1839 г. имела в своем составе лишь 182 издания. Раздел “сельское хозяйство” включал в себя только 10 книг, из которых на русском языке – 3: “Основания рационального сельского хозяйства” А. Тара, “Курс сельского хозяйства” Павлова, изданный в 1837 г. в Москве, и “Руководство в сельском хозяйстве” Д. Шелехова (СПб., 1837). Периодические издания были представлены по преимуществу русскими официальными изданиями и зарубежными сельскохозяйственными журналами (33 наименования)⁸. Но уже в 1842 г. библиотека насчитывала более 1200 названий специальных книг по сельскому хозяйству и сопредельным областям знания и периодических изданий общим объемом 3000 томов. В связи со все увеличивающимся объемом библиотечного фонда, необходимостью его систематизации в 1842 г. в штат Ученого комитета МГИ вводится специальный чиновник 10 класса для ведения дел по библиотеке⁹.

В круг обязанностей некоторых ученых комитетов, в частности Морского УК, Военно-ученого комитета и ряда других, входили задачи по сбору и рассмотрению всех вновь издаваемых сочинений по соответствующим областям знания как в России, так и за рубежом¹⁰. Подобный подход к организации деятельности библиотек требовал совершенно иного уровня постановки работы. По сути дела, библиотеки этих ученых комитетов являлись не просто вспомогательными подразделениями комитетов, а выполняли серьезные самостоятельные информационно-аналитические функции.

Для ведения дел по библиотеке, как правило, приглашались квалифицированные чиновники, так как члены ученых комитетов не могли по характеру своих занятий взять на себя исполнение столь объемных и кропотливых задач. Так, в 1846 г. при подготовке нового положения о Морском ученом комитете его председатель Ф.П. Литке обстоятельно доказывал необходимость образовать в составе ученого комитета канцелярию, в которой ученый секретарь комитета и два его помощника – чиновники 8 и 9 классов, обязательно владеющие иностранными языками, смогли бы обеспечить необходимый уровень комплектования биб-

лиотечных фондов¹¹. Все предложения Ф.П. Литке были учтены и реализованы в "Положении о Морском ученом комитете" 1847 г. К Морскому ученому комитету были прикомандированы в качестве сотрудников капитан-лейтенант А.В. Фрейганг и лейтенанты А.А. Храмцов и В.П. Мельницкий, знавшие французский, немецкий, английский, шведский, датский языки. А.В. Фрейганг, кроме того, владел еще голландским, итальянским и испанским языками¹².

Сбор новой научной информации посредством приобретения литературы соответствующего профиля был тесно связан с издательскими программами ученых комитетов. По новому "Положению" о Морском УК на обязанности канцелярии возлагалось и издание "Записок Морского ученого комитета", где наиболее значимые открытия в сфере кораблестроения и мореходных наук должны были получать свое освещение¹³.

Наглядное представление о порядке деятельности библиотек ученых комитетов дает инструкция библиотекарю Ученого комитета Министерства государственных имуществ, изданная в 1853 г.¹⁴ Обязанности библиотекаря возлагались на помощника производителя дел Ученого комитета. Главной его обязанностью являлось ведение каталогов: хронологического, алфавитного и систематического, а так же исполнение других технических работ по библиотеке. Систематический каталог включал в себя 13 рубрикаций, в числе которых выделялись издания по сельскому и лесному хозяйству, статистике и географии, законоведению, естественным и математическим наукам, технологии, а так же издания МГИ и рукописные материалы.

Пополнение библиотеки велось за счет штатных сумм, выделявшихся ежегодно на приобретение необходимой литературы. Периодические издания, как российские, так и зарубежные, подписывались по предварительно составленному и одобренному на заседании комитета списку. Покупка книг для библиотеки осуществлялась по предложениям членов УК с санкции председателя или на основании решения комитета (пп. 16, 17 Инструкции).

Пользоваться библиотекой имели право помимо членов Ученого комитета и другие чиновники МГИ. Члены ученого комитета могли брать литературу – до 20 томов – на дом. Остальным служащим в министерстве предоставлялась возможность работать только в библиотеке (пп. 26 – 28).

Интересным представляется развитие этих положений в Инструкции 1898 г., выработанной в связи с реорганизацией Ученого комитета¹⁵. В

соответствии с новым положением, Ученый комитет избирал из своей среды библиотечную комиссию в составе трех членов комитета, ученого секретаря и библиотекаря, последние – с правом совещательного голоса, "для наблюдения за распределением библиотечной суммы, обсуждения представлений о выписке книг и периодических изданий" (п. 2). На членов комитета – заведующих его специальными бюро – возлагалась обязанность составлять ежегодно списки книг и периодических изданий, каждым по своей специальности, которые было необходимо приобрести для библиотеки (п.9), а библиотекарь был обязан следить за выходом в свет новых изданий "по различным отраслям сельскохозяйственных знаний и соприкасающихся с ними наук" (п. 3). Тем не менее, "в случае неотложной надобности издания могут быть приобретены по словесному заявлению члена Ученого комитета с разрешения председателя" (п. 10). Приведенные выше правила достаточно красноречиво свидетельствуют о том внимании и той роли, которые отводились библиотеке и пополнению ее фондов.

К середине XIX в. библиотеки ученых комитетов становятся крупными собраниями научной литературы по профильным отраслям знания. Складываются объективные возможности для более широкого их использования не только чиновниками ведомств, но и специалистами, не находящимися на службе в том или ином министерстве. Ученые комитеты, по существу своих задач ориентированные на сотрудничество с самым широким кругом специалистов и практиков, охотно предоставляли возможность всем нуждающимся в специальных изданиях пользоваться своими библиотечными фондами.

Первым начинает издавать систематические каталоги своей библиотеки и, таким образом, делает доступными ее фонды для использования, Ученый комитет Министерства государственных имуществ. "Систематический каталог книгам, находящимся в библиотеке Ученого комитета МГИ", был издан в 1839 г. и переиздавался с дополнениями в 1843, 1865 и 1901 годах. С шестидесятых годов и большинство других ученых комитетов начинают издавать периодически обновляемые или сопровождающиеся дополнениями каталоги своих библиотек: Ученый комитет Министерства финансов – в 1864, 1871, 1873 и 1904 гг.; Ученый комитет Морского министерства – в 1862 г.; Военно-медицинский ученый комитет – в 1878 г. и т.д.

Библиотеки ученых комитетов становились местами встреч и обмена научными идеями между специалистами, выполняя, таким образом, роль одного из центров притяжения формирующейся научно-

технической интеллигенции. Так, например, в 60-е годы в библиотеке Инженерного управления регулярно проводились чтения технических докладов и устраивались беседы по актуальным вопросам науки и техники, в которых принимали участие такие известные русские инженеры, как М.А. Герсванов и Э.И. Тилло¹⁶.

Динамику роста библиотечных фондов на протяжении второй половины XIX в. можно наглядно представить на примере крупнейших и наиболее известных библиотек ученых комитетов.

Так, библиотека Ученого комитета МГИ в 1865 г. включала в себя 11 тематических отделов, представленных 5.440 наименованиями книг, и 336 периодических изданий, к 1901 г. состав книжного фонда, распределенного по 10 разделам, включал в себя 16.000 наименований книг и 640 периодических изданий. Последняя часть фонда – периодика – представляла собой уникальное собрание сельскохозяйственных изданий, как российских, включая уездные, так и зарубежные. Выделялись следующие тематические отделы библиотечного собрания: сельское и лесное хозяйство, охота, горное дело, металлургия, минеральные воды, технология, механика, строительное и инженерное искусство, естественные и математические науки, экономика, политика и юриспруденция, общее и специальное образование и др.¹⁷

Библиотека Ученого комитета Министерства финансов сосредоточила литературу по следующим вопросам: теория, история и статистика финансов, финансовое право, счетоводство, контроль, источники государственных доходов, народное хозяйство, пути сообщения, почты, телеграфы, образование, здравоохранение, продовольствие и др. Всего каталог библиотеки выделял более 20 разделов. Только рубрика "Государственное и народное хозяйство" по каталогу 1864 г. насчитывала 2110 наименований научных и справочных изданий. В 60-70-е гг. XIX в. библиотекой выписывались 70 периодических изданий, в том числе 39 русских, остальные – на иностранных языках¹⁸. Общее количество наименований книг, периодических изданий, отдельных оттисков, рукописей в 1864 г. превышало 2900 наименований¹⁹. К 1867 г. фонд библиотеки увеличился до 4029 наименований, в 1871 г. – до 5250, в 1873 г. – до 6150, а к началу XX в. (1904 г.) достиг 23213 наименований. В том числе, "русский отдел" библиотеки составлял 11.114, а "иностраный" – 12.099 наименований²⁰.

Структуру библиотечного фонда в том виде, в котором он сформировался к концу XIX – началу XX вв., представляет следующая ниже таблица:

Структура фонда библиотеки Ученого комитета Министерства финансов по состоянию на 1904 г. (количество наименований)*

Тематические рубрики	Русские издания (по состоянию на 1901 г.)	Иностранные издания
Финансы	889	1808
Народное хозяйство	4342	6945
Правоведение	1559	1532
География, этнография	1205	883
История, политика	242	626
Счетоводство	90	85
Технология	43	28
Библиография	168	70
Словари, справочная литература	60	70
Периодика	76	102
Всего:	8714	12099

Приведенные количественные показатели наглядно демонстрируют тот факт, что библиотека Ученого комитета МФ к концу XIX столетия превратилась в крупное для своего времени собрание литературы по ряду сопряженных отраслей знания. Действительно, и государственным научным, и учебным организациям, и научным обществам трудно было конкурировать с подразделениями центрального правительственного аппарата, каковыми являлись ученые комитеты, в возможностях комплектации своих библиотек.

Характерно, что в конце XIX в. библиотека Министерства финансов структурно разделяется на библиотеку Ученого комитета и библиотеку для служащих. Таким образом, на новом качественном витке своего развития библиотеки ученых комитетов начинают обособляться, превращаясь в специализированные научные собрания литературы.

Библиотеки ученых комитетов отличала еще одна немаловажная особенность, что делало их ценными источниками научной информации, хотя и для достаточно узкого круга специалистов. Как явствует из п. 21 "Правил для библиотеки Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ" (1898 г.), библиотеки содержали и литературу, запрещенную цензурой. Доступ к пользованию этими книгами был ограничен, тем не менее для членов комитета, высших мини-

* Таблица составлена по данным: Систематический каталог библиотеки Министерства финансов. Ч. I и II. СПб. 1901-1904.

стерских чиновников, а также почетных членов ученого комитета книги были доступны²¹. Аналогичные права в получении из-за границы книг и периодических изданий на русском и иностранных языках без цензурного рассмотрения было предоставлено Императорской Академии наук в 1859 г. и Центральному статистическому комитету МВД в 1863 г.²²

Дополняя картину развития библиотечных собраний ученых комитетов, следует отметить, что далеко не все ученые подразделения обладали крупными библиотеками. Военно-медицинский ученый комитет в соответствии с "Положением" 1843 г., которое действовало и в дальнейшем, на выписку книг, журналов, инструментов и т.п. расходовал по смете всего лишь 1 тыс. рублей в год²³. Как следствие, его библиотечное собрание в 1878 г. немногим превышало 700 наименований²⁴.

5.2. Издательская деятельность ученых комитетов

В истории развития госучреждений России два процесса оказались соединены во времени и, как мы постараемся показать, были обусловлены общими целевыми установками: одновременно с возникновением первых ученых комитетов в структуре центральных органов государственного управления происходит и становление системы ведомственных изданий.

С момента создания первых ученых подразделений и на всем протяжении их существования распространение научных сведений, обнародование результатов прикладных исследований, наконец, научно-просветительская деятельность, занимали существенное место в общей структуре их работ. Так, главная обязанность Военно-ученого комитета определялась "в распространении сведений по ученой части военного искусства"²⁵. Горному ученому комитету, Ученому комитету Министерства путей сообщения было поручено издание ведомственных журналов с целью сделать общедоступными новейшие научные разработки в соответствующих сферах знания и т.д.²⁶ Таким образом, издательская деятельность являлась одним из приоритетных направлений работы ученых комитетов.

Несмотря на общепризнанную ценность ведомственных журналов и сборников как исторического источника, до настоящего времени они изучены весьма неравномерно. По истории отдельных ведомственных периодических изданий имеется лишь незначительное количество публикаций в основном ведомственного же характера²⁷. Между тем, плодо-

творность подобных исследований наглядно иллюстрируется теми немногими работами, которые посвящены этой интересной тематике, как, например, исследование С.Б. Белогурова, воссоздающее историю военной периодической печати в XIX – начале XX в., и Е.И. Лагутиной, – посвященное анализу журнала "Морской сборник" как источника по истории военно-морского флота²⁸.

В настоящем разделе мы, не претендуя на полноту раскрытия этой большой и вполне самостоятельной темы, коснемся лишь тех ведомственных изданий, которые были непосредственно связаны с учеными комитетами, издавались ими.

Появление в течение первых десятилетий XIX в. спектра ведомственных изданий, несомненно, отвечало назревшим общественным потребностям в увеличении информации о деятельности центральных органов государственной власти. Кроме того, расширение издательской деятельности госучреждений совпадало с просветительскими устремлениями части высшей бюрократии, видевшей в ней одно из возможных средств образования и воспитания общества, в первую очередь, дворянства.

Развитие и совершенствование как конкретных отраслей национального хозяйства, так и самой системы государственного управления уже не мыслилось в начале XIX в. в отрыве от применения научных знаний. Отвечая требованиям времени, Санкт-Петербургская Академия наук в 1804 г. приступает к изданию "Технологического журнала или собрания известий, относящихся до технологии и приложения учиненных в науке открытий к практическому употреблению", выходившему вплоть до 1815 г. по 4 номера в год. Наряду с министерскими периодическими изданиями в первые два десятилетия XIX в. появляется и ряд специализированных изданий научного направления, бывших плодом частной инициативы, хотя и поддержанной в ряде случаев правительством. В их числе "Статистический журнал" К.Ф. Германа, "Исторические и тактические отрывки" А.де Санглена, "Военный журнал" П.А. Рахманова и одноименный журнал, выпускавшийся "Обществом военных людей" при штабе Гвардейского корпуса, редактором-издателем которого был Ф.Н. Глинка. Появление подобных изданий наглядно иллюстрирует общую тенденцию к расширению информации по наиболее важным для государства вопросам, анализу текущих проблем с позиций науки. Весьма умеренные шаги в этом направлении, сделанные правительством Александра I в первое десятилетие XIX в., были горячо поддержаны передовой частью русского общества. К сожалению, обозначившая-

ся тенденция была достаточно быстро вытеснена политикой цензурных ограничений, ставшей на десятилетия главенствующей.

Как следствие, ведомственные издания, хотя и в меньшей степени, нежели литературные и общественно-политические, также испытывали на себе пресс цензурных запретов, что не могло не сказаться на процессе их развития, особенно в первую половину XIX столетия. Запрет на публикацию сведений, не только составляющих государственную тайну, но и просто невыгодно рисующих современное положение дел в России, превращал зачастую министерские журналы в малонзвестные, не пользующиеся популярностью в среде читающей публики сборники казенных отчетов.

В более выгодном положении оказывались издания, которые не были связаны напрямую с такими наиболее "болезненными" в цензурном плане сферами, как армия, земельный и крестьянский вопросы и т.п. Их развитие, фактически целиком построенное на пропаганде научно-технических новаций в конкретных отраслях народного хозяйства, как, например, горное дело и горнозаводская промышленность, испытывало существенно меньше препон.

Однако ученые и специалисты, входившие в состав ученых комитетов, в большинстве случаев не могли ограничиться столь узким подходом к формированию издательских программ. Дело в том, что данное направление было единственной сферой работы ученых комитетов, выходящей за рамки сугубо ведомственных задач и интересов, сферой, в которой деятельность комитетов была адресована и научной общественности, и образованной части русского общества в целом. Уже само это обстоятельство – возможность публикации результатов исследований, аналитических записок, предложений – делало труд членов ученых комитетов известным, в идеале – востребованным. Это, несомненно, заставляло их сотрудников относиться к изданию трудов комитетов с большой ответственностью.

Издательские программы ученых комитетов отвечали и весьма важной цели в представлениях просвещенной бюрократии XIX в. и ученых: наращиванию комплекса сведений о России, о ее государственном хозяйстве, современном опыте европейских стран. По их мысли, обнаружение подобной информации должно было способствовать совершенствованию государственного управления, помогать изживанию негативных аспектов в российской действительности. Таким образом, именно возможность издания имевшихся в распоряжении ученых комитетов материалов позволяла, говоря словами А.П.Заблоцкого-Десятковского,

"освещать возникающие вопросы светом положительного знания, и, наоборот, из сопряжения ежедневных событий извлекать задачи для решения науки"²⁹.

Издательская деятельность ученых комитетов министерств и ведомств может быть сведена к двум главным направлениям, перекрывающим практически все многообразие ведомственных изданий, прямо или косвенно связанных с учеными комитетами. Это, во-первых, выпуск серийных и периодических изданий: записок, трудов, журналов и т.п. продолжающихся сборников материалов. Во-вторых, – это издание, либо непосредственно комитетами, либо под их патронажем, отдельных книг монографического характера.

Несмотря на все многообразие научной тематики, существенно разнившейся в соответствии с задачами, решаемыми тем или иным ведомством, проблемы, с которыми сталкивались ученые комитеты в своей издательской деятельности, и пути их решения носили общий характер. Можно говорить об известной типичности и этапности в развитии издательских программ комитетов, что связано с общими тенденциями в развитии научной и ведомственной книгоиздательской деятельности на протяжении XIX столетия.

Создание периодических и серийных изданий научно-прикладной и научно-популярной направленности, – а именно к данной тематике можно отнести большую часть изданий ученых комитетов, – имело к началу XIX в. определенную традицию, заложенную целым рядом журналов и серийных изданий XVIII столетия. Однако этот опыт далеко не создавал еще надежной базы в виде устойчивых и апробированных подходов к их структуре, принципам отбора материалов и т.д. Анализ развития российской научной периодики в XVIII в. приводит исследователей к выводу, что "ее появление опережало реальные потребности общества в подобной информации. Нельзя сказать, чтобы чисто научная периодика прошла значительный путь развития на протяжении XVIII в."³⁰ Кроме того, в научных изданиях, и в первую очередь в изданиях Академии наук, в качестве основных в первой половине XIX в. продолжали использоваться латынь и европейские языки. Задача выработки национального научного языка продолжала оставаться до конца не решенной. Наконец, издания, осуществлявшиеся учеными комитетами, являлись не только научными изданиями, но и изданиями ведомственными, то есть ориентированными в первую очередь на соответствующую тематику и соответствующий контингент читателей: главным образом служащих того или иного ведомства. Все это в сумме создавало

немалые трудности на пути выработки как издательских программ в целом, так и структуры конкретных изданий ученых комитетов.

Рассмотрим, как осуществлялось развитие издательской деятельности ученых комитетов, наиболее активно работавших в данной сфере.

Первым ведомством, приступившим к изданию своего печатного органа, была Адмиралтейств-коллегия, которая в 1800 г. по инициативе вице-адмирала А.С.Шишкова начала публикацию "Повременных записок"³¹. В последующем, с образованием Адмиралтейского департамента, издание преобразуется в "Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности". Их выпуск поручается Ученой части департамента.

По замыслу организаторов нового научного издания в его программе "сверх предметов, относящихся к морскому искусству и всего происходящего в чужих и нашем флотах, помещено будет и все то, что может быть полезным, приятным или любопытным ... Словом, журнал сей должен быть такого содержания, чтобы не для одних мореходцев, но и для всех соотечественников наших мог быть любопытен"³².

Такой "просветительский" в самом широком смысле этого слова уклон в издательской деятельности Адмиралтейского департамента отнюдь не был лишь данью увлечению науками. Сбыт печатной продукции достаточно специального назначения был весьма ограничен, и продажа книг, издаваемых в Морской типографии, не позволяла окупать необходимые расходы. Продажа книг "столь медлительно происходит – докладывал в 1803 г. Александру I руководитель морского ведомства И.В. Чичагов, – что находится великое число книг, за пятьдесят лет напечатанных и по сие время не распроданных"³³. Учитывая эти обстоятельства, морское ведомство стремилось сделать свой журнал более интересным для широких слоев публики, насытить его помимо специальной информации, и другими, интересными сведениями.

Как мы увидим, проблемы спроса на печатную продукцию, издаваемую учеными подразделениями министерств и в дальнейшем, на протяжении всего XIX в., являлись если не сдерживающим фактором в развитии подобных изданий, то, во всяком случае, обстоятельством, которое невозможно было не учитывать. С другой стороны, выпуск изданий, заранее обреченных на отсутствие широкого читательского спроса не в силу их низкого качества, а в силу отсутствия в составе общества того слоя, которому они могли бы быть адресованы, достаточно наглядно характеризует роль издательской деятельности ученых комитетов. В известной степени, она, как и в XVIII в., опережала запросы общества,

но и создавала тем самым более благоприятную почву для его интеллектуального и культурного развития.

С 1807 по 1826 г., за время существования Ученой части Адмиралтейского департамента, в свет вышло 13 частей "Записок". С 1807 по 1823 г. "Записки" выходили без определенной периодичности и за 16 лет было издано лишь 5 томов. Но в 1824 – 1826 гг. издание становится регулярным: ежегодно в свет выходит по две части.

"Записки Ученого комитета Морского штаба" (издавались в 1827-1845 гг., в свет вышло 17 частей) в целом продолжили программу и традиции издания Адмиралтейского департамента, однако цензурные ограничения Николаевского времени заставляли как можно менее места и внимания уделять положению собственно русского флота и отечественному кораблестроению. Это снижало практическую значимость "Записок", обрекая их на роль оторванного от жизни, малоизвестного ведомственного сборника. Верховная власть мало заботилась о сохранении издания: в росписи штатов Морского ученого комитета 1827 г. суммы на издание "Записок" отдельной строкой предусмотрены не были. Так же не была предусмотрена должность редактора³⁴. По недостатку средств, практически все труды по их изданию лежали на председателе комитета Л.И. Голенищеве-Кутузове, и содержание записок наполнялось в значительной степени историческими статьями последнего о действиях флота³⁵.

Попытку серьезного пересмотра издательской программы Морского ученого комитета предпринял с приходом к руководству этим подразделением Ф.П. Литке. Плодом его размышлений стал поданный 22 февраля 1848 г. на имя Николая I доклад, содержащий критический анализ состояния дел с изданием "Записок" и детально проработанные предложения по изменению структуры и содержания повременных изданий ученого комитета. Далеко не все, что было предложено в проекте реорганизации издательской деятельности комитета, удалось воплотить на практике, однако именно Ф.П. Литке были воскрешены идеи ведомственного журнала, обращенного к широкой аудитории.

Более чем двадцатилетний опыт "Записок Ученого комитета Морского Штаба" наглядно показал оторванность этого издания от широких кругов морского офицерства. Причинами такого положения дел были как тяжеловесная, академическая манера изложения материалов, зачастую далеких от насущных потребностей флота, так и нерегулярность выхода в свет отдельных его частей. Предложения председателя Мор-

ского ученого комитета заключались в коренном изменении издательской программы этого подразделения.

По мнению Литке, “Записки” ученого комитета и не должны быть регулярными, поскольку они наполняются трудами самого комитета. В то же время во флоте ощущается “недостаток повременного издания, которому бы все служащие на флоте могли бы доверять свои мелкие произведения, не довольно важные, чтобы занять место в журнале ученом, но многоценные, может быть для их собратьев”³⁶. Таким образом, Ф.П. Литке от лица Ученого комитета предлагал дополнить “Записки” выпуском нового повременного издания – “Морского сборника”, ориентированного на широкие круги военных моряков, оставив за “Записками” функции сугубо научного сборника. Комитет брал на себя обязательства “озаботиться приисканием корреспондентов из числа моряков, в разных портах находящихся, и офицеров в отставке”. Цену за новое издание предполагалось назначить минимально возможную: не более двух – двух с половиной рублей серебром за годовой комплект³⁷.

Программа Морского сборника, предложенная Ф.П.Литке, должна была состоять из следующих разделов: Известия по части военноморского искусства в России, о плавании эскадр, о портах, сведения об иностранных флотах и портах, отчеты о морских экспедициях, “замечательных в военном, торговом или ученом отношении”, история флотов. Кроме того, в журнале планировалось публиковать известия “о необыкновенных происшествиях на море” и литературные произведения, “имеющие предметом морское дело”³⁸.

Несмотря на то, что журнал планировался как издание, обращенное к самой обширной морской аудитории, специальная тематика Морского ученого комитета занимала в нем заметное место. Более того, именно массовый в условиях и понятиях того времени журнал создавал возможность вовлечь в обсуждение важных научных вопросов не только узкий круг специалистов, но и самих морских офицеров, тех, кому и суждено было применять научно-технические новации на практике. Уже в первых номерах нового журнала планировалось опубликовать серьезные научные статьи о способах использования каучука для ремонта подводной части судна, меры по снижению опасности самопроизвольного возгорания каменного угля, данные “об архимедовом винте в приложении к мореходству”³⁹.

Таким образом, проект Литке возрождал лучшие идеи и традиции первого адмиралтейского издания – “Записок Адмиралтейского департамента” – но на новом качественном уровне. Однако осуществление

этих планов в полном объеме в условиях Николаевской России конца сороковых годов было невозможным. Резолюция, наложенная на проект императором, четко обозначила рамки допустимого, выхолостив в значительной степени его суть. Николай I дал разрешение на издание “Морского сборника” с условием “не печатать никаких политических статей, статистических статей о русском флоте и военных портах и извлечений из административных распоряжений и приказов”⁴⁰.

Первый номер Морского сборника вышел в свет в марте 1848 г. Редактором журнала стал капитан 1 ранга Б.А.Глазенап, принимавший участие в экспедиции Ф.П.Литке на “Сенявине” и вошедший в 1847 г. в число действительных членов Морского ученого комитета⁴¹.

Расцвет издания, преобразованного в 1860-е годы в официальный орган министерства и ставшего “органом правительственного либерализма”⁴², стал возможен лишь со смягчением цензурных ограничений в 1854 г. Организатором и вдохновителем этого замечательного этапа в жизни “Морского сборника” стал И. И. Зеленой, возглавивший издание в 1855 г., а с 1860 г. возглавивший Морской ученый комитет. В этот же период журнал превращается и в авторитетное специальное издание по военно-морской тематике. В качестве авторов привлекаются лучшие специалисты морского дела: в их числе, Г.И. Бутаков, А.И. Зеленой, М.А. Акимов, А.П. Соколов, И.И.фон Шанц⁴³.

Во второй половине пятидесятых – восьмидесятых годов XIX в. журнал не только был популярным и читаемым изданием в среде морского офицества, но и являлся аккумулярующим центром, вокруг которого возникали и новые научные издания. Так, созданные в 1856 г. по инициативе генерал-штаб-доктора морского ведомства К.О. Розенбергера общества морских врачей, учрежденные в основных российских портах, печатали свои труды в виде “Медицинских прибавлений к “Морскому сборнику”. Вплоть до начала восьмидесятых годов это издание выходило нерегулярно, а с 1882 г. становится ежемесячным. В нем помещались отчеты морских госпиталей, медицинская статистика, медицинские описания плаваний судов и т.д.

Столь же значительные изменения были предложены Ф.П.Литке и в отношении программы издания “Записок Морского ученого комитета”. Они должны были состоять из статей, которые бы знакомили читателя “со степенью, на которую возведена каждая из ветвей” морского искусства, со всеми новейшими открытиями, усовершенствованиями, опытами в морском деле. Структура “Записок” должна была состоять из трех отделений. Отдел “Мореходство” должен был включать в себя следующие

щие разделы: судовождение, вооружение судов, кораблестроение, и в качестве отдельной рубрики – парходство. Отдел “Морское военное искусство” – морскую тактику, морскую артиллерию, историю флотов. В качестве третьего отделения “Записки” должны были включать регулярные библиографические обзоры и краткую информацию реферативного свойства, помещаемую в разделе “Смесь”⁴⁴.

Программа “Записок Морского ученого комитета” также была утверждена Николаем I, хотя и “с условием предварительного утверждения всех статей, содержащих военную информацию о России”⁴⁵. Данная резолюция фактически ликвидировала закрепленное в положении 1827 г. о Морском ученом комитете право последнего самостоятельно осуществлять цензуру издаваемых сочинений.

Однако, на практике программа издания обновленных “Записок” осуществлена не была. Отсутствие средств и первоочередные задачи по подготовке материалов и редактированию “Морского сборника” не позволили Морскому ученому комитету реализовать издательскую программу Ф.П. Литке в полном объеме. Тем не менее идея создания изданий, включающих в себя как более популярный, обращенный к широкой аудитории журнал и академические по содержанию “Записки”, являлась перспективной и новаторской для своего времени.

Второе вспомогательное ученое подразделение, созданное в составе морского ведомства, – Гидрографическое депо (впоследствии, с 1842 г. – Гидрографический департамент) также издавало свое серийное издание: “Записки Гидрографического депо”. Инициатива их выпуска принадлежала директору Депо Ф.Ф. Шуберту⁴⁶. В течение 1835-1837 гг. было выпущено 5 выпусков, а с 1842 по 1852 г. “Записки Гидрографического департамента” выходят в свет регулярно с периодичностью 1 том в год. Руководил изданием в первой половине 40-х гг. известный гидрограф М.Ф. Рейнеке, а в 1845-1852 гг. историк морского флота А.П. Соколов, публиковавший на страницах этого издания известный библиографический указатель “Русская морская библиотека”⁴⁷.

Вторая половина XIX в., отмеченная для Морского министерства несколькими реорганизациями, в ходе которых основное внимание уделялось экономии средств и сокращению расходов, не увеличила количества серийных и периодических изданий ведомства. “Морской сборник”, ставший общеминистерским изданием, выходящий “под наблюдением Главного морского штаба”, являлся единственным ведомственным журналом до конца столетия. Лишь в 1887 г. были возобновлены “Записки

по гидрографии”, издававшиеся Главным гидрографическим управлением.

В значительно меньшей степени, нежели повременные издания Морского министерства, поддаются учету отдельные монографии, выходявшие в свет под эгидой Морского ученого комитета. Публикация подобной литературы, как и в большинстве других ученых министерских подразделений, не подчинялась какому либо плану или программе. Ученый комитет рассматривал оригинальные и переводные сочинения и ходатайствовал о поддержке того или иного издания в случае, если его содержание представлялось значимым и отвечающим интересам ведомства. Сложность их учета состоит в том, что гриф Морского министерства на изданиях помещался далеко не всегда.

Данное положение дел было неслучайным. Ресурсы, находившиеся в распоряжении самого комитета, были явно недостаточны. По штату 1827 г. “на выписывание журналов и книг (т.е. пополнение библиотеки. – А.М.), так же награду за сочинения и переводы” выделялась сумма всего в 5 тыс. рублей⁴⁸. В 1847 г. при составлении новых штатов Морского ученого комитета сумма, запрашивавшаяся Ф.П. Литке, была урезана почти вдвое (с 10 до 6 тыс. руб.)⁴⁹. Таким образом, решения об издании того или иного сочинения принимались руководством морского ведомства в каждом отдельном случае особо.

По данным С.Ф. Огородникова, в первую половину XIX в. было издано более полутора десятков книг научного содержания. В их числе: исторические очерки действий флотов, сочинения, посвященные военному судостроению, вооружению судов, тактике морской артиллерии и т.д. Издания осуществлялись, как правило, тиражами 500 – 600 экземпляров. Так, перевод “Истории действий английского флота с 1793 по 1803 гг.” был опубликован в 1842 г. в количестве 500 экземпляров и обошелся морскому ведомству в 2300 руб. серебром, сочинение капитан-лейтенанта Посьета “О вооружении военных судов” вышло в 1846 г. тиражом 600 экземпляров, на издание было затрачено из сумм министерства 1750 руб. серебром. Сочинение капитана корпуса морской артиллерии Ильина “Наука морской артиллерии” – 600 экземпляров и 2980 руб. серебром и т.п.⁵⁰

Во вторую половину XIX в. количество изданий по морским специальностям и военно-морской истории, одобренных и поддержанных Морским ученым комитетом, существенно увеличивается. За период 1855 – 1882 гг. оно превысило 100 наименований⁵¹. Наиболее заметными в их числе становятся работы по истории российского флота. Именно по

данной тематике предпринимается в 1865 – 1904 г. издание “Материалов для истории русского флота”. За указанный период в свет вышло 17 частей, объемом от 600 до 900 страниц каждая. В осуществлении издания принимали участие такие известные историки флота прошлого столетия, как Ф.Ф. Веселаго, С.И. Елагин, Н.А. Коргуев и др.

Наряду с историческими работами, существенное место в издательской деятельности министерства продолжают занимать и специальные, как переводные, так и российские сочинения, посвященные наиболее актуальным научно-техническим вопросам судостроения, вооружения судов, морской тактики. Так, в 1872 г. выпускается переведенная с немецкого монография К. Штейнгауза “Железное судостроение. Постройка паровых судов”. Продолжают публиковаться и научные материалы, добытые в ходе экспедиций русского флота. В 1884 г. в качестве отдельной книги издаются лекции Беклемишева “О Командорских островах и котиковом промысле”. Весьма интересным сборником материалов, в том числе раскрывающим одно из важных направлений в деятельности самого Морского ученого комитета, явилось издание инструкций, данных командирам судов при отправлении в дальнее плавание⁵².

Работа по созданию специальных периодических изданий научно-технического содержания для офицеров в Военном министерстве также началась уже в первое десятилетие XIX в. Первой попыткой организации подобного журнала следует признать издание “Артиллерийского журнала”, выпускавшегося в 1808-1811 гг. Временным артиллерийским комитетом. Ежегодно выходило в свет по 6 книг. Война с Наполеоном прервала его издание, и журнал возобновился лишь в 1839 г. силами Артиллерийского отделения Военно-ученого комитета.

Рассмотрим программу этого издания как типичную для журналов военного ведомства в первую половину XIX в. В перечне рубрик “Артиллерийского журнала” нашли отражение как собственно военная тематика: “артиллерийская теория и практика ее во всей обширности”, тактика, стратегия, военная история, так и науки естественно-математического цикла: “чистая математика”, физика, механика, химия, металлургия и, даже, лесоводство и ветеринарная наука⁵³. Таким образом, издатели планировали превратить журнал не только в источник специальных сведений для офицеров-артиллеристов, но и в сборник общеобразовательной информации по необходимым научным дисциплинам. Помимо вышеперечисленных рубрик журнал планировал публиковать биографии “военных и ученых людей, отличившихся заслугами

своими ... по артиллерийской части” и библиографию военной литературы⁵⁴.

Помещение материалов по всем вышеуказанным разделам в каждом номере не планировалось, да и было неосуществимо. Как следствие, четкой структуры издания в первые годы существования журнала не было. Номера комплектовались по мере накопления материала. Для участия в издании Артиллерийское отделение приглашало преподавателей Артиллерийского училища, “а равно и всех артиллерийских офицеров, служащих и отставных”.

Отбор материалов для публикации в журнале был строго подчинен главному принципу: “все политические рассуждения без изъятия, равно замечания на счет существующих учреждений, равно и всякая критика, исключая разбор иностранных сочинений по артиллерийской и технической частям, устраняются вовсе из “Артиллерийского журнала”⁵⁵.

Таким образом, журнал не мог затрагивать серьезные, актуальные для русской армии вопросы, даже в той специальной сфере, которой предназначался. Значительное число материалов, помещавшихся в журнале в 40-е, начале 50-х гг., являлись переводами или рефератами статей из иностранных военных изданий (таких, как “Archiv fur die Officere der Preuss” и ему подобных).

В 1826-1857 гг. выходили в свет “Инженерные записки”, издававшиеся Инженерным отделением того же ученого комитета. За 31 год существования издания было выпущено 42 части. Третьим “отраслевым” журналом был “Военно-медицинский журнал”, издававшийся с 1823 г. Медицинским департаментом Военного министерства. С 1837 г. топографическая служба министерства выпускала “Записки Военно-топографического бюро”, выходившие в свет отдельными томами (как правило, 1 том в год).

Наконец, общим периодическим изданием, издававшимся Военно-ученым комитетом, являлся в первую половину XIX столетия “Военный журнал”. С момента учреждения “Военного журнала” в 1827 г. и вплоть до второй половины 40-х годов его тираж не превышал 150 экземпляров, таким образом, говорить о его реальном влиянии на массы офицества вряд ли приходится. Содержание журнала заполнялось статьями только членов Военно-ученого комитета, которые отличались сухостью изложения и были мало связаны с реальной жизнью армии⁵⁶.

Однако потребность в периодических изданиях, реально способствующих повышению уровня общей и специальной подготовки офицеров, была объективной, и образованная, прогрессивно мыслящая часть

военного руководства уже в николаевское время стремилась изменить существующее положение. Пришедший в 1844 г. к руководству Военно-ученым комитетом Ф.Ф. Шуберт, столь много сделавший в предшествующий период своей деятельности для создания периодических изданий по гидрографии и топографии, стремится к оживлению "Военного журнала". В 1846 г. для руководства его изданием приглашается известный ученый, геодезист и топограф, в то время профессор Военной академии, А.П. Болотов. Его усилиями, при активной помощи военного историка М.И. Богдановича, вошедшего в 1847 г. в состав Военно-ученого комитета, а с 1852 г. принявшего на себя издание журнала, реализуется его новая программа: в состав рубрик журнала включаются отделы военной библиографии, и военной истории – "военные летописи".

Таким образом, в первую половину XIX в. главным содержанием ведомственной издательской деятельности в Военном и Морском министерствах была популяризация военно-научных и военно-технических знаний, а Военно-ученый и Морской ученый комитеты, соответственно, были основными подразделениями, осуществлявшими ведомственную издательскую деятельность⁵⁷.

Уже в самом начале эпохи реформ 1860-70-х гг., последовавшей за сокрушительным для русской армии и национального чувства поражением в Крымской войне, Военно-ученый комитет обращается к вопросам совершенствования структуры и программ издания военных журналов. Артиллерийское и Инженерное отделения Комитета вырабатывают новые положения об издании "Артиллерийского журнала" (декабрь 1855 г.) и о создании нового "Инженерного журнала" вместо нерегулярно выходивших "Инженерных записок" (декабрь 1856 г.)⁵⁸.

Пересмотр программ издания специальных военных журналов, причем сразу после трагических неудач и поражений русской армии, явилось, с одной стороны, объективным подтверждением той роли и значения, которые отводились им в модернизации наиболее "технологичных" родов войск, осмыслении опыта прошедшей войны. С другой стороны, в новых "Положениях" и новых программах журналов удалось учесть опыт, накопленный за предшествующий период их издания.

Пожалуй, основным в них стал отказ от "энциклопедического", всеобъемлющего подхода в рубрикации журналов, и как следствие, более четкая специализация изданий. В структуре журналов выделяются "Официальный" и "Неофициальный" отделы. Первый из них содержал приказы и циркуляры по соответствующему военному управлению, в

том числе по кадровому составу, и официальные статьи и отчеты. Второй разделялся на ряд тематических рубрик. Как правило, выделялись части "ученая", историческая, критика и библиография (в том числе регулярные обзоры иностранных журналов, текущая библиография и т.п.), и "Смесь", в составе которой публиковались мелкие статьи и корреспонденции.

Объективные потребности совершенствования родов войск, их перевооружения в соответствии с техническими возможностями второй половины XIX столетия, объединяли вокруг этих изданий представителей передового офицерства, преподавателей военных учебных заведений, ученых, связанных с военным ведомством.

С военной реформой Д.А. Милютина, и, в первую очередь, реформой центрального управления Военного министерства, меняется и структура ведомственных периодических изданий. С 1859 г., с ликвидацией Военно-ученого комитета в его прежнем виде, прекращается издание "Военного журнала". "Военный сборник", вышедший в свет в 1858 г. и фактически заменивший "Военный журнал", не был уже организационно связан с учеными подразделениями министерства. Издательское дело по выпуску журналов Военного министерства с 1869 г. обретает соответствующее организационное оформление: редакции журналов структурно обособляются в виде отдельных подразделений в структуре Артиллерийского и Инженерного Главных управлений. Согласно положениям о новой организации профильных комитетов Главных управлений Военного министерства редакторы журналов не входили в состав комитетов, а лишь "могли быть допущены к участию в заседаниях"⁵⁹.

Тем не менее комитеты сохраняли определенную долю участия в делах ведомственных изданий. Не говоря о том, что представители военной науки, входившие в состав комитетов, регулярно публиковали свои материалы на их страницах, комитеты в соответствии с "Положениями" об издании журналов принимали участие в выработке общего направления издания. Так, Инженерный комитет ежегодно рассматривал "оригинальные" (т.е. не переводные и не компилятивные, авторские) статьи, опубликованные за этот период в "Инженерном журнале", и присуждал три премии авторам лучших из них⁶⁰.

В рамках гражданских ведомств первые попытки издания периодических печатных органов предпринимались также в первое десятилетие XIX в., и в отличие от изданий Военного и Морского министерств изначально имели свою специфику. По самому существу задач, стоявших

перед ведущими министерствами имперского государственного аппарата, они оказывались тесно связанными как с местными губернскими структурами управления, так и с широкими слоями населения в целом: помещиками, нарождающимся слоем предпринимателей, поскольку регламентировали и опекали основные сферы народнохозяйственной деятельности. Эти обстоятельства делали, по меньшей мере, актуальной проблему информирования общества о ведомственной политике, воплощенной в инструкциях, циркулярах и т.п.

Ведомства, в первую очередь, Министерство внутренних дел, Финансов; а затем и Министерство государственных имуществ, в соответствии с "Наказами", данными этим органам высшей властью, обязаны были заниматься вопросами сельского хозяйства, промышленности не только с фискальных позиций, но и как источниками "народного благосостояния" в терминологии тех же законодательных актов. В связи с этим отчетливо формулировалось и второе, достаточно общее направление, в той или иной степени проявившееся в ведомственной периодике этих министерств: "просветительское", составлявшее научно-прикладные и образовательные блоки программ ведомственных журналов. Именно оно, в силу понятной специфики, оказывалось сферой непосредственной деятельности ученых комитетов министерств.

Неоднократные, но не доведенные до конца попытки создания ведомственных периодических изданий в первой четверти XIX в. не могли выработать устойчивых подходов к организации, программам официальной периодики и ведомственной издательской деятельности в целом. Именно эти проблемы начинают решаться во второй четверти столетия по мере расширения сети ведомственных изданий.

Наиболее активную роль в создании системы ведомственных периодических изданий во второй половине 20-х – 30-е гг. XIX в. играло Министерство финансов, руководимое Е.Ф. Канкрином. Распространение научных знаний, поощрение к прикладному использованию достижений технического прогресса рассматривались им в качестве важных задач вверенного ему министерства⁶¹. При его содействии было начато издание "Коммерческой газеты", "Журнала мануфактур и торговли", "Горного журнала" – все вышеперечисленные издания начали выходить в свет в 1825 г. В последующие годы под эгидой финансового ведомства возникают "Лесной журнал"(1833 г.), "Земледельческая газета"(1834 г.) и "Мануфактурные и горнозаводские известия"(1839 г.).

В последующем, с образованием в 1837 г. Министерства государственных имуществ и реорганизацией в 1874 г. финансового ведомства,

часть изданий, как и некоторые структурные подразделения Министерства финансов, перешли в состав вновь образованного ведомства.

В рамках нашего исследования наибольший интерес из вышеназванных изданий представляет "Горный журнал", не только как один из старейших и самый стабильный, существовавший на протяжении всего рассматриваемого периода, но, в первую очередь, как издание непосредственно издававшееся ученым комитетом - Горным.

В 1825 г. директор Департамента горных и соляных дел Е.В.Карнеев инициировал издание ведомственного журнала "для распространения сведений и новых открытий по горному делу, а особенно для облегчения способов чиновникам горной службы усовершенствовать свои познания успехами всей Европы" (курсив автора. – А.М.)⁶². Поскольку выпуск журнала научного профиля представлялся руководству департамента делом не только важным, но и новым, было решено возложить издание на "общество просвещенных чиновников", каковым и стал специально для этой цели учрежденный Горный ученый комитет. Помощь в выработке программы журнала оказывали преподаватели Горного кадетского корпуса, на базе которого комитет и был сформирован.

Программа нового издания по замыслу его создателей должна была включать в себя законодательно-нормативную базу горного дела – "горные и соляные законоположения", основные отрасли науки, сопряженные с горным делом: минералогия, химия и т.п., служебно-библиографическую хронику и "всеобщую горную и соляную библиографию". В совокупности перечисленные направления составляли 10 отделений, за каждым из которых был закреплен свой "издатель" (редактор) из числа членов ученого комитета. Первоначально структура отдельных выпусков журнала не представляла собой систематически организованного набора разделов и рубрик, а включала часть из намеченных 10 отделов по мере их комплектации.

Для организации издательского дела Горный ученый комитет получил в 1825 г. единовременную субсидию в размере 10 тыс. рублей и по 5 тыс. рублей ежегодно в порядке компенсации за льготную подписку на журнал для чинов горного ведомства. Для последних стоимость подписки составляла 50% стоимости⁶³.

И сам Горный ученый комитет, о чем писалось выше, и журнал задумывались как своеобразные центры консолидации сил специалистов горной отрасли. "После опубликования всего, что накоплено в Департаменте, – высказывал надежду директор Департамента горных и соляных дел Е.В. Карнеев, – без сомнения, найдутся [на заводах] любители наук, которые пожелают участвовать в трудах.... Также просвещенные вла-

дельцы частных заводов, или сами собою, или посредством своих управляющих ... войдут в ученые по сему предмету сношения"⁶⁴. Действительно, к концу 1825 г. комитет имел 43 корреспондента, часть из которых предоставили журналу свои материалы, а число подписчиков составило 1093 человека⁶⁵. Данный показатель был более чем высоким для подобного издания в первую половину XIX в. Для сравнения укажем, что другой журнал Министерства финансов: "Журнал мануфактур и торговли" имел в начале 30-х годов всего лишь 120 подписчиков⁶⁶.

К концу столетия идеи привлечения специалистов-практиков в число авторов "Горного журнала", заложенные при его создании, реализуются в виде своеобразной традиции. В 80-90 гг. XIX в. молодые горные инженеры – выпускники Горного института считали делом чести опубликовать в журнале хотя бы одну небольшую статью⁶⁷.

В соответствии с первоначальным "Положением" (1825 г.) Горный журнал просуществовал 9 лет, а с 1834 г. состав "издателей" коллективная, но работающая без вознаграждения редколлегия, – был заменен редактором журнала со штатом помощников. В разные годы эту должность занимали известные ученые и специалисты горного дела: К.И. Лисенко, Г.Г. Лебедев и другие.

Структура журнала так же претерпевала определенные изменения. Во второй половине XIX в. "Горный журнал", как и большинство других ведомственных изданий, структурно подразделяется на два основных отдела: часть официальную – "Распоряжения и узаконения правительства", и часть неофициальную, подразделяющуюся на ряд рубрик: Горное и заводское дело, геология и прикладные науки, статистика и история горного дела.

Материалы горнозаводской статистики, публиковавшиеся в журнале до 1860 г. в виде отдельных нерегулярных сводок, с 1862 г. выделяются в самостоятельное серийное издание. Первоначально, в 1862-63 гг., было предпринято издание "Памятной книжки для русских горных людей", включавшей, помимо статистических данных, по примеру изданий Фрейбергской горной академии, статьи исторического и технического содержания⁶⁸. Однако в последующие годы, избегая дублирования программы "Горного журнала", издание статистических сведений по Горному департаменту осуществлялось Горным ученым комитетом в виде "Сборников статистических сведений по горной части"⁶⁹.

С образованием в 1882 г. Геологического комитета возникает спектр самостоятельных изданий этого подразделения. Опираясь на издательский опыт, накопленный Ученым комитетом Горного департамента и другими научными структурами России конца XIX в., Г.П. Гельмерсен,

возглавивший вновь созданное подразделение, инициирует чрезвычайно обширную и разнообразную издательскую программу. С 1882 г. Комитет начинает выпускать свое периодическое издание: "Известия Геологического комитета", выходящее в свет отдельными выпусками (до 12 в год). В качестве приложения к "Известиям" издавалась "Геологическая библиотека". Ежегодно подписчикам доставлялся 1 том. Годом позже начинается выпуск "Трудов геологического комитета", в которых публиковались результаты изыскательских работ Комитета. Наконец, с 1890 г. Комитетом ежегодно издавались отчеты о своей деятельности⁷⁰.

Как известную особенность издательской деятельности горного ведомства и его ученых подразделений, следует отметить чрезвычайно малое, в сравнении с другими структурными подразделениями рассматриваемых министерств, количество отдельных научных изданий монографического характера. Тем более, в составе публикуемых материалов не было изданий популярного уровня, адресованных широкой аудитории.

Противоположностью сугубо ведомственной издательской программе, ориентированной исключительно на собственных служащих и специалистов в курируемой отрасли, может рассматриваться издательская деятельность по сельскохозяйственной тематике, осуществлявшейся Министерством государственных имуществ.

Почин сельскохозяйственной периодике, издаваемой структурами государственной власти, был положен еще до создания отдельного сельскохозяйственного ведомства. Вопрос о необходимости доступного сельскохозяйственного издания, призванного популяризировать новые научные открытия в сфере земледелия, указывать лучший опыт помещичьих хозяйств, был поставлен в 1834 г. в рамках деятельности "Комитета об усовершенствовании земледелия в России". В числе иных предложений, подготовленных его членами, был выработан и план издания "Земледельческой газеты", получивший, как один из наиболее конкретных и недорогих проектов Комитета, одобрение Николая I. Газета, первый номер которой вышел в свет в том же 1834 г., пополнила группу еженедельных изданий и была адресована, помимо частных подписчиков, губернским казенным палатам и предводителям дворянства. В "казенные места" издание высылалось бесплатно, а для подписчиков цена была назначена максимально доступная – 2 руб. серебром за годовую подписку⁷¹.

С организацией в 1837 г. Министерства государственных имуществ делами по изданию "Земледельческой газеты", "Лесного журнала", а с 1841 г. и вновь созданного "Журнала Министерства государственных имуществ" занималось Первое отделение III департамента⁷². Ученый

комитет активно подключается к этой работе, как в рамках существующих к этому времени периодических изданий, так и посредством осуществления собственных программ. Редакторы “Журнала Министерства государственных имуществ” (с 1865 г. журнал носил название: “Сельское хозяйство и лесоводство”) – А.П. Заблоцкий-Десятовский (с основания журнала и до 1858 г.) и Ф.А. Баталин (1860-1894 гг.) – являлись членами Ученого комитета МГИ.

С 1840-х гг. Комитет начинает издавать значительное количество литературы, ориентированной в первую очередь на крепкого сельского хозяина, причем не только из числа помещиков, но и крестьян. Уже в 1838 г. Комитет обсудил вопрос “о вспомоществовании издателям в напечатании сочинений по предметам, относящимся к сельскому хозяйству”. Рассмотренная и одобренная Ученым комитетом рукопись, печаталась бесплатно в типографии МГИ с удержанием части тиража “для окупания издержек”⁷³. Общие параметры, которыми характеризовалась издаваемая в 40-е – начале 50-х гг. литература, наглядно высвечиваются данными таблицы, приводимой ниже.

Литература, изданная Ученым комитетом МГИ в 1844-1853 годах*

	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	1852	1853	Всего
Всего издано книг	5	4	2	5	16	2	6	4	4	2	50
В том числе											
Наставления. Руководства	5	1	1	4	12	2	4	2	1	2	34
Описания с/х устройств		2									2
Книги для крестьянского чтения		1			1		1				3
Статистико-экономические описания			1	1	1			1	3		7
Атласы, описания с/х культур и вредителей с/хозяйства		1						1			2
Прочие издания					2		1				3

Таким образом, из 50 книг, изданных при поддержке Ученого комитета Департаментом сельского хозяйства за десятилетие, в 40-е – начале

* Таблица составлена на основании списка литературы, опубликованного в “Обзоре действий Департамента сельского хозяйства ... с 1844 по 1854 гг.” С.20-24.

50-х годов, большая часть – 34 (64%) – относились к числу хозяйственных наставлений и руководств. С их помощью сельскохозяйственное ведомство пыталось научить как государственных крестьян, так и помещиков совершенствовать систему земледелия, улучшать состав стада путем разведения новых пород скота, строить дома и хозяйственные постройки “безопасные от огня” и т.п. Этой же цели служили и описания сельскохозяйственных машин и технических приспособлений и такая группа изданий, как “книги для крестьянского чтения”.

Незначительное количество последних – всего две за десятилетие, объяснялось тем, что из числа авторов, предоставлявших свои рукописи на рассмотрение Ученого комитета, лишь немногие, как неоднократно отмечал в своих решениях сам Комитет, могли излагать материал доступным крестьянам языком⁷⁴. В этих условиях Департамент сельского хозяйства переиздавал беспрецедентными тиражами те немногие образчики “крестьянских” книг, которые представлялись апробированными. Так, в 1845 и 1848 гг. тиражами 2 и 4 тысячи экземпляров соответственно была выпущена книга: “Рассказ казака Моисея Осмака о том, как он хозяйничал у себя дома и что сделал для улучшения быта государственных крестьян Гоголевской волости”.

Члены Ученого комитета МГИ неоднократно предпринимали попытки и своими силами создать литературу, доступную, понятную и нужную для крестьянина. В числе инициаторов и наиболее активных деятелей на этом поприще следует назвать А.П. Заблоцкого-Десятовского и В.Ф. Одоевского. В 1843 г. их объединенными усилиями издается сборник “Сельское чтение”, выдержавший к 1864 г. 11 переизданий, причем в первые 2 года было распространено около 30 000 экземпляров. Дальнейшими результатами их совместного труда были также “Рассказы о Боге, человеке и природе” (СПб., 1849) и “Ручная книжка для грамотного поселянина” (СПб., 1854), выдержавшая к 1872 г. 9 изданий⁷⁵.

Издание подобной, “просветительско-пропагандистской” литературы являлось не только одним из конкретных воплощений политики Министерства государственных имуществ в том виде, в котором она была задана гр. П.Д. Киселевым в конце 30-х – 40-е гг. XIX в. В ее рамках было реализовано и искреннее стремление либерально настроенных чиновников-ученых (пожалуй, именно так и можно определить тот слой общественных деятелей, к которому принадлежали А.П. Заблоцкий-Десятовский и В.Ф. Одоевский) послужить возможными средствами

крестьянству, помочь научному знанию, на благо которого они сами искренне и беззаветно работали, говорить понятным народу языком.

Во второй половине XIX в. Ученый комитет МГИ, как и Департамент сельского хозяйства в целом, продолжают принимать участие в издании литературы для сельских хозяев. В частности, Ф.А.Баталин, бессменный редактор министерского журнала в 1860-е – первую половину 1890-х гг., издавал и редактировал ряд подобных книг: “Справочная книжка для сельских хозяев” (СПб., 1875-1878), учебные пособия для сельскохозяйственных школ, некоторые другие издания, адресованные самой широкой аудитории⁷⁶. Однако акценты в издательской программе сельскохозяйственного ведомства с 60-х гг. XIX в. постепенно смещаются в направлении публикации материалов статистического характера и комплексных исследований состояния отдельных отраслей сельского хозяйства и государственных имуществ в целом.

Одним из первых таких изданий становятся “Исследования о состоянии рыболовства в России” (СПб., 1860-1875) – опубликованные в 9 томах материалы экспедиций К. Бэра и Н.Я. Данилевского на Каспии и в бассейнах Белого и Балтийского морей. И в последующие годы фундаментальные публикации материалов научных экспедиций, работавших под эгидой МГИ, составляли заметную часть ведомственной печатной продукции. В их числе назовем: “Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири” в 17 т. (СПб., 1888-1894), материалы аналогичного исследования по сельскому населению Иркутской и Енисейской губерний (10 т. – 1889-1894 гг.), наконец, начатые в публикации в конце XIX в. труды комплексной экспедиции В.В.Докучаева 1892-1893 гг. и “Экспедиции для исследования главнейших рек России”. По материалам последней к 1903 г. было издано 39 томов материалов⁷⁷. Приведенный перечень далеко не исчерпывает список научных публикаций МГИ⁷⁸.

Пожалуй, наиболее показательной как в количественном выражении, так и в разнообразии форм, была издательская деятельность Центрального статистического комитета МВД. Анализ его изданий существенно облегчается подробными библиографиями, подготовленными и выпущенными самим Комитетом⁷⁹.

Уже в середине 30-х годов XIX в. основатель и руководитель Статистического отделения К.И. Арсеньев определяет ближайшие цели издательской программы своего ведомства. В отчете за 1840 г. в качестве приоритетов, которыми руководствовало Отделение в своей деятельности, были обозначены работы по созданию отдельных монографий,

увеличивающих “запас положительных частных сведений, дабы, с одной стороны, с большей уверенностью приступить впоследствии к обобщающим выводам, а с другой стороны, доставить ... прочное основание для практических приложений” статистических сведений в практике административного управления⁸⁰.

Не только в первую, но и во вторую половину столетия, задачи накопления, систематизации и обнародования данных административной статистики объективно занимали ведущее место в издательской деятельности ЦСК МВД. Именно благодаря значительным комплексам опубликованных статистических материалов, как справедливо и полагал К.И. Арсеньев, создавалась база не только для выработки административных решений, но и для всестороннего анализа развития России, аргументированных научных дискуссий о ее проблемах, текущих и будущих.

Несмотря на определенный опыт, накопленный административной статистикой к 30-м годам XIX в., формы научной публикации статистических данных, по сути, еще предстояло выработать. Ведущей формой статистического исследования, и, соответственно, статистической публикации, являлось статистическое описание⁸¹. Оно включало в себя, помимо анализа количественных параметров, и комплекс иных сведений: исторических, этнографических, географических, объединяя их по территориальному принципу. Лишь к концу дореформенного периода начинается постепенный переход к “предметным” статистическим исследованиям⁸², что создает базу для появления статистических публикаций сравнительно-аналитического характера.

Статистическое отделение и, впоследствии Центральный статистический комитет МВД не имели собственного периодического издания. Им фактически стал “Журнал Министерства внутренних дел”, являвшийся ведомственным печатным органом министерства. Еще в 1828 г. при утверждении программы журнала, который был призван “сообщать публике нужные сведения о распоряжениях правительства по этому министерству и открыть состояние частей его составляющих”, статистике, как одной из основных рубрикаций, было отведено ведущее место⁸³. С образованием в 1834 г. Статистического отделения появилась и объективная возможность наполнить соответствующий отдел издания.

Эволюция издательской программы “Журнала министерства внутренних дел” весьма показательна в ряду подобных изданий в первой половине XIX века. В его истории явственно отразилась борьба двух наиболее заметных тенденций в развитии ведомственных периодиче-

ских изданий. С одной стороны, это – стремление либеральной, образованной части чиновников министерства превратить журнал в источник научных сведений о государстве, отдельных отраслях его хозяйства, дать с помощью журнала читающей публике доступ к новейшим достижениям науки, указать пути их возможного практического применения. С другой, – попытка ограничить издательскую программу журнала официальной частью, превратив его, таким образом, в средство доведения распоряжений министерства до низовых инстанций. Последняя линия также поддерживалась определенной группой высшего и среднего звена руководства министерства.

Выбор той или иной линии развития журнала был далеко не столь очевиден, как могло бы представляться на первый взгляд, учитывая главенствующие настроения бюрократии николаевского времени. Издательское дело и в составе органов государственного управления ориентировалось на самокупаемость изданий. Именно к 1834 г. в распространении журнала наметился серьезный кризис. Количество подписчиков и общие тиражи издания упали с 1500 экз. в 1829 г. до 803 экз. в 1834 г., причем из этого числа 147 комплектов журнала были разосланы безденежно⁸⁴. Журнал в своей первоначальной программе на отвечал ни требованиям официального сборника распоряжений министерства, ни программе “энциклопедического” издания, освещающего “отдельные части, подведомственные министерству”, как это планировалось сначала.

С целью выработки новой программы в 1834 г. в министерстве был создан Редакционный комитет, в состав которого вошли молодые образованные чиновники. С их именами в последующем будут связаны яркие страницы в истории российской науки и государственного управления: А.Г. Глаголев, А.П. Заблоцкий-Десятовский, ставший в 1832 г. редактором журнала, В.Ф. Одоевский. В 1837 г. в состав редакции вошел Н.А. Милютин. Сотрудниками редакционного комитета была подготовлена обширная программа, в которой предполагалось дать в журнале “больше места физическим наукам, интересовавшим публику”, печатать статьи не прямо относящиеся к МВД, в том числе, переводные публикации, “допустить в журнал исследования растений в разных климатах, географию животных (зоографию), исследования по части метеорологии”. Для наполнения журнала статьями научной тематики и другими интересными для читателей материалами предполагалось пригласить к участию “ученых, помещиков, членов Медико-хирургических академий

и духовных лиц”. За сотрудничество в журнале авторам предлагалось выплачивать вознаграждение до 100 руб. за печатный лист⁸⁵.

Программа Редакционного комитета была принята министерским руководством и практически осуществлялась на протяжении 1834-1842 гг. К сотрудничеству в журнале были привлечены академики Г.Г. Гесс, П.И. Кеппен, известный специалист в вопросах экономики и финансов, член Ученого комитета Министерства финансов Ю.А. Гагенмейстер и другие. В указанный период на страницах журнала публикуются в разделе статистических публикаций работы Н.Я. Бичурина, М.П. Погодина, П.И. Небольсина. Наиболее интересные и содержательные материалы, получаемые Статистическим отделением от своих членов-корреспондентов из провинции, также помещались в статистическом отделе журнала⁸⁶.

Нельзя принять оценку историком МВД Н.В. Варадиновым пятилетия 1837-1842 г. как периода “самого мрачного в существовании” журнала⁸⁷. Сам Варадинов, вступив в 1856 г. в должность редактора “Журнала МВД”, отстаивал совершенно иную линию развития печатного органа министерства, рассматривая его как в первую очередь официально-информационное издание.

Тем не менее реальная оценка деятельности журнала вряд ли может быть абсолютно однозначной. Добившись в 1835 г. роста числа подписчиков до 1333 человек, в последующие годы редакционный комитет не смог удержать экономическое положение журнала на стабильном уровне⁸⁸. В то же время именно во второй половине 30-х – в начале 40-х годов журнал превращается в одно из наиболее информативных ведомственных изданий, регулярно помещая на своих страницах статистические описания, этнографические, исторические, экономические материалы по различным регионам империи. Статистическое направление журнала поддерживалось и К.И. Арсеньевым, вошедшим в 1836 г. в состав Наблюдательного комитета, созданного для подбора и рассмотрения статей, помещаемых в журнале.

Новая реформа программы журнала, проведенная в 1853 г., не только закрепила за изданием сугубо официальный характер, но и явилась фактической констатацией собственного бессилия со стороны министерского руководства, неспособности создать журнал, пользующийся действительным интересом со стороны сколь-нибудь массового читателя. Подписка на журнал была сделана обязательной для всех присутственных мест. Таким образом, “вопрос привлечения читающей публики” был решен кардинально и эффективно традиционным бюрократическим

способом. В этих условиях не было необходимости и в сохранении в прежнем объеме статистического блока материалов, а в 1861 г. издание было прекращено.

Как и большинство других ученых подразделений, Статистическое отделение располагало весьма скудными средствами для реализации собственной издательской программы, получая сумму в 6 тыс. рублей на приобретение литературы и издание трудов. Тем не менее уже в 1836 г. публикуются “Статистические сведения о Санкт-Петербурге”, а с 1839 г. в свет начинают выходить “Материалы для статистики Российской империи ...”. Последнее издание, положившее начало серийным сборникам трудов Статистического комитета, достаточно наглядно отражало как уровень представлений о статистике как науке, ее целях и задачах, так и общие принципы подготовки серийных сборников научных трудов в 30–40-е годы XIX в.

Каждый том “Материалов” составлялся из 4 отделений, первое из которых включало в себя наиболее общие, пользуясь современной терминологией, – теоретические – работы. Так, в 1 томе были напечатаны, среди прочих, работа Арсеньева “Об устройстве управления России с XV до исхода XVIII столетия”, “Табель о приращении населения с VII до VIII ревизии” С. Корсакова. Второе и третье отделения были соответственно посвящены статистическим описаниям губерний (Харьковская и Херсонская губернии, Оренбургский край, Заволжский край Саратовской губернии) и городов (города Пермской губернии, Харьковской губернии и Калужской губернии). Четвертое отделение отводилось мелким статьям, в которых разрабатывались частные вопросы статистики и столь же широко понимаемом ее смысле⁸⁹. Второй и последний из томов “Материалов”, вышедший в 1841 г., был построен по той же схеме и содержал аналогичные работы.

Сопоставление публикаций “Материалов” с данными, получаемыми Статистическим отделением от своих членов-корреспондентов и разработками данных губернаторских отчетов, осуществлявшихся Отделением во второй половине 40-х годов, наглядно свидетельствуют о том, что построение сборников по какому-либо последовательному плану было невозможно. Публиковались практически все наиболее интересные материалы, получаемые из провинции, а их предоставление носило зачастую случайный характер. В этих условиях мысль о накоплении “положительных частных сведений” являлась в своем роде утешительной констатацией состояния и возможностей статистической службы государства в целом.

Выполнявшиеся Отделением масштабные разработки данных социально-экономической и демографической статистики не всегда могли быть помещены в силу объемности таблиц в составе изданий, подобных “Материалам” или на страницах “Журнала Министерства внутренних дел”. Отдельные монографические исследования наиболее трудно находили путь к изданию. Недостаток средств в Отделении и весьма прохладное отношение министерского руководства в 40-е – 50-е годы, которое видело во многих работах статистического подразделения лишь “удовлетворение бесплодного любопытства”⁹⁰, приводили к тому, что его сотрудники издавали работы за собственный (!) счет. Так, в 1849 г. делопроизводитель Отделения С.С. Крылов оплатил издание таблиц о народонаселении по губерниям и по каждому уезду⁹¹. К началу 60-х годов с прекращением издания министерского журнала Центральный статистический комитет в своей издательской деятельности оказывается ограниченным только выпуском отдельных монографий.

Между тем объективные запросы общественной жизни в период реформ, потребности государственного аппарата настоятельно диктовали необходимость воссоздания повременного статистического издания. Таковым становится “Статистический временник Российской империи”, начавший выходить в свет в 1866 г. по инициативе и при активном личном участии директора ЦСК П.П. Семенова (Тян-Шанского). Программа издания, обнародованная П.П. Семеновым в первом выпуске первой серии “Временника”, была обращена к широким кругам образованной российской общественности. Издание, по мысли П.П. Семенова, должно было быть не узкоспециальным сборником, а “необходимой настольной справочной книгой для государственных людей, администраторов и для всей массы образованной публики”⁹². Однако, не все замыслы П.П. Семенова оказались воплощены в действительность.

За период 1866–1890 гг. в свет вышло 3 серии “Статистического временника” в общем составе 49 томов. Издание на протяжении первых двадцати лет своего существования не имело устойчивой формы компоновки материала и периодичности выхода в свет отдельных выпусков. Так, большинство выпусков представляли собой отдельные статистические монографии, однако некоторые из них (во 2-й серии выпуски 5, 10, 16, 19) представляли собой группировку разноплановых материалов, зачастую случайных. Выпуск 5 во 2-й серии, например, объединял данные по почтовой деятельности в империи, о ярмарках Европейской России и статистике пожаров.

Периодичность выхода в свет отдельных томов также существенно различалась: 1866 г. – единственный выпуск 1-й серии, 1871 г. – 1 выпуск 2-й серии, 1872 г. – 2-9 выпуски 2-й серии, 1875 г. – 10-11 выпуски и т.д.

По признанию самих издателей “Статистического временника”, подобный подход определялся подготовкой отдельных статистических сводок в ЦСК. Материалы, включавшиеся в отдельные выпуски, “объединялись лишь тем, что к этому времени были закончены”⁹³. Вплоть до второй половины 80-х годов “ЦСК не установил определенных оснований при выпуске их в свет, при которых объединение и группировка материала не были бы делом случая, а истекали бы из самого существа трудов ЦСК”⁹⁴.

В декабре 1887 г. директор ЦСК Н.А.Тройницкий предложил реорганизовать систему издательской деятельности вверенного ему подразделения. За основу преобразования он предложил взять систему статистических изданий наиболее развитых в этом отношении европейских стран: Пруссии, Австрии и Франции. В частности, он ссылаясь на опыт Прусского Статистического бюро, которое издавало 3 группы изданий: серийное тематическое издание “Прусская статистика”, ежегодники, публиковавшие материал по мере его накопления и “Временник” (Zeitschrift), выходивший дважды или четыре раза в год “с данными-выводами отечественной или сравнительной статистики”⁹⁵.

В итоге с 1888 г. Центральный статистический комитет начинает издание двух периодических по срокам выхода в свет и серийных по типу организации материала изданий: “Временника ЦСК МВД”, который подобно прусскому аналогу выходил в свет 2-4 раза в год и представлял собой относительно краткие (объемом до 50 страниц) статистические сводки по различным направлениям социальной и экономической статистики империи, отдельные исследования, посвященные статистической тематике⁹⁶. Вторым изданием становится “Статистика Российской империи”, включавшая как тематические аналитические исследования, так и территориальные статистические обзоры, посвященные отдельным регионам государства. Отдельные тома “Статистики Российской империи” выходили в свет нерегулярно, как правило, от 2 до 6 томов в год объемом около 200 страниц каждый.

Помимо указанных выше серийных изданий, ЦСК МВД во второй половине XIX в. осуществил издание ряда тематических серий статистических материалов: Списки населенных мест Российской империи – 40 томов (1861-1885 гг.), Волости и важнейшие селения Европейской

России – 8 томов (1880-1886 гг.), Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России – 8 выпусков (1880-1885 гг.), Урожай 1883-1887 гг. в Европейской России – 5 томов (1884-1888 гг.) и, наконец, фундаментальное издание результатов первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, составившее 107 томов.

Чрезвычайно важным этапом в деятельности Центрального статистического комитета МВД, хотя и не связанным напрямую с его собственными издательскими программами, была работа по поддержке – в первую очередь, организационной и методической – изданий Губернских статистических комитетов. В ходе подготовки реформы административной статистики на рубеже 1850-60-х гг. особое внимание при составлении нового положения о Губернских статистических комитетах было обращено на опыт, осуществленный в начале 50-х гг. XIX в. во французской официальной статистике, где посредством развития местных изданий по статистике было достигнуто “соединение трудов частных лиц с усилиями правительства”, что обеспечило “блестящие результаты”⁹⁷.

Таким образом, приведенный выше краткий обзор ведомственной издательской деятельности показывает, что при всей разноплановости, вытекавшей из особенностей тематики, адресности, т.е. аудитории, которой предназначались конкретные издания, можно говорить о целом ряде общих черт и тенденций в развитии данного направления деятельности ученых комитетов и других ученых структур министерств.

Рассмотрим, как выглядели на протяжении изучаемого периода основные количественные показатели, характеризующие министерские периодические издания научно-технического и прикладного направления.

В приведенной в Приложении 3 таблице указано как общее количество этих изданий, так и количество номеров в год. Чтобы избежать излишней громоздкости таблицы, мы объединили те из изданий, которые являлись непосредственным продолжением предшествовавшего им журнала или сборника. Названия таких изданий помещены в круглых скобках. В случае, если название издания частично менялось, как правило, в силу изменения названия выпускавшего его подразделения, изменившаяся часть названия помещена в квадратные скобки. При окончательном подсчете количества изданий учтено не только десятилетие, но и конкретный год начала и окончания издания.

Хронологическая разбивка материала, осуществленная по десятилетиям, позволяет выявить общую количественную динамику на протяжении исследуемого периода.

Первое существенное увеличение их числа приходится на двадцатые-тридцатые годы и удерживается на достаточно высоком уровне вплоть до 50-х годов XIX столетия. Именно в этот период возникает и складывается система ведомственных изданий основных министерств: Военного, Морского, Финансов.

Большинство из вышедших в свет в этот период журналов и записок тяготели по своему содержанию к изданиям предельно широкого, “энциклопедического” содержания. Причинами этого следует признать чрезвычайно малое количество изданий научно-технического содержания и непродолжительный период их существования в первую половину XIX в.⁹⁸ Кроме того, сказывалось и отсутствие выработанных схем и подходов к составлению издательских программ. Таким образом, на начальном этапе ведомственные журналы выполняли, строго говоря, несвойственную им функцию изданий научно-популярного и просветительского профиля, восполняя существующую лауну. Данные, приводившиеся выше о количестве подписчиков и тиражах ведомственных изданий научного направления, со всей очевидностью говорят о том, что иного издателя у научной периодики, кроме государства, в российских условиях в первую половину XIX в. быть и не могло. Будучи реально заинтересованы в повышении уровня общего образования и специальной подготовки офицерства, чиновников, ведомства вынуждены были брать дело издания соответствующей литературы в свои руки.

Характерно, что именно в первую половину столетия ученые подразделения являются теми министерскими структурами, которые и осуществляют непосредственно выпуск этих периодических изданий. Как очевидно свидетельствует таблица, вплоть до 60-х гг. XIX в. большая их часть издавалась непосредственно учеными комитетами.

Начиная со второй половины XIX в., ситуация с выпуском ведомственных журналов научной направленности существенно меняется. При продолжающемся росте их численности с 60-х гг., после некоторого спада на рубеже середины столетия, большая их часть издается уже специальными редакционными подразделениями, структурно не связанными с учеными комитетами. В этом, несомненно, проявились специализация в деятельности министерских подразделений и увеличение объема работы по подготовке и выпуску периодических изданий. Как видно из таблицы, начиная с 60-х годов, и особенно в последние два

десятилетия XIX в. растет и количество номеров в годовых комплектах журналов.

В еще большей степени меняется сам характер изданий и их место в составе общероссийской научно-технической периодики. Эти изменения были вызваны, в первую очередь, эволюцией форм организации российской науки во второй половине столетия. Существенно более заметную роль начинают играть научные общества, увеличиваясь как количественно, так и численно. Появление все новых специализированных журналов, издававшихся обществами, избавляло правительственные учреждения от необходимости сохранять собственные издания аналогичного направления. Более того, зачастую общества брали на себя часть задач, наиболее органичных для официального ведомственного журнала. Так, например, Русское техническое общество с 1868 г. публиковало в своих “Записках” в качестве приложения “Свод привилегий, выданных по Департаменту торговли и мануфактур” – сведения о выданных в России привилегиях на изобретения⁹⁹.

В этих условиях ведомственные научно-технические и прикладные издания меняют свой характер. В издательских программах 60-90-х гг. тематический набор рубрик сужается и конкретизируется, значительно большее место уделяется официальной информации (выделяются официальные отделы).

Тем не менее ведомственная “издательская ниша” во второй половине XIX в. не только не сокращается, но и существенно расширяется. Несмотря на сложности точного учета выпущенной отдельными министерствами литературы научного содержания, можно с достаточной степенью достоверности констатировать как увеличение общего объема подобных изданий, так и расширение их спектра. Заметным направлением во второй половине XIX в. становится издание данных ведомственной статистики, причем по всем министерствам, а так же материалов инициированных ведомствами исследований и научных экспедиций. Наиболее показательными в последнем случае были издания Министерства государственных имуществ.

Весьма интересно, на наш взгляд, сопоставить выявленные тенденции в издательской деятельности с данными, хотя и фрагментарными, о спросе на научные издания министерств. Так, по сведениям, приводимым Варадиновым, номера “Журнала Министерства внутренних дел”, не распроданные и скапливавшиеся в редакции, неоднократно приходилось продавать на вес¹⁰⁰. В рекламных приложениях всех без исключения ведомственных журналов содержались предложения приобрести в

редакции комплекты журналов за предшествующие годы. Центральный статистический комитет МВД в 1894 г. был вынужден распродать на вес (по цене 50 коп. за пуд) 15 612 экземпляров изданий комитета (свыше 500 пудов) за период 1860–80 гг., причем, начиная с 1884 г., тиражи изданий ЦСК были существенно сокращены: в последнюю четверть XIX в. вместо 1-1,5 тыс. экземпляров печаталось не более 400-600 экземпляров изданий каждого наименования¹⁰¹. Количество подобных примеров можно множить.

Таким образом, вплоть до конца исследуемого периода, несмотря на вполне конкретные потребности самих ведомств в распространении научной, технической и статистической информации, издание научной литературы органами государственного управления являлось, в том числе, своеобразной формой государственного патронажа по отношению к сфере науки и научной информации.

Ученые комитеты сыграли свою, без сомнения, позитивную роль в становлении системы научной информации в России XIX в. Следует отметить, что вплоть до сороковых годов XIX столетия значительная часть трудов Академии наук выходила на иностранных языках¹⁰², и издания ученых комитетов пополняли состав научной литературы на русском языке. Именно учеными подразделениями министерств была выработана форма ведомственного издания научно-прикладного характера. Благодаря выходящим в свет периодическим изданиям и отдельным трудам был накоплен гигантский по объему массив научной информации о России, становившейся достоянием не только правительственного аппарата, но и научных и общественных кругов русского общества.

¹ Валькова О.А. Формирование научной периодической печати в России в XVIII в. // ИИЕТ им. С.И.Вавилова. Годичная научная конференция, 1997. Ч.1. С.27-30.

² Кузнецова Н.И. Социо-культурные проблемы формирования науки ... С.72.

³ ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21699; Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за 100 лет. СПб., 1902. С.38.

⁴ Каталог библиотеки Ученого комитета Министерства финансов. СПб., 1864. С.1.

⁵ РГИА, ф.1290, оп.1, д.94, л.8.

⁶ Каталог библиотеки Ученого комитета Министерства финансов. СПб., 1864. С.1.

⁷ РГИА, ф.1290, оп.1, д.80, л.1-7об.; д.104, л.4об-5.

⁸ Систематический каталог книг, находящихся в библиотеке Ученого комитета Министерства государственных имуществ. СПб., 1839. С.3-4; 26-32.

⁹ РГИА, ф.398, оп.6, д.1628, л.1-2.

¹⁰ ПСЗ-1. Т. XXXII. № 24971; ПСЗ-2. Т. II. № 1325.

¹¹ РГА ВМФ, ф.162, оп.1, д.145, л.17об.

¹² Лагутина Е.И. Журнал "Морской сборник" как источник по истории русского военно-морского флота. Дисс. ... к.и.н. М., 1982. С.60.

¹³ ПСЗ-2. Т. XXII. № 21737.

¹⁴ Министерство государственных имуществ. Инструкция библиотекарю Ученого комитета. Утверждена министром Государственных имуществ 29.IV.1853 г. СПб., 1853.

¹⁵ Правила для библиотеки Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ. СПб., 1898.

¹⁶ Филиппов Н.Г. Научно-технические общества России (1866-1917 гг.). М., 1976. С.24; Инженерный журнал. 1866. № 9. С. 39-85.

¹⁷ Каталог библиотеки Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ. СПб., 1901. С.1-III.

¹⁸ Каталог библиотеки Ученого комитета Министерства финансов. Дополнение 3-е. СПб. 1873. С.57-60.

¹⁹ Каталог библиотеки Ученого комитета Министерства финансов. СПб., 1864.

²⁰ Систематический каталог библиотеки Министерства финансов. Ч. II-я. СПб., 1904. С. IV.

²¹ Правила для библиотеки Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ. СПб., 1898. С.8.

²² ПСЗ-2. Т. XXXIV. № 34862; Т. XXXVIII. № 39884.

²³ Свод военных постановлений 1859 г. Ст.1565. Ч.1.Кн.1. СПб., 1859. С.339.

²⁴ Каталог библиотеки Военно-медицинского ученого комитета. СПб., 1878.

²⁵ ПСЗ-1. Т. XXXII. № 24971.

²⁶ ПСЗ-1. Т. XL. № 30423; ПСЗ-2. Т. X. № 42239.

²⁷ См., например, Попов И.И. Семидесятилетие Горного ученого комитета и Горного журнала // Горный журнал. 1900. Июль-август; Варадинов Н.В. Тридцатилетие "Журнала Министерства внутренних дел". СПб., 1859; Огородников С.Ф. Пятидесятилетие журнала "Морской сборник" (1848-1898 гг.). СПб., 1898 и др.

²⁸ Белогуров С.Б. История военной периодической печати в России (XIX – начало XX в.). Дисс. ... д.и.н. М., 1997; Лагутина Е.И. Журнал "Морской сборник" как источник по истории русского военно-морского флота. Дисс. ... к.и.н. М., 1982. См. также: Равич Л.М. Библиография в "Журнале Министерства народного просвещения" // Труды Ленинградского библиотечного института. 1959. Т.5.

²⁹ Заблоцкий А.П. Речь к юбиляру // Юбилей П.И.Кеппена 29.XII.1859 г. СПб., 1860. С.2.

- ³⁰ Валькова О.А. Формирование научной периодической печати в России в XVIII веке // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция, 1997. 1 часть. М., 1997. С.30.
- ³¹ Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за 100 лет. С.37.
- ³² ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21699.
- ³³ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20958.
- ³⁴ ПСЗ-2. Т. II. № 1325.
- ³⁵ Огородников С.Ф. Ук. Соч. С.106.
- ³⁶ РГА ВМФ, ф.162, оп.1, д.177, л.2.
- ³⁷ Там же, л.5.
- ³⁸ РГА ВМФ, ф.162, оп.1, д. 177, л.4-4об.
- ³⁹ Там же, л.5.
- ⁴⁰ Там же, л.1.
- ⁴¹ РГА ВМФ, ф.162, оп.1, д.160, л.1.
- ⁴² Днепров Э.Д. Морской сборник в общественном движении периода первой революционной ситуации в России // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1965. С.232.
- ⁴³ Лагутина Е.И. Ук.соч. С.60.
- ⁴⁴ РГА ВМФ, ф.162, оп.1, д.167, л.3-4.
- ⁴⁵ Там же, л.1.
- ⁴⁶ Постников А.В. Федор Федорович Шуберт // Творцы отечественной науки. Географы. М., 1996. С. 130.
- ⁴⁷ Лагутина Е.И. Ук.соч. С.52.
- ⁴⁸ ПСЗ-2. Т.2. Приложение к № 1325.
- ⁴⁹ РГА ВМФ, ф.162, оп.1, д.145, л.22,64.
- ⁵⁰ Огородников С.Ф. Ук. соч. С.131.
- ⁵¹ Там же. С.165.
- ⁵² Собрание инструкций, данных в разное время командирам русских судов, при отправлении в дальнее плавание. СПб., 1859.
- ⁵³ Программа издания // Артиллерийский журнал. 1839. № 1. С.1.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. С.2.
- ⁵⁶ Белогуров С.Б. История военной периодической печати в России. С.108.
- ⁵⁷ См.: Белогуров С.Б. Ук. соч. С.109, 112; Лагутина Е. И. Ук.соч. С.60-62.
- ⁵⁸ Свод военных постановлений 1859 г. СПб., 1859. С.333.
- ⁵⁹ Свод военных постановлений 1869 г. Изд. 2-е. Ч. 1. Кн. 1. СПб., 1893. С.49.
- ⁶⁰ Инженерный журнал. 1896. № 5. С.3.
- ⁶¹ Канкрин Е.Ф. Обзор примечательных действий по финансовой части в течение последних 20 лет // Сборник сведений и материалов по министерству финансов. СПб., 1865.
- ⁶² ПСЗ-1. Т. XL. № 30423.

⁶³ Попов И.И. Семидесятилетие Горного ученого комитета и "Горного журнала" // Горный журнал. 1900. Т. III (№7). С.2.

⁶⁴ Там же. С.6.

⁶⁵ Там же. С.5-6.

⁶⁶ Варадинов Н. Тридцатилетие "Журнала Министерства внутренних дел" // Журнал министерства внутренних дел. 1859. № 4.(Ч.38). С.30.

⁶⁷ Павлов Воспоминания металлурга. С.70.

⁶⁸ Попов И.И. Ук. соч. С.8.

⁶⁹ Под данным названием сборник выходил в 1864-1866 гг. В последующие годы издание имело названия: "Горнозаводская производительность в России" (в 1873-1884 гг.), во второй половине 80-х и 90-е гг. XIX в.: "Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России".

⁷⁰ Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 18... г. СПб., 1890-1900 гг.

⁷¹ Вешняков В.И. Высочайше утвержденный Комитет об усовершенствовании земледелия в России. С.11-12.

⁷² ПСЗ-2. Т. XII. № 10834.

⁷³ РГИА, ф.382, оп.9, д.1, л.19об.

⁷⁴ РГИА, ф.398, оп.25, д.9867. л.13.

⁷⁵ Десятковский-Заблюцкий А.П. // Вестник Европы. 1882. № 2.

⁷⁶ Баталин Ф.А. // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Т. 1. С. 732.

⁷⁷ Краткий обзор деятельности казенного лесного управления за 1893-1902 гг. СПб., 1903. С.284-285.

⁷⁸ См.: Русские официальные и ведомственные издания. Каталог. Т. III. СПб., 1996. С.8-11, 36.

⁷⁹ Библиографический обзор изданий Центрального статистического комитета МВД, вышедших по 1 августа 1895 г. СПб., 1895; Библиографический обзор русских статистических изданий. Вып.2. СПб., 1897.

⁸⁰ РГИА. ф.1290. оп.1. д.104. л.15.

⁸¹ Полшко Б.Г. Социально-экономическая статистика дореформенной России (1701-1861 гг.). Автореф. дисс. ... д.э.н. Л., 1963. С. 10.

⁸² Там же. С.19.

⁸³ Варадинов Н. Тридцатилетие "Журнала Министерства внутренних дел" // Журнал Министерства внутренних дел. 1859. Ч. 38. С. 5-4.

⁸⁴ Там же. С.11, 28.

⁸⁵ Там же. С.30-31.

⁸⁶ РГИА, ф.1290, оп.1, д.104, л.6-7об.

⁸⁷ Варадинов Н. Ук.соч. С.42.

⁸⁸ Там же. С.34.

⁸⁹ Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1839.

⁹⁰ РГИА, ф.1290, оп.1, д.141, л.3.

- ⁹¹ РГИА, ф.1290, оп.1, д.169, л.17об.
⁹² Статистический временник Российской империи. Сер. 1, вып.1, СПб., 1866. С.1.
⁹³ РГИА, ф.1290, оп.2, д.293, л.1об.
⁹⁴ Там же, л.1об-2.
⁹⁵ Там же, л.3.
⁹⁶ См., например, №37 О применении электричества к подсчету статистических данных. 1894; №43. Земская сельскохозяйственная статистика. Очерк. 1897.
⁹⁷ РГИА, ф.1290, оп.1, д.310, л.223.
⁹⁸ См. Лисовский Н.М. Библиография Русской периодической печати 1703-1900 гг.
⁹⁹ Филиппов Н.Г. Научно-технические общества в России (1866 –1917 гг.). С.188-189.
¹⁰⁰ Варадинов Н. Ук.соч. С.37.
¹⁰¹ РГИА, ф.1290, оп.2, д.395, л.1-1об.,4.
¹⁰² См.: [Куник А.А.] Об ученых сборниках и периодических изданиях Императорской Академии Наук с 1726 по 1852 год // Ученые записки Императорской Академии Наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1852. Т.1. Вып.1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание сети специальных учреждений, обеспечивавших научное обслуживание системы государственного управления, – ученых комитетов и советов министерств – обозначило важный этап и в развитии государственного управления, и в развитии науки как социального института. Появление подобных учреждений было продиктовано духом времени, вступлением не только России, но и европейской цивилизации в целом в эпоху бурного развития естествознания, широкого применения достижений наук в самых различных отраслях человеческой деятельности: промышленности, сельском хозяйстве, военном деле, транспорте и т.д.

Государственные учреждения, обеспечивающие те или иные потребности административных структур в средствах науки, ее выводах и прикладных результатах научных разработок, возникают в XIX в. и в других развитых странах Европы и Северной Америки¹. Однако появление подобных учреждений в России отличалось рядом существенных особенностей.

Своим рождением вспомогательные ученые подразделения были обязаны не столько естественному ходу социально-экономического развития страны, которое сдерживалось в первую половину XIX в. крепостнической экономикой и архаичной социально-политической системой, сколько стремлением правительственных кругов обеспечить политический, экономический и военный паритет со странами Европы. Век Просвещения коренным образом преобразовал систему мышления и ценностей правящего сословия. Научное знание, прикладные возможности наук начинают рассматриваться в качестве необходимого и высоко-

¹ В Великобритании еще с XVII в. существовала государственная обсерватория, в первые десятилетия XIX в. создаются государственные геологическая и метеорологическая службы, а в 1853 г. – Департамент науки и технических ремесел. В США первые шаги в создании государственных научных учреждений, обслуживающих нужды отдельных ведомств, делаются в первую половину XIX в. (Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах. С.27, 34-35, 206, 209).

эффективного средства развития важнейших сфер национальной экономики, укрепления обороноспособности, а также повышения эффективности самих государственных институтов. В известной степени акцент на научно-технологические источники развития был для просвещенной бюрократии паллиативом к решению наиболее острых социально-политических вопросов. Указанные обстоятельства обеспечили политику государственного патронажа системы подготовки кадров, необходимых государству секторов промышленности и т.п. Одним из важных инструментов этой политики выступили ученые комитеты министерств и ведомств.

Создание системы ведомственных ученых подразделений осуществлялось на фоне далеко не завершенного процесса институционализации российской науки. В первую половину XIX в. происходит становление системы организации национальной науки, определяется и оформляется юридически социальный статус “ученого сословия”, русский язык как язык науки обретает равноправие наряду с европейскими языками. В этих условиях появление “ученой службы” в министерских ученых комитетах и советах исполнило существенную роль в деле закрепления высокого социального статуса профессиональных деятелей науки, объективно способствовало инкорпорированию ученых в состав государственных служащих высокого ранга, привлекаемых к выработке управленческих решений. Конечно, эти тенденции и процессы не стоит переоценивать, однако на фоне социального положения ученых в предшествующем XVIII столетии изменения были более чем заметными.

Какую роль сыграли ученые министерские комитеты и советы, в какой степени им удалось стать “живым звеном между наукою ... и ее приложениями в мире административном”, в чем заключалась их “аванпостная служба на рубеже администрации”? Следует обратить внимание на два наиболее существенных, с точки зрения автора, момента:

- во-первых, на протяжении XIX столетия по мере развития науки, расширения потребностей государственных органов в научном обеспечении их деятельности задачи и функции ученых министерских подразделений существенно менялись, что, при сохраняющихся названиях, внешне стабильных формах организации, заставляет говорить, фактически, о различных по набору задач подразделениях в начале и в конце столетия;

- во-вторых, по своему первоначальному устройству, по принципам деятельности ученые комитеты и советы являлись коллегиальными со-

вещательными учреждениями. Структура членства, штаты комитетов формировались исходя из данной модели их организации. Эти изначально заложенные условия объективно ограничивали возможную эволюцию ученых комитетов и советов как организационной формы учреждения, осуществляющего функции научного обслуживания органов власти.

Первым этапом развития ученых комитетов следует признать первую половину XIX столетия. В эти десятилетия основным содержанием их деятельности были мероприятия, воплощавшие просветительские установки правящей элиты: патронаж над опекаемыми отраслями экономики, информационно-издательская деятельность, контроль над подготовкой кадров для нужд ведомства, развитие специального образования. Развертыванию масштабной деятельности в сфере научных и технических инноваций препятствовали не только объективные причины, коренившиеся в отмеченных выше факторах социально-экономического плана, но и общий уровень развития науки, отсутствие развитых прикладных направлений научного знания. Прогресс техники определялся более изобретательством, а совершенствование отдельных изобретений строилось на опытной, эмпирической базе. В этих условиях формы работы комитетов и советов, сводившиеся к рассмотрению предложений, являлись объективными. Однако, уже в 40-е и 50-е гг. XIX в. недостаточность базы ученых комитетов и советов для проведения даже таких исследований становится очевидной, что влечет за собой создание временных подразделений, нацеленных на разработку конкретных вопросов совершенствования и внедрения новых технических средств. Именно здесь сосредотачиваются, порой, значительные финансовые и материальные ресурсы, ведутся масштабные опыты. Таковыми были Комитет о подводных опытах, Комитет об улучшении штуцеров и ружей, первые опытные сельскохозяйственные подразделения (фермы) в Министерстве государственных имуществ.

Либеральные реформы 1860-1870-х гг. и последовавшее динамичное развитие промышленности, новые задачи в модернизации армии, флота, обозначили новый этап в развитии научно вспомогательных подразделений. Во многом сохранив ставшие уже традиционными формы организации, в течение 60-90-х гг. система ведомственной науки развивается как количественно, так и качественно. Происходит специализация ученых подразделений. Система научного обслуживания ведомств превращается в многоуровневую структуру, включавшую в себя экспертные, консультативные, экспериментальные подразделения. Выделяются

организационно в качестве самостоятельного элемента этой структуры редакции ведомственных специальных изданий. Отмеченные процессы требовали иного, более высокого уровня координации ведомственных научных и технических работ, причем, как внутри ведомства, так и в межведомственном плане. Вместе с развитием и усложнением структуры организации национальной науки, в первую очередь, с расширением сети научных обществ, ученые комитеты и советы стремятся взять на себя функции координации вспомогательных научных работ в интересах ведомств.

История ведомственной науки в России XIX в. иллюстрирует очевидный факт: конечная результативность деятельности научных учреждений, реализация научных разработок, оказываются напрямую связанными с официальной точкой зрения, политикой, реализуемой правящей элитой. Однако, было бы несправедливо не видеть и попыток научного сообщества, прогрессивной части бюрократии повлиять на выработку политических решений, обеспечить внедрение новейших научных и технических достижений. Ученые министерские подразделения оказывались одним из таких «механизмов влияния».

Нельзя не отметить той заметной роли, которую сыграли ученые министерские установления в деле создания национальной системы научной информации. Именно с деятельностью ученых комитетов и советов связано формирование ведомственных специальных изданий, выходящих на русском языке, и обеспечивавших не только доступность научных данных более широкому кругу образованной части общества, но и осуществлявших благодаря государственной поддержке просветительскую, образовательную роль, Комплекс научных данных, сведений о России оказались востребованными в ходе подготовки и осуществления реформ 1860-1870-х гг.

Девяностые годы XIX в. обозначили наступление нового этапа в развитии как ведомственных научных учреждений, так и системы организации науки в целом. Возникают новые формы организации научной деятельности – научно-исследовательские институты, в том числе и в ведомственных рамках (Главная палата мер и весов²), растет численность исследовательских учреждений (лабораторий, опытных сельскохозяйственных заведений) различной ведомственной принадлежности.

Если попытаться найти прямое продолжение организационным формам ученых комитетов и советов в последующем развитии форм организации научного обслуживания государственного управления, то сле-

дует указать на консультативные, экспертные и координационные советы и подобные им коллегиальные структуры, существовавшие и существующие в структуре государственного аппарата. История ученых комитетов и советов, по сути, – история постепенной специализации и разделения функций подразделений, обеспечивающих нужды государственного управления, – консультативных, исследовательских, информационных. Ученые комитеты, таким образом, выступили в качестве первоосновы, давшей впоследствии начало целому спектру форм организации науки в ведомственных рамках.

Изучение исторического опыта организации и деятельности ведомственных научных учреждений позволяет по-новому взглянуть на процесс становления системы научного обслуживания государственных органов России, выявить основные направления этого развития, в том числе и в тех его составляющих, которые и на современном этапе не утратили своей значимости и применимости.

² См.: Соболева Е.В. Организация науки ... С.45-46.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЭО	Вольное экономическое общество
ГАНО	Государственный архив Нижегородской области
МВД	Министерство внутренних дел
МГИ	Министерство государственных имуществ
МЗ и ГН	Министерство земледелия и государственных имуществ
МФ	Министерство финансов
РГО	Русское географическое общество
РТО	Русское техническое общество
РГА ВМФ	Российский государственный архив военно-морского флота
МОСХ	Московское общество сельского хозяйства
РГИА	Российский государственный исторический архив

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

а) Структура задач (предметы ведения) Ученых комитетов и Советов министерств в первой половине XIX в.

Подразделения	Научная информация							Учебные заведения и повышение квалификации							Научно-консультативная, экспертная деятельность, координация и руководство прикладными научными и техническими работами						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14							
Военно-ученый комитет (по "Положению" 1812)	+	+	+	+	+	+	-	-	-	+	-	+	-	-							
Военно-ученый комитет (по "Положению" 1836)	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	-	+	-	-							
Военно-медицинский ученый комитет	-	+	+	+	-	-	+	-	-	+	+	-	-	-							
Морской ученый комитет (по "Положению" 1827 г.)	+	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	-	-							
Морской ученый комитет (по "Положению" 1847 г.)	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-							
Статистическое отделение МВД	-	+	-	+	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-							
Медицинский совет МВД (по "Положению" 1822 г.)	-	+	+	+	-	+	-	-	-	+	+	+	-	-							
Медицинский совет МВД (по "Положению" 1841 г.)	-	+	+	+	-	+	-	-	-	+	+	+	-	+							
Ученый комитет МФ	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-							
Горный ученый комитет (по "Положению" 1825 г.)	+	-	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-							
Горный ученый комитет (по "Положению" 1834 г.)	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	-	+	+	+							
Особый ученый комитет по лесной части МФ	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-							
Ученый комитет III Департамента (Департамента сельского хозяйства) МГИ	-	+	+	+	+	-	-	+	-	+	+	-	-	-							

Приложение 2

ЧЛЕНЫ-КОРРЕСПОНДЕНТЫ УЧЕНОГО КОМИТЕТА
МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ИМУЩЕСТВ В 1853 Г.

а) территориальное распределение

Социальная принадлежность	Санкт-Петербург	Москва	Губернии Центра и Юга	Прибалтийские губернии	Новороссия и Малороссия	Север, Урал, Сибирь	Итого
Служащие в классных чинах:							
III класс	1						1 (1/0)
IV класс	11	3	1(0/1)		2(1/1)		17 (15/2)
V класс	17	1	3(3/0)	2(2/0)	4(2/2)		27 (25/2)
VI класс	3	1	1(1/0)	2(2/0)	1(1/0)		8 (8/0)
VII класс	2		3(1/2)		6(1/5)		11 (4/7)
VIII класс	3	2	1(1/0)		2(0/2)		8 (6/2)
IX класс	2		1(1/0)	1(1/0)	1(1/0)		5 (5/0)
X класс			1(0/1)		2(0/2)		3 (0/3)
XI класс			2(0/2)		1(0/1)		3 (0/3)
XII класс						1(1/0)	1 (1/0)
Помещики			2(0/2)	1(0/1)			3 (0/3)
Мещане, почетные граждане				1(1/0)		1(1/0)	2 (2/0)
Данных нет	3		5(2/3)	5(4/1)	5(2/3)	1(0/1)	19 (11/8)
Итого:	42	7	20	12	24	3	108 (78/30)

В графах 4 – 8 даны дополнительные количественные показатели в виде дробных значений: в числителе – члены-корреспонденты, живущие в губернских городах; в знаменателе – в уездных и в сельской местности.

б) члены-корреспонденты Ученого комитета МГИ, имевшие академические звания и ученые степени

Академические звания и ученая степень	Классы по табели о рангах			Территориальное размещение								Всего	
	IV класс	V класс	VI класс	1	2	3	4	5	6	7	8		
Академики СПб. АН	3	3		6									6
Профессора	2	10	1	5	2	1	1	1	1	1	1	1	13
Доктора		1		3									3
Магистры				1			1						2
Всего	5	14	1	15	2	1	2	1	1	1	1	1	24

В столбцах 1-8 указаны данные по следующим столичным и провинциальным центрам: 1 – Санкт-Петербург; 2 – Москва; 3 – Казань; 4 – Гельсингфорс; 5 – Дерпт; 6 – Киев; 7 – Могилевская губерния (Горы-Гореский земледельческий институт); 8 – Харьков.

Приложение 3

ВЕДОМСТВЕННЫЕ ИЗДАНИЯ НАУЧНОГО, ТЕХНИЧЕСКОГО И ПРИКЛАДНОГО ПРОФИЛЯ, ИЗДАВАВШИЕСЯ ПРИ УЧАСТИИ НАУЧНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МИНИСТЕРСТВ

Издания	1800-1810	1811-1820	1821-1830	1831-1840	1841-1850	1851-1860	1861-1870	1871-1880	1881-1890	1891-1900
Министерство морское										
Морские записки	1									
Записки Адмиралтейского департамента		1	2							
Записки Ученого Комитета [Морского Штаба]			2	1-2						
Записки Гидрографического [Депо] (Записки по гидрографии ...)				1-3	1				3	1
Морской сборник				12	12	12	12	12	12	12
Медицинские прибавления к "Морскому сборнику"							1	1	12	12
Министерство военное										
Артиллерийский журнал	6	6		6	6	6	12	12	12	12
Военно-медицинский журнал			6	6	6	12	12	12	12	12
Инженерные записки (с 1857 г. Инженерный журнал)			2	2	2	4	6-12	12	12	12
Военный журнал			6	6	6	6				
Военный сборник						12	12	12	12	12
Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений (с 1864 г. Педагогический сборник)				24	24	24	12	12	12	12
Записки Военно-топографического [Депо]				1	1	1	1	1	1	1
Оружейный сборник							4	4	4	4
Интендантский журнал										12
Министерство финансов										
Журнал мануфактур и торговли (в 1861-63 гг. - Промышленность)			12	12	12	12	12			
Горный журнал (до 1873г.)			6	12	12	12	12	12	12	12
Земледельческая газета (до 1837г.)										
Известия мануфактурные и горнозаводские				Еж-нед	Еж-нед	Еж-нед				

Продолжение приложения 3

Министерство государственных имуществ										
Горный журнал (с1873 г.)										
Земледельческая газета (с 1837 г.)				24	24	24	Еж-нед	Еж-нед	Еж-нед	Еж-нед
Журнал Министерства государственных имуществ (с 1865 г. Сельское хозяйство и лесоводство)				6-12	12	12	12	12	12	12
Известия Геологического комитета									До 12	До 12
Министерство внутренних дел										
Журнал министерства внутренних дел				3	До 12	4-12	12			
Архив судебной медицины и общественной гигиены (с 1889 г. Вестник общественной гигиены ...)								4	3	12
Архив ветеринарных наук									3	4-6
Главное управление путей сообщения (МПС)										
Журнал министерства путей сообщения. Часть неофициальная. (Инженер)									12	12
Министерство народного просвещения										
Журнал [Департамента] Народного просвещения				12	12	12	12	12	12	12
Всего изданий в указанное десятилетие	2	2	7	10	11	9	11	12	13	14
В том числе издававшихся непосредственно научно-вспомогательными подразделениями	2	2	6	7	7	6	2	2	4	4

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Ученые комитеты и советы министерств и ведомств в первую половину XIX в.	11
1.1. Предпосылки, условия, и особенности формирования министерских ученых учреждений. Проблемы типологии и периодизации министерских вспомогательных ученых подразделений.....	11
1.2. Создание системы ведомственных вспомогательных ученых учреждений в 1811–1840-е гг.	42
Глава 2. УЧЕННЫЕ КОМИТЕТЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.	79
2.1. Реформы ученых подразделений военного министерства	83
2.2. Развитие научных подразделений в ведомствах финансов, путей сообщения и госимущества.....	94
2.3. Попытки межведомственной координации научно-прикладных работ	110
Глава 3. ЧИНОВНИКИ И УЧЕННЫЕ: СОСТАВ УЧЕНЫХ КОМИТЕТОВ	125
Глава 4. ОРГАНИЗАЦИЯ И ВАЖНЕЙШИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНЫХ КОМИТЕТОВ	150
4.1. Структура задач ученых комитетов.....	150
4.2. Ученые комитеты в системе национальных научных учреждений.....	165
Глава 5. УЧЕННЫЕ КОМИТЕТЫ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ	197
5.1. Библиотеки ученых комитетов	199
5.2. Издательская деятельность ученых комитетов	206
Заключение.....	241
Список сокращений.....	246

ПРИЛОЖЕНИЯ	247
Приложение 1. Структура задач (предметы ведения) Ученых комитетов и Советов министерств в XIX в.	247
Приложение 2. Члены-корреспонденты ученого комитета министерства государственных имуществ в 1853 г.	250
Приложение 3. Ведомственные издания научного, технического и прикладного профиля, издававшиеся при участии научно-вспомогательных подразделений министерств.....	252

Алексей Андреевич МИРОНОС

**УЧЕННЫЕ КОМИТЕТЫ И СОВЕТЫ МИНИСТЕРСТВ
И ВЕДОМСТВ В XIX ВЕКЕ:
ЗАДАЧИ, СТРУКТУРА, ЭВОЛЮЦИЯ**

Монография

Редакторы

Е.В. Тамберг, О.В. Широкова

ИБ 1101

Темплан 2000 г., позиция 138
Лицензия № 020235 от 20.01.97

Обложка

Вилков К.А.

Подписано в печать 20.09.2000. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Уч.-изд. л. 17,8. Усл. печ. л. 14,8. Зак. 1449. Тир. 500. С546.

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603600, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23.

Типография Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603600, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37.

“Установления, подобные Ученому комитету, суть живое звено между наукою в общем смысле и ее приложениями в мире хозяйственном, учебном и административном; такие установления должны вести, так сказать, аванпостную службу на рубеже администрации: с одной стороны, следить за всеми подвижными явлениями преуспевающей науки, с другой – следить за столь же подвижными явлениями быта, освещать возникающие здесь вопросы светом положительного знания, и, наоборот, из сопряжения ежедневных событий извлекать задачи для решения науки, указывать те перерывы, которые существуют между наукой и жизнью ...”

А.П. Заблоцкий-Десятовский